

Кулешов Илья

ПРОКЛЯТЫЕ ДУШИ:

Сказание второе

18+

Кулешов Илья

Проклятые души.

Сказание второе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73343178

SelfPub; 2026

Аннотация

Дети Тьмы продолжают кровавую жатву, уничтожая разрозненные поселения. Они не остановятся, пока не пожрут всё человечество, либо пока не погибнет последний из них.

Проклятый разминулся с Еви в Эрдингарде. К добру или к худу, двое спутников, повстречавшихся в Паультрине, будут сопутствовать ему на неоднозначном пути вместе с грузом прошлого.

Караван настоятеля Прана пробирается через Кларнильсверф – королевство, чьи руины, по слухам, заселены сумасшедшими фанатиками. Свет Ралноса ведёт их по нужной тропе, а новый лидер беженцев лишь ступает по ней.

Еви, лишившись всего, оказывается в Исольтире. Ей предстоит то, что она поклялась не совершать, как только вернула трон – выйти замуж по расчёту. Магистр Ордена посылает Креоспена на другой конец света, дабы связаться с ячейкой диких ткачей и привести их на подмогу, заключая первое перемирие за стони лет.

Добровольческое формирование направляется на защиту границы. Дирамон идёт вместе с ним, даже не представляя, в какой кошмар попадёт.

Содержание

Мстить нужно правильно	5
Дети Света	25
Обрести новый смысл	40
Самые значимые исследования	58
Счастье не длится вечно	75
Так уж устроен мир	90
Нет пути обратно	106
На безрыбье и рак рыба	121
Иногда больше не значит лучше	139
Не о чем беспокоиться	155
Сильно припоздать	171
Нет смерти достойнее	188
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Кулешов Илья

Проклятые души.

Сказание второе

Мстить нужно правильно

Начало весны на Отколовшихся Островах мало чем отличалось от ежегодного возрождения жизни на огромном материке, разве что наступало на месяц позже. Солнце набрало достаточно сил, чтобы прогнать белых слуг зимы, защищающихся на последнем издыхании, без единого шанса на победу, и висело огромным светящимся диском на чистом небе. Скованные льдом ручьи уже начали свой бег по привычным извилистым маршрутам. Мимо каменистых полей и густых лесов. Первые подснежники поднялись навстречу миру.

Несмотря на всю красоту весны, рядом с ней всегда существовала её подруга – слякоть. Мерзкая жижа с противным характером. Если в поселениях от неё ещё спасали доски, выкладываемые специально для того, чтобы ненароком не промочить ноги, то во внешнем мире пенять можно было только на себя. Впрочем, Проклятому не на что было жаловаться. Он восседал на лошади, вне зоны досягаемости огромных луж.

В воздухе ещё присутствовала тяжесть холода, а ледяной бриз со стороны Океана Грёз заставлял путников плотнее кутаться в плащи и надвигать шапки на лоб, но только не Проклятого. Он ехал с откинутым капюшоном, подставляя лохматые пряди волос лучам солнца. Вдыхал полной грудью чистый прохладный воздух, чего не делал уже очень давно. Попытки пробудить в себе хоть часть старых ощущений, тех самых, из детства, с треском провалились. Впервые за двенадцать лет он вернулся домой. Никто не был рад его прибытию, некому было выслушать множество историй про его путешествия. Да и место, которое было его домом, исчезло без следа. Лишь голая земля да призрачные шепотки тех, кого он называл семьёй.

Проклятому казалось, что возвращение на родину пробудит в нём тёплые чувства, светлые воспоминания о счастливой жизни. Но спрыгнув с корабля на сушу, он ощутил щемящую пустоту в сердце, и сколько её ни заполняй, чёрная дыра продолжит зиять. Проклятый здесь чужак, без роду, без племени. Даже если появится возможность навсегда остаться на родной земле, заново отстроить поселение, в котором жил, он не станет. Ни одно место на всём белом свете Проклятый не мог назвать домом, но в то же время весь мир был для него пристанищем. Им были дорогие для него люди, а не деревянное строение с тёплой кроватью. Куда они – туда и Проклятый. Такие же заблудшие души, как и он сам, встретившиеся благодаря стечению ужасных обстоятельств. Сби-

лись в кучку, защищая спину друг друга. Ставшие братьями не по крови, а по воле судьбы. Говорят, семью не выбирают, так и они не выискивали друг друга.

Знакомые пейзажи то и дело мелькали, улавливаемые боковым зрением. Проклятому не нужно было смотреть, чтобы узнать их. Он всё прекрасно помнил. Излюбленные холмы и скалы. Каменистые бухты, служившие не раз ночным прибежищем ещё юному Проклятому. Старинные леса, в коих водилась дичь и множество вкусных ягод и грибов. Десятки потаённых троп, что он исходил вдоль и поперёк. Даже путь, по которому его несла лошадь, заучен наизусть, закрой глаза и иди себе. Такое знакомое, но в то же время далёкое, словно и не был он никогда на этих просторах, лишь видел их во снах, что на утро уже скрывались за густым туманом, а крошечные отголоски чудом проскакивали сквозь пелену, напоминая о своём существовании.

Колонна воинов медленно брела по промокшей дороге. На их усталых, с ещё незажившими ранами лицах, словно отражаясь от солнца, искрилась радость по возвращению домой. Вражда между двумя кланами подошла к концу, и Тирнош одержал победу над Гиршном. Впереди их ждёт великий праздник и тёплые объятия родных. Теперь они правят обширной территорией, а их влияние разрастётся за пределы острова. Глядишь, смогут занять место среди Великих Кланов.

– Всё никак не могу привыкнуть к долбанному холоду.

Был бы он человеком, зарубил бы его к чертям собачьим. – Ваялнир поравнялся с Проклятым и попытался натянуть капюшон сильнее, но тот снова съехал на затылок.

На его хмуром, гладковыбритом лице легко проглядывалось недовольство. Светлые глаза с нескрываемой злобой смотрели на всадника, ехавшего впереди, словно пытались проделать в нём дырку. Чёрные волосы коротко подстрижены, лишняя морока ему была ни к чему. Яркие выраженные скулы и чеканный подбородок делали его мужественным до невозможности. Ростом он был немного выше Проклятого, но, в отличие от него, за спиной носил огромный двуручный меч, смотревшийся в его руках нелепо, но только до тех пор, пока Ваялнир не пускал его в ход.

– Значит, ему повезло быть бестелесным и доставлять так много дискомфорта. – с лёгкой усмешкой заметил Проклятый.

– У вас на Островах всегда так холодно? – очередной порыв ветра заставил его поёжиться.

– Бывает и тёплая погода, порой, даже потом обливаешься. Лично мне сегодняшняя погода только в радость.

– Ещё бы. – хмыкнул Ваялнир. – Ты у нас любитель поморозить яйца. Может, поделишься секретом, как так же стойко переносить невзгоды погоды?

– Попробуй пару раз окунуться в океан во время заморозков, сразу поймёшь, что по сравнению с тем адским холодом, скручивающим все конечности, сегодняшний день словно

печка полная дров.

– Правда поможет? – с недоверием покосился Ваялнир.

– Думаю, нет. Скорее всего, это врождённое. Жару же я так и не научился терпеть, хотя сколько времени мы ползали по пустыням в Арканоре?

– Дольше, чем нужно. – от воспоминаний его передёрнуло. – Ноги моей там больше не будет.

– Зато заплатили нам сполна.

– Угу, а потом несколько заведений из Оазисных Городов неплохо обогатились. До сих пор не верится, что Юрген допустил такое. Деньги испарились буквально за неделю. – Ваялнир отнюдь не злился, а забавлялся внезапной расточительностью брата.

– Уж он точно не жалеет о потраченном. Арендовал целый бордель и провёл там незабываемую ночь.

– Про которую он ничего не помнит?

– Именно. – Проклятый улыбнулся.

– Лучше бы в дело деньги пустили.

– Позволь поинтересоваться, в какое?

На берегу океана, по левое плечо от Проклятого, на сушу выбрался черноглазый тюлень, подставляя брюшко лучам солнца. Рядом с ним валялась недоеденная рыба. Пара чаек боязливо посматривали на неё, не решаясь подойти ближе. Несколько скачков вперёд и тут же бегство на начальные позиции. Волны с шумом накатывали, унося песчинки в океан, где их ждало долгое путешествие, конец которому

может наступить ещё очень нескоро.

Спереди раздалось несколько громких ругательств. Кто-то из солдат поскользнулся и плюхнулся в лужу, застопорив движение. До поселения клана Тирнош оставалось не так долго. Когда береговая линия завернёт направо, вдалеке покажется массивный Жертвенный Утёс, в тени которого построены приземистые деревянные дома, укутанные мхом, надёжно защищающим от зимних холодов. На вершине утёса сооружён небольшой алтарь, где до сих пор приносятся жертвы в дар «Древним Богам». Как бы влияние Ралноса ни было велико, на Отколовшиеся Острова ему не было хода.

– Купить землю. Построить дом. – Ваялнир ненадолго призадумался. – Огород высадить. Скотину развести.

– Сам будешь репу да пшеницу выращивать?

– Нет, конечно, делать мне больше нечего.

– Тогда на кой хрен тебе сдалась эта земля?

– Хочу пожить как нормальный человек. По крайней мере попробовать, может из этого что и выйдет. Жену найду, детей вместе заделаем. Будем жить одной большой семьёй.

– Дядей меня сделать хочешь? – Проклятый попытался представить, как нянчиться с детьми, но не смог.

– У тебя выбора не будет. – на насупившемся лице Ваялнира промелькнула улыбка. – Тебе необязательно сидеть на жопе ровно, да скотину пасти. Можешь путешествовать сколько душе угодно, зная, что всегда есть место, куда можно вернуться.

– Звучит замечательно. – Проклятый смотрел на названного брата. Как неловко ему говорить. Словно слова по своей воле переделывались, нисходя с его губ. Проклятый искренне желал, чтобы так всё и получилось по итогу. Мечта Ваялнора исполнилась, как и мечты остальных. Но он не верил в лучшее, оно никогда не наступало. – И точь-в-точь, как наш старикан.

– Знаешь, теперь я всё чаще задумываюсь, что он был прав. – на лице Ваялнора отразилась скорбь по тому, чего никогда не было.

– Но мы ушли, а былого не вернуть. Таким, как мы, не суждено жить нормальной жизнью. – Проклятый больше говорил за себя, чем за остальных.

– У одного из нас, может, и получится, а там, глядишь, и другие смогут. – тень надежды прозвучала в голосе Ваялнора. – Да и вообще, помечтать уже нельзя? Будто у тебя нет мечты.

– Нет. – спокойно ответил Проклятый.

– Разве твою месть нельзя назвать мечтой?

– Ни в коем случае. У мечты и мести есть одно очень большое различие. В отличие от мечт, месть чаще всего осуществляется.

С неба падал мокрый снег. Снежинки наполовину умирали, достигая земли. Одна из них славировала на ладонь Проклятого и почти моментально растаяла. На коже осталась ма-

ленькая капля воды. Из медового зала доносился шум пирушки. Куплеты песен текли рекой, как эль и медовуха. Деревянные кружки с характерным звуком чокались, проливая добрую половину спиртного. Царила атмосфера веселья. У Проклятого она вызывала омерзение. Он просто не мог находиться внутри так долго.

Проклятый достал трубку. Забил в неё сухие плоды гаинии и поджёг пальцем. Поможет немного расслабиться. Он не хотел задурманивать себе рассудок, но эффект продлиться не так долго. Когда придёт час, его ум будет ясен как никогда. Солнце только завершало дневной цикл, наполовину выглядывая из вод океана. Впереди ещё вся ночь, а план придёт в исполнение лишь к рассвету. А до тех пор Проклятый не собирался пребывать в здравом уме. Иначе он просто не сможет выдавливать из себя улыбки и смеяться вместе с остальными. Только не с этими подонками. Правда, то, что он собирается сделать, делает его ничуть не лучше их. К сожалению для них, ему глубоко насрать.

– Пропускаешь всё веселье? – из медового зала грузно вывалился человек среднего роста с аккуратными каштановыми волосами. Щёки так и пылали, придя в исступление от духоты зала, скопившейся от десятков дыханий.

– Бывало и повеселее.

– Арканор. Бордель. Бурная ночь в окружении прекрасных шлюх? – светло-голубые глаза Юргена, расчётливые, как и всегда, здраво оценили ситуацию. Потому он поменял те-

му и выбрал как можно более отдалённую от места их пребывания.

– Ты всё-таки помнишь? – Проклятый удивлённо взглянул на ещё одного названного брата.

– Ни капельки. – Юрген усмехнулся. – И очень об этом жалею. Хотелось бы узнать, что заставило меня потратить такую баснословную сумму, да к тому же на женщин. – Юрген попросил трубку и глубоко затянулся, а потом закашлялся. – Ну и дрянь, всё-таки выпивка мне больше нравится.

– А ты не думал, что твоё сознание само скрыло столь шокирующее воспоминание? – Проклятый забрал обратно трубку. Посмотрел на неё немного и, плюнув на всё, забил ещё раз, плотнее, чем в прошлый.

– Думаешь, такое возможно? – Юрген нахмурился. В его голове сейчас происходили всевозможные подсчёты и вероятности. – И как его тогда раскрыть?

– Хрен его знает. – Проклятый пожал плечами и ещё раз затянулся.

– Может, всё-таки зайдёшь внутрь?

– Нет. – ответил Проклятый, давая понять, что никуда не сдвинется с места, даже если небо начнёт падать на голову. – Позовёте, когда всё будет готово.

– Тебя понял. – Юрген подтянул штаны. Его небольшой живот едва колыхнулся. Проклятый всегда удивлялся, как он его умудряется так быстро наесть и так же быстро сбросить. – Жалко, что остальным мы заплатили заранее. Могли

пообещать отдать все сокровища клана после, а по итогу порешать их. Только в плюсе бы остались.

– Для того, чтобы мой план сработал в точности, как я хочу, потребуется больше, чем девять пар рук. К тому же, кто нам мешает убить их после?

– И то верно. – Юрген прямо-таки просиял. – Ты не пове-ришь, словно гора с плеч упала. Если остальные согласятся, то так и поступим.

– Вообще-то я просто предложил, мне плевать, как всё обернётся. Мой голос можешь считать за нейтральный.

Но Юрген его уже не слышал. Он зашёл обратно в медо-вый зал, оставив Проклятого одного. Но зачем нужна компа-ния, когда вскоре над головой из темноты возникнут тыся-чи мерцающих огоньков? На небе загорелась первая точка. Проклятый поднял взгляд. Ему ещё нравилось смотреть на звёзды.

В жарком зале, наполненном массой потных, разгорячён-ных тел, витали клубы дыма от табака. Многие уже упали под стол и захрапели, единицы смогли дойти до кроватей на своих двоих, изо всех сил стараясь не удариться о твёрдую землю лбом. Празднование победы подходило к логическо-му концу, но, как это часто бывает, конец – это лишь начало чего-то нового, и это новое не обещает быть радужным.

Ярл Ниурульф восседал на троне, в окружении самых вер-ных друзей, проверенных суровым временем. Вместе они

росли, пошли в первую битву, пережили множество сражений, местные скальды сложили о них не одну песню. На лице Ниурульфа появились складки морщин, чёрная грива волос поредела и окрасилась в белизну зимы. Его товарищей время тоже не стало щадить, оставив на стареющих телах неизгладимые шрамы. Они ещё не были дряхлыми стариками, но и бурление молодости давно покинуло их. Победили в затяжной войне между кланами, но уже не ради себя. Ради своих детей и внуков, что вскоре придут им на смену. Их дорога приключений медленно подходила к концу, как бы этого ни хотелось.

Когда живёшь бок о бок с человеком, то чаще всего не замечаешь его преобразования. Скорее всего, не хватает контраста, в конце концов, каждый день одно и то же лицо, глаз привыкает к однообразной картинке. Проклятый же прекрасно видел, как они изменились спустя двенадцать лет. Время – страшная штука. Незаметно, год за годом, оно двигает человека всё ближе к могиле, пока не столкнёт в давно вырытую яму. А ведь когда-то Ниурульф был писанным красавцем. Теперь больше походил на обычного толстяка выпивоху.

– Ещё один тост! – Ниурульф грузно поднялся, отодвигая пузом стол. – Мы победили, и завтра нас ждёт светлое будущее, о котором мы так мечтали! – он громко рыгнул, вызвав раскаты хохота. – Спасибо за аплодисменты. – его голова качнулась вниз и резко поднялась. – Все мы отважно

сражались! Храбрые воины клана Тирнош! – одобрительный рокот немногочисленных мужей, оставшихся в столь поздний час на празднестве, раскатился по залу. – Но также, мы высоко ценим наших друзей!

Последние слова эхом отдавались в голове Проклятого, всё не прекращаясь и не утихая, наоборот, набирая сил. Он заскрежетал зубами и как можно сильнее впил ногти в кожу ладоней, чтобы унять дрожь. Тонкие струйки потекли сквозь пальцы.

– Наёмники, что внесли огромный вклад в нашу победу! Не побоюсь этих слов, без вас мы, скорее всего, бы не выстояли! – Ниурульф указал кубком на стол, специально отведённый отряду наёмников, но он был почти пуст. Помимо Проклятого там сидело ещё трое. – А куда все подевались? Уже завалились спать? Я думал, вы посильнее будете. – новая волна смеха прокатилась по залу.

В дверном проёме появились люди с оружием в руках. Как раз остальные наёмники, которых не хватало. Они перегородили вход и недвусмысленно давали понять свои намерения.

– Как это понимать? – Ниурульф с грохотом опустил кружку на стол. – Мы принимаем вас у себя дома, кормим, обращаемся с вами, как с дорогими друзьями, и вот что получаем взамен?! Да как вы смеете нарушать закон гостеприимства, ублюдки без чести!

– Смешно слышать такие громкие речи от такого куса дерьма, как ты. – Проклятый взял свой меч из рук одного

наёмника. – Свою честь ты давно бросил в навозную яму. Закон гостеприимства! – Проклятый оскалился. – Будто тебе не насрать на него! – он не замечал, как его лицо дёргается от спазмов, с трудом сдерживая лавину ненависти.

– Закрой свою пасть, щенок! – прошипел Ниурульф, сжимая ладонями деревянный край стола, на секунду его лицо приобрело растерянный вид. Он ощущал то, что исходит от Проклятого, и это вселило в него зерно страха. – Ты меня совсем не знаешь.

– Ещё как знаю. Лучше, чем мне хотелось бы.

В медовом зале был явный перевес сил. К сожалению для Ниурульфа, чаша весов склонялась не в его сторону. Несколько захмелевших кинулись в сторону Проклятого. Ярл успел только моргнуть, и вот тела лежат на полу, а из-под них выливается кровь. Проклятый кивнул в сторону стола, за которым ещё оставались несколько кутил. Зарезать пьяных в стельку было проще простого. Те, кто в эти мгновения громко храпел, больше не проснулись. Ниурульф стоял и беспомощно озирался по сторонам, не веря своим глазам. Четверо его братьев по оружию думали о том же, о чём и он. Выбор у них простой: либо броситься с оружием в руках и умереть, либо сдаться. Времени на раздумья им не дали. Ниурульфу прилетело несколько ударов, и его повалили на землю. Связали по рукам и ногам, бросив в центре зала. Четверых оставшихся положили рядом.

– Крикнешь, когда будешь готов. – Ваялнир положил руку

на плечо Проклятому. – Остальные на выход. – в помещении остался только Проклятый и Ниурульф с остатками своей гвардии.

– Что ты тут устроил, ублюдок? – Ниурульф лежал на полу в позе червяка, смотря на Проклятого ненавистным взглядом. – Боги не простят тебе этого.

– Богам глубоко насрать и на тебя, и на меня. – Проклятый сел на стол, свесив ноги. – В противном случае они бы уже давно покарали твой старый зад.

– Не носи чепухи! – ярл тряхнул головой, отбрасывая прядь волос со лба. – Ты ничего не знаешь о наших обычаях, чужак!

– Чужак, значит... – Проклятый вертел нож у себя в руках, а потом посмотрел главе клана прямо в глаза. – Ты правда не узнаёшь меня?

– Ещё как узнаю. Нанял тебя и остальной сброд для помощи. Хорошую сумму заплатил, а ты, по всей видимости, решил, что тебе мало. – пролаял Ниурульф.

– Не помнишь. – Проклятый спрыгнул со стола и подошёл к ярлу. Присел на корточки и как можно ближе придвинулся к его лицу. – А ведь когда-то катал меня на плечах. Даже учил с мечом обращаться, когда я гостил в твоём клане. Мы были одной большой дружной семьёй.

– Я не понимаю, о чём ты. – ответил Ниурульф, но уверенность в нём быстро угасала.

– Может, ты просто не хочешь вспоминать? – Проклятый

встал и отошёл. – Я напому тебе, ведь для меня воспоминания так же свежи, будто всё произошло вчера. За двенадцать лет они так и не поблекли. Ни одна мельчайшая подробность не забылась. Может, то, что ты вручил мне в тот день, сможет помочь твоей памяти. Подарок на мой десятый день рождения. – Проклятый метнул нож. Он вонзился в деревянный пол прямо перед носом яра.

– Не может быть! – в его опьянённом сознании выстраивались логические цепочки, нехотя, но он начинал понимать, кто стоит перед ним. – Ты же умер тогда! – его голос задрожал. – Не мог ты выжить, просто не мог! Парень, ты сын Аннилат и Вирлуфа. Наследник клана Кинторлофф!

– Теперь это неважно. Клан Кинторлофф слился с белизной. Навсегда выписан со страниц истории. – как нет и мальчика, которого знал Ниурульф. Он умер в тот день, а снежная земля поглотила его тело.

– Вот, значит, как. – голос Ниурульфа успокоился, смирившись со своей судьбой.

– Ответь, зачем ты так поступил? Зачем убил тех, кого в глаза называл семьёй? Убил, разделяя еду и выпивку за одним столом. Если бы... – не горячо любимый сын, оказавшийся не в том месте, не в то время, мама бы смогла выжить. Она отвлеклась всего на одно мгновение, чтобы спасти его, но этого мгновения оказалось достаточно. В груди зияла рана, а окровавленный клинок словно тянулся к Проклятому. Из её рта потекла кровь. Аннилат протянула дрожащую ру-

ку, с её губ сорвался немой крик, прежде чем она обмякла.

«Беги!» – голос матери отчётливо прозвучал в ушах Проклятого. А он стоял, не в силах пошевелить ногами и вздохнуть. Тело перестало функционировать. И мерцание двух зелёных огоньков, смотрящих на него сквозь языки пламени.

– Как ты уже сказал, теперь это не имеет никакого значения. Бери нож в руки и кончай с этим. Но не думай, что после по твою голову никто не придёт.

– Не придёт. – ледяным тоном проговорил Проклятый. – Мстить нужно правильно, так, чтобы после не осталось никого, кто захочет всадить нож в спину.

– Что ты...

– Запускайте! – Проклятый не дал договорить Ниурульфу.

Двери зала отворились. Девчущку лет восьми втолкнули внутрь. На её лице была повязка. Она ничего не видела, но всё равно боязливо посматривала по сторонам. Её выдернули из кровати незнакомые люди и вывели на улицу, не дав надеть обувь. А после завязали глаза. Она не могла понять, где именно находится, но понимала, что скорее всего в медовом зале. Только в нём так громко хлопают двери.

– Иди на мой голос.

Девочка вздрогнула и повернулась на источник звука. Неуверенно, медленными шагами пошла в его сторону.

– Вот так, молодец. – Проклятый положил руки ей на плечи. Её трясло так, словно искупалась в ледяном океане.

– Что ты собираешься делать? – Ниурульф смотрел на

свою внучку. – Олиренна, не бойся, милая, всё будет хорошо.

– То же, что вы сделали со мной. – он, сам того не замечая, сильно сжал маленькие плечики, но Олиренна не издала ни звука.

– Не делай этого. Прошу. – Ниурульф выглядел жалко. Казалось, он вот-вот заплачет. – Думаешь, твои родители хотели бы этого? Смог бы посмотреть им в глаза после содеянного?

– Люди никогда не мстят ради убитых. Этим прикрываются лишь лжецы. Мечь – удел живых. Мертвецам уже всё равно. Так что я сделаю то, что сделаю, только для себя. Моех родных ничто не вернёт. Но мне станет жить чуточку спокойнее с осознанием, что все виновные в их смерти сошли! – глаза Проклятого источали ненависть, весь его образ вибрировал от неё. Каждая клеточка организма наполнилась её желчью.

– Она же всего лишь ребёнок. Её даже на свете не было тогда. Только мы пятеро причастны к уничтожению твоего клана. Отпусти девочку. Она ни в чём не виновата. – взмолился Ниурульф.

– А в чём были виноваты дети моего клана? Сколько вы тогда убили? В ваши планы не входило оставлять кого-то в живых. Но я выжил, по нелепой случайности, но остался совершенно один. С тех самых пор я ждал, когда же наступит момент моей мести, когда я заставлю испытать вас тоже, на что вы меня обрекли.

– Остановись! Не делай этого!

Может, ему и правда стоит остановиться? Оставить всё, как есть. Собрать манатки и свалить куда подальше. Можно врать кому угодно, но только не себе. Проклятый оборвёт нить существования клана Тирнош. Ниурульф и остальные кричали, но Проклятый их не слышал. В его голове мелькали красочные картинки. Дом. Пристань. Родные леса и фьорды. Друзья, с которыми он играл в лесах и на берегу океана.

Дедушка, рассказывающий про свои приключения, и учащий истории мира. Старый воин был утыкан стрелами и еле держался на ногах от многочисленных ран, но никто из десяти воинов, взявших его в кольцо, не решался подойти и добить. Вот отец показывает ему приёмы на мечях, как правильно сражаться. Он пытался быть суровым, но никогда не мог сдержать улыбки. Ему засадили нож под рёбра, когда он чокался кубками, но он голыми руками свернул убийце шею, а после забрал на тот свет ещё несколько душ.

Проклятый впервые показывает маме, как сплетает из нитей огонёк на своей крохотной ладошке. Мама была так рада. Жалко, что не успела научить его всему. Умерла, защищая младшего сына. Старший брат, катавший его на лодке и обучающий морскому делу. Позже он не будет рассказывать родителям, как младший братишка тайком выбирается из дома и всю ночь напролёт проводит в океане. До последнего пытался защитить брата, хотя и сам ещё не успел стать полноценным мужчиной.

И наконец, детское лицо Ингердит – его лучшей подружки. С ней он проводил больше времени, чем с остальными друзьями. Они бежали, держась за руки, когда что-то резко потянуло Проклятого назад. Он упал, ударяясь затылком о землю, но не выпустил её руку. Обернулся и увидел её потухшие глаза, цвета северного сияния. Белые, почти как снег, волосы трепетались на ветру. Из уголка рта потекла струйка крови. Она бы выросла очень красивой, по крайней мере так казалось Проклятому. Вполне возможно, он полюбил бы её. А может, любил её и тогда, просто ещё не мог понять в силу своего возраста...

– Нееееет! – пронзительный крик вырвал Проклятого из небытия.

Ниурульф истошно вопил, захлёбываясь слезами. Бился головой об пол, разбивая её в кровь. Верёвки на запястьях въедались ему в кожу. Проклятый непонимающе смотрел на него, как он подползает к его ногам. Опустил взгляд. На полу лежала девочка. Из её горла вытекали последние остатки жизни, пока она подёргивалась в конвульсиях. В правой руке Проклятого крепко зажатый нож. С кончика острия на пол капает кровь. Выбор сделан.

– Запускайте! – двери отворились...

Проклятый вышел на улицу. Солнце начало ежедневное восхождение несколько часов назад. Проклятый достал трубку из внутреннего кармана. Забил её, глубоко затянул-

ся и очень долго не выпускал дым. На одной из деревянных ступенек, сгорбившись, сидел его третий названный брат – Санатронт. Он рисовал что-то на снегу палкой, скорее всего, концепт очередного изобретения. Санатронт выпрямился во весь свой высокий рост. Повернулся. Короткие светлые волосы слабо трепетались под утренним ветром. Холодные светлые глаза безразлично моргали. Его орлиное лицо было спокойным, как и всегда.

– Закончил?

Проклятый кивнул.

– Хорошо, а то мне надоело морозить зад. Ты уверен, что не хочешь добивать их?

– Незачем, с выколотыми глазами далеко не уйдут.

Последнее, что видели в своей жизни старики клана Тирнош – груды мёртвых тел, пока слёзы не смешались с кровью.

– Умно. – с долей уважения ответил Санатронт. – Юрген говорил, что ты за то, чтобы просто убить парней, а все деньги забрать себе.

– Мне плевать, пусть делает что хочет.

– Я так и думал. Мне, впрочем, тоже наплевать. Пускай решают без нас. Не повезло этим ребятам. – Санатронт говорил то ли про тех, кого они нанимали, то ли про клан Тирнош. – Пойдём, затащим пару раз из твоей трубки.

Проклятый бросил последний взгляд на могильник клана Тирнош.

– Да, видимо, не повезло.

Дети Света

Давным-давно, в настолько старопомытные времена, что порой задумываешься, а были ли они на самом деле, или это лишь выдумка, какие часто слышны в тавернах по вечерам за кружечкой пенного, была только тьма. День не отличался от ночи, даже звёзды не излучали тёплое сияние. Не было солнца, оно не будило по утрам и не согревало своим теплом. Не было даже огня, способного разогнать тьму вокруг. Она своей жёсткой рукой правила всем живым на земле. Её главным орудием был страх, а тени – верные слуги, глаза и уши. Тогда они были неразлучны со своей госпожой, ведь света ещё не было.

Люди жили в страхе. Немощные, хилые, тощие до такой степени, что выпирающие рёбра рвали кожу. Без крова над головой и без цели в жизни. Словно призраки, они сновали по бесплодной земле, волоча слабые ноги туда, куда падёт их взгляд. Люди не умели строить дома, мастерить инструменты, засаживать огромные поля плодами, что позже будут их кормить. Не строили корабли, рассекающие морские просторы, не шили одежду, ходя в чём мать родила. Не писали прекрасные картины, не было ещё сложено множество песен. Да и откуда взяться искусству, если даже язык тогда не существовал? Люди были столь же ничтожны, как и земляной червяк.

Когда-то Тьма стояла во главе всего. Люди были её детьми. Но однажды всё изменилось. Тьма навсегда потеряла власть. Никто не знает, как именно это произошло, в какое время и в каком месте. В высоких заснеженных горах, возвышающихся на горизонте, или в глубинных пещерах, уходящих на множество километров вниз, а может в бескрайней пустыне с песчаными дюнами? Ралнос явил себя. Воплощение света появилось словно из ниоткуда. Предстало перед жалким человечешкой во всём своём величии. Человек не знал, кто перед ним, его глаза видели только яркий свет, такой чуждый его миру, но он не испытывал страха перед ним, трепетал пред его могуществом, тянулся к нему всем телом, чувствовал тепло. Ралнос говорил с ним, поведал о себе, рассказал, что нужно делать человеку, что удостоился первым узреть Бога.

Он призывал к борьбе. К священной войне против Тьмы. Просил рассказать о себе всем остальным. Стать лидером и повести человечество в бой. Бороться за своё будущее, светлое будущее. Напоследок он оставил прощальный подарок. Попросил человека вытянуть руки и вложил в них что-то тёплое. Человек не видел, как Ралнос дарует ему огонь, частичку своего существа. Не видел, потому что ослеп от столь яркого света, привыкшие к вечной тьме глаза не смогли выдержать. А может всему виной облик господя, недоступный смертным?

И принёс первый, узревший Бога, весть о нём. Показал

людям огонь, что бился как сердце. Отпрянули люди поначалу, испугавшись неведомого, но сила, что исходила прямо из огня, тянула к себе. Медленно подползли они и широко открытыми глазами долго смотрели на него. Посланник Господа оставил фрагмент огня Ралноса и направился дальше, дабы распределить милость Бога между всеми людьми. Так и ходил он, пока не обошёл все места на земле и не раздал последнюю искру священного огня, что передал ему Ралнос.

По всему миру разгорались огоньки, превращаясь в огромные костры, подпитываемые верой. Люди научились отгонять тьму, пользуясь даром Господа. А в один день тьма внезапно рассеялась, а на голубом небе, что раньше было чернее ночи, сиял огромный шар. Его лучи, словно длани господни, спускались на землю. И упали люди на колени, вознося молитвы Ралносу.

Так время поделилось на день и ночь. Люди развивались, выползая из пещер. Строились храмы, города. Улучшались технологии, осваивались всё новые и новые земли. Тьма никуда не ушла, но потеряла свою силу. Тени, пока светило солнце, прятались за всем, чем придётся, будь то люди или деревья. Человечество стало Детьми Света. Стало Детьми Ралноса.

По крайней мере, именно так и говорилось в священном писании, конечно, если сократить всю информацию до минимума. Раньше Пран всегда держал при себе трактат Господа, но теперь его не было рядом. Он и так знал наизусть

от корки до корки, но не это послужило причиной отказа от него.

У Прана было несколько другое видение истории. Без света не бывает тьмы. Потому и Ралнос появился не из неё. Именно он её создал. Произвёл на свет своего злейшего врага и выпустил его на волю, наблюдая, как она издевается над миром. Ралнос поступил так исключительно в корыстных целях, ему нужна была вера. Она его еда и энергия. Без неё все силы покинут его. А может, ему было просто скучно, и он решил поразвлечься. Пути господни неисповедимы.

Был ли Ралнос на самом деле или никогда не существовал? Покинул своих детей или наблюдает со злорадной ухмылкой на лице? Всё это не имеет никакого значения. Жизнь идёт своим чередом. Пран и сам до конца не знал, в какую из версий верить, да и нужно ли верить. А может, люди сами создали его? Воплотили в жизнь своей верой. Так сильно верили, что он появился на свет.

Теорий множество, а искать среди них правду чёрт ногу сломит. Да и Прану, по большому счёту, было всё равно. В любом случае, его жизнь никак не поменяется. Он не свалится с лошади от озарения и не закричит на небеса, надрывая глотку. Скорее всего, даже не моргнёт. Продолжить ехать вперёд, ушедший глубоко в себя, как он делал уже на протяжении долгого времени.

Караван в удобном для себя темпе продвигался вперёд, с каждым днём оставляя Эрдинсгард всё дальше и дальше по-

зади себя. Шли, не оборачиваясь на руины некогда великого города. Его стены распались на камешки, всё, что могло сгореть, превратилось в пепел, слабый дым всё ещё поднимался вверх, словно душа выходила наружу из убитого тела, а ветер подхватывал её на лету и уносил далеко-далеко. Позади остались крики умирающих, всё ещё надеющихся, что смерть чудесным образом, в самый последний момент, минует их. Там, среди всего хаоса, осталась и надежда на спасение. Эрдинсгард был спасительным маяком, манящим утопающих к себе, но его больше нет.

Надежда сгинула, когда Пран увидел город, умирающий под напором несметной толпы. Многие готовы были сдаться и принять свою судьбу, но Ранст повёл их за собой и подарил новую надежду на спасение. Далёкую, находящуюся за много километров, но всё же реальную. Уже не с такой уверенностью на светлое будущее, но всё-таки они шли вперёд.

Путь пролегал через Кларнильсверфф – королевство, что возможно тяжелее всех пережило конец света. Обширные и не густозаселённые земли первыми подверглись нападению Детей Тьмы. Они терзали их, проливая реки крови. Вряд ли сейчас там найдётся хотя бы один живой город. Рассчитывать можно разве что на деревню, не больше. Раньше ходили слухи о группе одичавших культистов, утративших человеческий облик, но достоверной информации об этом не было, лишь рассказы в тавернах.

Пран сидел рядом с костром, монотонными движениями

доставляя пищу в рот. Ложка за ложкой. Идеально отточенные действия. Рука двигалась словно сама по себе, без участия её обладателя. Настоятель смотрел в огонь потухшими глазами. Ни о чём не думал, ни о жаре огня, ни о вкусе еды. Спроси его, что он съел, затруднится ответить. Вокруг него разговаривали люди. О он не слышал о чём, да и то, что разговаривают, тоже не мог заметить. Его взгляд был устремлён глубоко в себя, в бездну его сознания. В этот момент Пран переставал существовать, исчезал из реальности, окунался в умиротворяющее небытие.

– Может, нам всё-таки стоило взять пример с Юринга, Господь помилуй его душу. – Конс притворно сложил руки в молитве. – Я не говорю перенимать все его повадки, но, к примеру, отношение к еде я бы точно поменял.

– Она и так стала лучше. – на рыжей бороде Сарола оставались крошки, но он не замечал их, сфокусировав всё внимание на содержимом миски. – И за это спасибо скажи.

– А что тебя, собственно, не устраивает? – Ранст размял затёкшие плечи. – Можешь обращаться ко мне напрямую. Обязательно рассмотрю твоё предложение и в скором времени дам ответ.

– Чо, правда можно? – Гелор тупо уставился на Ранста.

– Только для начала хорошенько обдумай то, что хочешь сказать. – новый лидер каравана прекрасно знал, что таким образом, если Гелор и придумает просьбу, то через пару дней.

– Командир, у меня есть целая куча отличных идей. – Криг пригладил пышные усы.

– Готов подкинуть ещё парочку. – добавил Рольф.

Ранст выдержал небольшую паузу, смотря на двух самых новых членов своего отряда.

– Даже слышать не хочу.

– Но, командир! – попытались было запротестовать мастера на все руки.

– Мне хватило идеи построить носилки на подобие одно-местной кареты и запрячь в них лошадей.

– Вот так всегда. – Криг взмахнул ложкой и развёл руками. – Пытаешься предложить что-то хорошее, а тебя даже слушать не хотят. А между прочим, в таких штука очень удобно перевозить раненых и больных, строится она проще простого.

– Зная ваши способности, не уверен, что она проедет дальше, чем на несколько метров. – Ранста даже позабавило, с каким серьёзным лицом говорил Криг. – И я больше чем уверен, что с постройкой двух таких каталок в караване резко появятся двое больных, чьи имена мне очень даже хорошо знакомы.

– Плохого ты о нас мнения. – Рольф раздосадовано покачал головой. – Хотя не буду спорить, скорее всего, так и получится, но разве не можем мы и правда заболеть?

– У вас здоровье как у быков, но, честно говоря, идея и правда не самая плохая. Даю добро. Упаси Ралнос ваши ду-

ши, если я увижу, как вас везут на вашем же изобретении.

– Не увидишь. – хором ответили Криг и Рольф.

Верить их словам, конечно, не стоило, но носилки на колёсах и правда могли пригодиться. Главное следить за двумя обалдуями.

– Вот уже несколько дней идём по землям Кларнильсверф, а следов обезумевших фанатиков всё не видно. – задумчиво произнёс Сарол. – Разведчики ничего не замечали?

– Нет. – Ширит заговорил впервые за весь вечер. Ранст назначил его главным разведчиком, зная сильные стороны своего подчинённого. – Я тоже. – те, кто входил в разведывательный отряд, вряд ли годились для такой работёнки. Обычные мужики да бабы, пытающиеся принести пользу каравану. В своих же способностях Ширит не сомневался. – Но это ещё ничего не значит. – его всё не покидало чувство, будто кто-то следит за ними, скрываясь в тени деревьев и прячась в кустах, но логически объяснить свои опасения он не мог, может, нервы расшатались. – Лучше как можно скорее выйти на открытое пространство, там прятаться от нас будет сложнее.

Позади, среди деревьев, раздался треск. Все, кроме Прана, разом обернулись, но тут же успокоились. Скорее всего, зверь наступил на ветку.

– На открытой местности нас тоже ничего не будет защищать. – Сарол пригладил бороду. – Весь караван как на ладони. Возьмут, да перестреляют нас. Даже укрыться негде. В

лесу хотя бы за дерево можно встать.

– Как будто в лесу нас прикончить сложнее. – Конс закатил глаза. – Может, не будем говорить о мифической угрозе, следов которой даже не видели? – он обвёл взглядом хмурые лица товарищей и не нашёл в них отклика. – Так недалеко и до паранойи докатиться.

– Согласен. – Ранст кивнул. – Не стоит делать из мухи кита. Осторожность тоже не повредит, но впадать из крайности в крайность тоже не стоит.

– Ладно, мы пошли носилки клепать.

Рольф с Кригом подскочили на ноги и быстро скрылись из вида, лавируя между стволами деревьев. На ходу спорили, какой инструмент понадобится в первую очередь: топор или пила.

– Пойду тоже делами позанимаюсь, нужно подсчитать и распределить провиант, надеюсь улов у охотников будет не хуже, чем вчера. Пойдём, Гелор. – Конс встал, отряхивая пыль со штанов, и ушёл с лысым товарищем.

Ширит молча ушёл готовиться к ночному дозору. Судя по их количеству, спал он только пару раз в неделю. Сарол побрёл проводить боевую подготовку. Ранст решил, что в свободное время стоит обучать всех караванщиков самозащите, чтобы при нападении, каждый смог постоять за себя и прикрыть спину товарища. У костра остались сидеть только Пран и Ранст.

– Знаешь, – лидер каравана ворочал угли палкой, – то-

гда я на секунду подумал, что мне уже не жить. Я это к чему. – Ранст замялся, пытаюсь подобрать слова. – Чёрт, хотел сказать красиво, но на ум ничего не приходит. Спасибо что-ли. – нелепая и неуместная улыбка возникла и испарилась незамеченной.

– Благодарю Ралноса. – Пран вернулся из пустоты в реальность.

– И всё же я благодарю тебя. – помедлив с ответом, произнёс Ранст. – Твой молот меня спас, а держали его твои руки. Не знаю, может, Ралнос и правда нашептал тебе на ухо, что моя жизнь не настолько ничтожна, чтобы так просто её обрывать, но я точно знаю имя своего спасителя.

Пран поднял взгляд на Ранста. Светлые волосы уже отросли и свисали не самыми чистыми патлами почти до плеч. Борода росла во всю, не сдерживаемая еженедельным бритьём. Потёртая одежда вся в заплатках, сапоги стоптаны. На кольчуге точно не доставало несколько колец, а шлем, висевший на поясе, словно тушка убитого зверька, покрылся вмятинами и царапинами. В теле наверняка поубавилось несколько килограммов, чему свидетельствовали впалые щёки. Глаза хоть и не поменяли тёмно-зелёного цвета, выглядели иначе. В них не было прежнего блеска, они потускнели, как со временем выцветает краска на заборе. В его взгляде отражалось осознание истины, настолько значимой, что, когда она открывается, путь назад обрывается. Железные двери навсегда запечатывают обратную дорогу. Может, другие и не замеча-

ли перемен в Рансте, но в эту секунду Пран всё понял. Понял потому, что и у него за плечами возвышалась отвесная скала, по которой нельзя забраться.

– Как скажешь. – Пран пожал плечами.

– Думаешь, сможем добраться до Исольтира?

– Шансы есть всегда, даже если они настолько маленькие, что, не заметив их, пройдёшь дальше, но Ралнос укажет путь.

– Не слишком обнадеживает. – усмехнулся Ранст.

– А тебе нужна надежда, чтобы двигаться дальше?

– Нет. – спокойным голосом ответил Ранст. – Ничего хорошего от неё не жди. Слишком уж любит она загулять.

– Надежда сама по себе ни гроша не стоит. Если ей не на что опереться в трудный час, то она попросту упадёт, разбившись на тысячи осколков. А осколки непременно вопьются в твою плоть, причиняя больше боли, чем рана от ножа.

– Что нас ждёт после смерти? – Ранст смотрел, какгибаются свежие ветки под жаром огня.

– Всё, что угодно. Наверняка знают только мёртвые, но спросить у них вряд ли получится.

– А как ты считаешь?

– Ничего. – Пран равнодушно смотрел на мерцание огня. – Абсолютная пустота. Человек перестаёт существовать.

– Не страшно жить с таким осознанием?

– Зачем бояться того, чего изменить нельзя? Все рано или поздно умирают, некоторые слишком рано. – последнюю фразу он произнёс с небольшим опозданием, будто и не хо-

тел её говорить.

Больше не было произнесено ни слова. Оставшимся временем завладела тишина, цепко вцепившись в него своими беззвучными когтистыми лапами. Груда мускулов в лице Прана молчаливо сидела на месте. Издалека могло показаться, что он не дышит, настолько тихим и незаметным было его дыхание. Настоятель не заметил, как Ранст ушёл. Не слышал, попрощался ли он или, не проронив ни слова, отправился по своим делам, а с его новым положением их у него прибавилось.

Вечер близился к ночи. Всё больше огней загоралось на тёмном небе. Шелест природы пришёл на смену людскому шуму. Весь караван засыпал. Пран всё сидел на месте. Огонь уже потух. В нём не было нужды, ночи с каждым днём становились всё теплее и теплее. Не ровен час, солнце начнёт беспощадно источать тепло.

Когда весь лагерь уже давно спал, Пран встал с насиженного места. Пошёл в сторону своей небольшой палатки. Зашёл в неё. Внутри было практически пусто. Молот спокойно лежал на земле. Больше никаких вещей у Прана не было, разве что одежда, да и та на нём. Он лёг и закрыл глаза. Раньше ему снились сны. Красочные и одноцветные, странные истории и кошмары. Но это было давно, очень давно. Каждый раз, засыпая, он видел лишь тьму. Провал во времени, такой скоротечный, не длиннее, чем один раз моргнуть, но этот самый миг манил к себе. Только в этот мимолётный

момент Пран по-настоящему чувствовал, что перестаёт существовать.

– Вы должны это увидеть.

Именно с такими словами подошёл Ширит к Прану и остальным, застав их с поднесёнными ко рту ложками. Завтрак в быстром темпе отправился в желудок, и уже через пару минут Пран шагал, минуя деревья, пытаясь угнаться за Ширитом. Складывалось ощущение, будто главный разведчик вырос в этих лесах и знал каждый камушек, так ловко он пробирался по тропе, не делая лишних движений. А может, все леса более или менее похожи.

Разъяснить, что же они должны увидеть, он не стал. Рольф и Криг сразу же начали сыпать вопросами, но Ранст их быстро заткнул, чем двоица осталась недовольна. Когда Ширит говорит, что надо на кое-что посмотреть, то лучше пойти и посмотреть. Если бы мастера на все руки пробыли в отряде чуточку больше, то всё поняли.

Прошло около получаса после того, как Пран вышел из временного лагеря. Одни деревья сменялись другими, словно своими братьями-близнецами. В утреннем лесу стояла необычайная тишина. Ни голосов птиц, ни шороха от животных. Даже деревья не шептались друг с другом.

– Далеко ещё? – жалобно спросил Криг.

– Пришли. – Ширит указал на дуб громадных размеров.

Дерево величаво стояло, ярко выделяясь среди своих со-

родичей. Пышная крона нависала над верхушками деревьев, создавая громадную тень. Его корни глубоко впились в землю, пронизывая её, и намертво укрепляясь в глубине. Необъятный толстый ствол громадиной вырастал из земли.

– Красивое дерево. – Рольф широко зевнул. – Но скажу честно, я бы и без него прекрасно жил.

– Заткнись, Рольф. – шикнул на него Конс.

Рольф тут же понял, в чём, собственно, дело. К стволу дуба было прибито изуродованное тело. Мужчина, возраст определить трудно, разложение уже во всю принялось за него. Глаза отсутствовали, вместо них зияли чёрные впадины, скорее всего их выжгли раскалённым железом. Голову уже неоднократно клевали вороны. Один из них, громко каркнув, сел на плечо и попытался оторвать лакомый кусочек. Из ладоней торчали большие штыри, удерживавшие труп. Язык отсутствовал, невозможно сказать, отрезали его или звери сделали своё дело, язык для них особое лакомство. Нижняя часть туловища и верхняя по пупок отсутствовала. Вереница кишок, уже изрядно изъеденная, свешивалась на землю. Кем бы ни был этот человек, перед смертью он изрядно настрадался.

– Вот дерьмо. – Конс потянулся к жевательному табаку в кармане, но отдёргнул руку.

– Значит, слухи о сумасшедших оказались не такими уж и слухами? – Сарол задал риторический вопрос.

– В округе есть другие? – Ранст обратился к Шириту.

– Больше я не видел.

– Может, ещё найдутся, если поискать. Этот выглядит относительно свежим. – Рольф приблизился на несколько шагов, но трупная вонь заставила его отступить. – Хотя забудьте, пахнет дай боже.

– Давно он тут висит? – спросил Гелор.

– Недели две, не больше. – заключил Конс. – Я, конечно, не мастер, но приблизительно столько.

Ранст посмотрел на одинокий труп. Взвешивал у себя в голове мысли, , наконец одна из них победила.

– Пока что никому в караване не говорите о том, что мы увидели. Даже между собой не обсуждайте. Если повезёт, то больше таких находок нам на пути не попадётся. Не стоит лишний раз сеять панику, и так по горло сыты неудачами.

– А если попадётся? – спросил Конс.

– Тогда расскажем всем об опасности и применим соответствующие меры.

– Ралнос отведёт от нас беду. – впервые за всё время заговорил Пран.

– Было бы очень кстати, но пока что рассчитываем только на свои силы. – Ранст жестом позвал всех за собой на место стоянки.

Пран ушёл последним, немного задержавшись. Бросил последний взгляд на тело, прибитое к дубу – Ралнос покинул его. По веской причине или нет, настоятель не мог знать, оставалось надеяться, что причина всё-таки была.

Обрести новый смысл

Корабль рассекал океанскую гладь, мчась на попутном ветре. Паруса округлились, словно выпяченные животы любителей пива. Судно подпрыгивало, встречаясь с очередной волной. Воды вели себя беспокойно, но штормовых облаков на горизонте не предвиделось. Сквозь прозрачную гладь виднелись крупные косяки рыб, изо всех сил работающих плавниками. Чайка спикировала вниз, окунувшись в прохладную воду с головой, и вынырнула уже с извивающейся в клюве рыбёшкой. Приземлилась на грот-мачту и принялась за трапезу, попутно отряхнув перья от капель.

Капитан корабля твёрдо сжимал штурвал. На его изъеденном морскими ветрами лице читалась радость. Спустя длительное время он наконец смог вернуться с суши на море. Трубка, зажатая в зубах, весело дымилась, источая клубы густого табачного дыма. Матросы слонялись по палубе, время от времени выполняя приказы капитана, меняли направление парусов или убирали длину. Парочка стояла рядом с бортом и держала в руках удочки. Одному улыбнулась удача. Он вытащил небольшую рыбёху и уже собирался снять её с крючка, как она исчезла. Ещё одна чайка приземлилась на бизань-мачту, по соседству со своей подружкой. Матрос поднял в её сторону кулак и начал сыпать угрозами и бранить птицу на чём свет стоит, чем вызвал хохот остальных моря-

ков.

На нижней палубе, в одной из кают, лежала Еви. Она открыла глаза. Увидела над собой деревянный потолок. Приподнялась на локтях. Затылок сильно болел. Она почесала его, чем вызвала ещё большую боль. Потихоньку начала приходить в себя. Последнее, что она помнила перед тем, как потеряла сознание – это лицо Дорузда и его слова.

«Ты так похожа на своего отца...»

Еви резко вскочила, вспомнив, что происходит. На город же напали, а она тут разлеглась. Нужно срочно идти к воротам. Видимо, сильно её приложили, в глазах всё покачивалось. Посмотрела на себя, доспехов не было. Быстро нашла их, аккуратно сложенные в углу, меч покоился рядом. Бросилась к ним, но на полпути остановилась. Она вдруг осознала, что уже поздно. Еви уже не в Эрдингарде.

Она на корабле. За бортом шумит океан. Не голова у неё кружится, просто к качке нужно привыкнуть. Ей овладела ярость. Её вырубил и умыкнули, когда она должна была сражаться за свой дом и за своих людей. Еви сильно сжала кулаки, руки тряслись. Как они посмели с ней так поступить? Она же королева, а не деревенская баба! Ей не оставили выбора, сделали так, как им захотелось. Наплевали на её чувства. Ну ничего, сейчас она всё им выскажет, а точнее ей, кто ещё мог придумать столь дурацкий план. Нужно найти Миррильну, и её миленькая мордашка в этот раз её не спасёт.

Еву распахнула дверь и быстрым шагом вышла из каюты.

Пошла вперёд по коридору, когда ей навстречу вышла удивлённая Миррильна. У принцессы в руках был поднос с едой – сделанными на скорую руку бутербродами. За спиной стояли двое гвардейцев в полном обмундировании. У Еви предательски заурчало в животе, последний раз она ела ещё в замке. Воспоминания о последнем ужине только подлили масла в огонь.

– Ты уже проснулась? – Миррильна выглядела слегка напуганной, голова вжалась в плечи. В её глазах цвета зимней хвои стояла неуверенность. Она явно не понимала, как себя вести. – Я вот тебе поесть решила принести. Ты весь обед продрыхла. – на её лице проступила неуверенная улыбка.

– Можешь засунуть этот поднос в свой аккуратный зад. – Еви выбила его из рук принцессы. Он грохнулся о деревянный пол, отскочил от него, скидывая с себя еду.

– Еви, успокойся.

– Успокоиться?! – Еви повысила голос и нависла над Миррильной. – Ты что натворила? Почему я сейчас не в городе?! Я должна защищать его, а вместо этого торчу посреди океана! Вези меня обратно! – королева, хотя она уже сомневалась, что может носить почётный титул, прекрасно понимала глупость своих требований. Не осталось никакого Эрдингарда.

– Корабль никуда не повернёт, а тебя нужно остыть. – в Миррильне появилась толика уверенности.

– А не пойти бы тебе куда подальше!? – съязвила Еви.

– Прекрати! – принцесса взвизгнула, сжав кулачки. – Хватит на меня кричать! Я тебе жизнь вообще-то спасла!

– О-о-о, – протянула Еви. – спасибо большое, ваше высочество! – она поклонилась, практически касаясь лбом пола. – Я так признательна. Даже не знаю, как вас отблагодарить. – нарочито приторным тоном говорила Еви. – А знаешь, за что я была бы ещё больше благодарна? Если бы ты не лезла не в своё собачье дело!

– И что, мне нужно было оставить тебя умирать?! – принцесса толкнула Еви в грудь без особого успеха.

– Защищать город! Защищать свой народ! Защищать свой дом!

– Ты бы погибла. – уже успокоившимся голосом ответила Миррильна.

– Уж лучше бы я там подохла, сражаясь за родной дом.

– Как же ты не понимаешь? Не могла я тебя там оставить, просто не могла, ну вот никак.

– Прекрасно. – Еви взмахнула руками. – Поступила так, как тебе хочется. А меня спросить не хотела? На мои желания тебе насрать?

– Ты хотела там остаться и умереть.

– Вот только это мой выбор, ты не имела никакого права меня его лишать.

– Хорошо, в следующий раз, когда ты решишь умереть, не стану тебя спасать. – Миррильна резко развернулась и ушла, оставив за собой последнее слово.

Еви с силой пнула поднос. Он отправился в очередной полёт, ударяясь о стенки трюма. Она очень злилась, даже видеть никого не хотела. На верхнюю палубу уж точно не стоит выходить. Единственным укромным местом стала её каюта, хотя воспринималась она больше как тюремная камера, из которой никуда не выбраться. А Еви так хотелось побыть в саду, посидеть в беседке матери или прогуляться по узким дорожкам, вдоль которых растут диковинные растения и цветы необычайной красоты. Больше она не сможет вдохнуть их аромат, прикоснуться к их нежным лепесткам. Никогда не полежит в тени розового дерева, наслаждаясь тишиной и ясным солнечным небом.

Она села на свою новую кровать, и, хотя минуту назад Еви походила на разгневанную воительницу, была готова даже ударить Миррильну, естественно она не смогла поднять на неё руку, когда была возможность, вся злость испарилась так же быстро, как и зародилась. От неё не осталось и следа, её сменило другое чувство.

Словно огромная волна невиданной силы на Еви обрушилась грусть. Ей стало до того невыносимо, что хотелось любой ценой избавиться от ненавистной печали. Воспоминания градом сыпались на неё, не давая продохнуть. Мать и отец, она их любила больше жизни, но они уже давно покинули её, и Еви свыклась с болью от их потери. Война за престол, столько людей погибло тогда и ради чего? Чтобы Еви сдала столицу без боя? Убежала, прячась от опасности?

Она снова лишилась дома. Дома, что так любила, и всеми силами пыталась защитить, но все усилия пошли коту под хвост. Дорузд наверняка погиб, её добрый дядюшка, помогающий все годы её правления, на него всегда можно было положиться. Он стал для неё родным, роднее, чем настоящий дядя. Как бы она хотела, чтобы он был родным братом её отца, тогда, возможно, всё обернулось бы иначе. Отец точно смог бы защитить Эрдингард, либо погиб, отдавая всего себя ради города и его жителей.

Еви осталась в полном одиночестве. Все, кого она любила, погибли. В сё, что ей было дорого, утрачено. Прежняя жизнь обратилась в пепел. Теперь она даже не королева. У неё ничего не осталось, кроме своего имени, но и оно гроша не стоило. Она вновь ощутила себя маленькой, напуганной девочкой, выброшенной в жестокий мир из родительского гнезда, где все и всё вокруг кажутся чуждыми. Но на этот раз никто её не спасёт. Рассчитывать было не на кого. Королева без королевства легла на бок, поджала ноги к груди, обхватила их руками, упёрлась лицом в кровать и тихо заплакала.

Еви стояла на верхней палубе, облокотившись о борт корабля, и вглядывалась в океан. Гладкая поверхность, казалось, что и остальная его часть пребывает в покое. Только корабль нарушал тихую жизнь необычайно спокойного Океана Грёз. Из разговоров моряков Еви поняла, что обычно всё как раз наоборот. Частые штормы, сопровождаемые грохо-

том грома, яркие вспышки молний пронзают тёмное небо, на краткий миг освещая громадные волны, что с охотничьим азартом стараются перевернуть корабль и унести всех его пассажиров на дно.

Впереди был бескрайний горизонт и бесконечный океан. Где-то вдалеке развалились Отколовшиеся Острова. Еви никогда не была там, но слышала много историй о могучих воинах и суровых реалиях жизни. Громадные голодные медведи и стаи волков, а природа в тех краях не щадила никого. Его жители частенько нападали на земли Дарансфара и Иммардуна. Иногда заплывали и на Эвисфальт, но не так часто. Истинной причины никто не знал, но отец рассказывал ей, что очень давно их предки очень помогли людям с островов. С тех самых пор все кланы поклялись не нападать на земли Эвисфальта. Правда это или нет, уже никто не знает, да и нет в этом смысла. Королевства, основанного предками Еви, больше нет.

Позади неё, вдалеке, виднелась суша. Королевство Иммардун. Воды в нём было больше, чем в океане, а старая шутка гласила, что для того, чтобы искупаться, иммардунцу достаточно выйти за порог. Множество рек пронизывали его территорию, как кровеносные сосуды. Многочисленные болота унесли не одну жизнь. Еви задумалась, много ли ещё живых осталось на тех землях, а если остались, сколько они ещё протянут перед тем, как Дети Тьмы доберутся и до них?

Ветер растрепал её лунные локоны, немного поблёкшие

без мытья. Еви попыталась натянуть капюшон, но новый порыв ветра сбил его с головы. Целую неделю она сидела в своей каюте и ни с кем не разговаривала. Никто к ней и не заходил. Только стучали в дверь и уходили, давая знак, что можно забрать еду. По правде говоря, Еви и не хотелось разглагольствовать. Ей больше ничего не хотелось. Казалось, что смысл её жизни остался позади, среди руин Эрдинсгарда, завалился под обломки домов и тихонечко гнил, спрятавшись ото всех, среди тысяч людей, оставшихся без защиты своей королевы.

– Вы наконец-то решили выйти на свет и продемонстрировать всему миру вашу феноменальную красоту? – Онграуд мягкой походкой подошёл к Еви и облокотился спиной о борт корабля. – А может, – он повернул голову, и Еви заметила, как его глаза заблестели, – это всё ради меня? Пожалуйста, скажите, что это всё ради меня.

– Отвали. – сердито буркнула Еви.

– Ах! – Онграуд запрокинул голову так, что его чёрные локоны перевесились за борт, и закрыл глаза рукой. – Ваши слова резанули по моему нежному сердцу. Почему вы всегда так холодны со мной? Я думал, мы друзья.

– Даже представить себе не могу, как в твоём извращённом мозгу родилась такая нелепая мысль. – Еви брезгливо сморщилась. – Думать об этом и то противно.

– У всякой розы есть шипы, и чем прекраснее она, тем их больше. Сорвёшь её, и она принесёт много боли, но перед

манящей красотой всё равно невозможно остановиться.

– Это такой комплимент или укол в сторону моего дрянного характера?

– Ваш характер самый лучший, что я встречал за свою жизнь.

Еви рассмеялась от нелепости сказанного. От приступа смеха на глазах выступили слёзы, она утёрла их рукавом и посмотрела на приторно красивое лицо Онграуда.

– Ты полный придурок, ведь знаешь?

– Если от этого впредь на вашем лице будет проступать лучезарная улыбка, то я самый главный дурак на всём белом свете. – Онграуд низко поклонился.

– Только не думай, что мой смех означал, что моё отношение к тебе поменялось. Это ведь ты вырубил меня.

– Я настрадался от содеянного мной поступка. Готов был отрубить свою руку, посмевшую прикоснуться к вам в столь грубой манере. А сколько бессонных ночей я провёл, боясь даже предстать перед вами, а взглянуть в ваши чудесные глаза казалось невозможным. – Онграуд отвёл взгляд от Еви, но королева сомневалась в искренности его слов.

– И почему у тебя до сих пор две руки?

– После долгих раздумий, я решил, что с обоими руками сплести нити куда легче. Отдаю себя полностью на вашу милость и прошу прощения. Я готов умолять вас. – он незамедлительно рухнул на колени.

– Да встань, псих ненормальный. – Еви нервно огляделась

по сторонам, услышав смешки от группы матросов.

– Как прикажете, ваше величество. – Онграуд моментально поднялся на ноги.

– Это ведь не Миррильна придумала ваш совместный дурацкий план, дело рук Дорузда?

– Да. – Онграуд плавно кивнул. – Он был хорошим человеком.

– Возможно, даже слишком, но я всё равно не могу поверить, что он так поступил со мной.

– Спас самого дорогого для него человека? – Онграуд краем глаза посмотрел на Еви. – Последнего, кто остался в живых.

– Не оставил мне выбора.

– Разве вы бы согласились уехать?

– Нет. – нехотя ответила Еви. Дорузд много раз предлагал ей уехать вместе с Миррильной, но она всё время отказывалась. Вот старик и пошёл на хитрость.

– Если от этого вам будет легче, то в случае, если бы орда Детей Тьмы не была настолько велика, ваше величество осталось бы защищать родной город.

У Еви словно комок в горле застрял. Потребовалось немного времени, чтобы избавиться от него и задать вопрос.

– Их и правда было так много?

– Целая тьма. – Онграуд подставил лицо солнцу, зажмурив глаза. Потoki ветра подхватывали его вьющуюся гриву.

– Значит, не было даже шанса на победу?

– Нет.

– И какой тогда в моём спасении смысл? Если тварей настолько много, то и Исольтир не устоит под их натиском.

– Я бы ни под каким предлогом не оставил вас на верную смерть. Ваша красота ещё спасёт мир, будьте уверены.

– Что-то я в этом сильно сомневаюсь.

– Вы всё ещё живы, а значит произойти может всё что угодно. – с неподдельной уверенностью в голосе сказал Онграуд.

– Какой в этом смысл? – Еви уныло упёрлась лбом в борт корабля. – Я всё потеряла. Свой дом, своё королевство. Ничего больше нет. Пыталась всех защитить, и вот где я оказалась.

– В компании невероятно обаятельного молодого человека? – Онграуд быстро заморгал глазами. Его большие ресницы хлопали словно вееры.

– Скорее, противного мерзкого типа с голосом, способным лишить слуха. – Еви смотрела на своё размытое отражение в океане. Рядом с ней чёрная точка – затылок Онграуда.

Еви не заметила, но на лице Онграуда промелькнула сухая улыбка.

– Помните, я вам рассказывал про обряд посвящения, когда ученик становился полноправным членом Ордена?

Еви прекрасно помнила. Именно тогда она решила, что ей повезло родиться не ткачом.

– Ты тогда хладнокровно убил девушку, которую любил.

Имени её не помню, но мне жаль её.

– Альни. – Онграуд произнёс это имя с особой интонацией, в ней чувствовалась глубокая печаль. Его взгляд устремился далеко-далеко за пределы горизонта. Всего лишь имя, но выговорить его было так сложно. Правда, Еви всё равно ничего не заметила. – Вы правы, убил, но перед этим предлагал сбежать вместе, направить свои силы, чтобы одолеть наставника и стать свободными.

Еви словно ножом резануло. Она-то была уверена, что ткач хладнокровно её зарезал, а тут вот как получается. Она посмотрела на его лицо. Сейчас оно не казалось таким противным, как обычно.

– А она оставила мне вот это как напоминание. – Онграуд повернул голову и провёл указательным пальцем по линии шрама от мочки уха до подбородка. – До сих пор иногда побаливает.

– Прости, я не знала, что случилось на самом деле. – Еви стало стыдно, что она была такого плохого мнения об Онграуде.

– Конечно, не знали, я же вам не говорил. – теперь Еви снова видела Онграуда, которого знала, такого же противоположно.

– К чему ты вообще это рассказал?

– Мы все теряем дорогие нашему сердцу вещи и не можем найти смысл продолжать дышать. Вы потеряли всё, что вам было дорого, но вам нужно обрести новый смысл жизни. В

конце концов, скоро вы станете королевой Ларнмаса. Можете защитить свой новый народ.

– А если я не хочу искать нового смысла?

– Тогда можете сразу броситься за борт. Вот только я не думаю, что вы так поступите, у вас было достаточно времени, чтобы свести счёты с жизнью, но ваша красота все ещё радует мой глаз.

Еви и без слов Онграуда знала, что не совершит самоубийство, чтобы не произошло, продолжит жить дальше. Другой вопрос, как она построит новую главу своей жизни, а найти на него ответ было не так уже и просто. Красноречивый на советы Онграуд уже подсказал довольно очевидную идею. Еви даже собралась отблагодарить его, но тот уже разговаривал с Треском и Точёным на другом конце корабля. Да и не стоит говорить ему спасибо, особенно от лица Еви, кто знает, что случится. Может, у него сердце от счастья встанет.

Выйти замуж за Варнальда – короля Ларнмаса. Других вариантов судьба не оставила, или, вернее сказать, не судьба, а череда определённых выборов, не всегда сделанных самой Еви. В относительно скором времени она окажется в чужом королевстве, в незнакомом для неё городе, где она никого не знает. Никого, кроме одного единственного человека. Еви выругалась про себя. Придётся идти мириться с Миррильной.

Еви все ещё злилась на подругу, хотя и понимала, что на её месте поступила бы точно так же. В конце концов, что

плохого в том, чтобы спасти дорогого тебе человека? А если в Исольтуре ей и с Миррильной не получится говорить, то королева без королевства совсем зайдёт. Да и кто объяснит ей что да как устроено на новом месте?

Еви тяжело вздохнула. Потёрла глаза и виски с такой силой, что ей привиделись быстро затухающие белые искры. Собрала всю оставшуюся волю в кулак и пошла на нижнюю палубу. Спустилась по лестнице, мимо неё пронеслись трое моряков, едва не сбив с ног. Видимо, на корабле уже все прознали, что от королевского титула остались только слова, даже в голове Еви звучащие не очень убедительно.

По пути она прокручивала слова извинения, но предложения всё не складывались. Мысль, что её вины тут нет, всё не покидала чертоги разума. Вообще-то, это перед ней должны извиняться. Её тут обманули, а не наоборот. Еви упёрлась в дверь, ведущую во временные покои принцессы. Времени на раздумья не осталось, да и пусть ей дадут всю жизнь на обдумывание извинительной речи, она всё равно ничего не придумает. Стража на входе не препятствовала, по всей видимости, получив особые распоряжения на счёт Еви. Кулак три раза ударился в створки дверей, глухой звук смирившегося со своей участью отвечал на каждое прикосновение.

– Входите. – прозвучал звонкий голос Миррильны.

Гвардейцы открыли дверь перед королевой. Каюта Миррильны выглядела намного лучше, чем у Еви. Впрочем, ничего удивительного, корабль принадлежал короне Ларнмаса,

потому принцесса никак не могла жить во время плавания в условиях, недостойных королевских кровей. Пол каюты покрывал мягкий красный ковёр. Резная кровать, украшенная в золотых с красным цветах. Обеденный столик и два мягких стула. Длинное окно, через которое удобно смотреть на океан. На стене напротив кровати висело несколько картин с пейзажами полей и гор. С потолка свисала люстра со свечами.

Миррильна сидела в кресле и читала книгу. Из названия Еви поняла, что она рассказывает про лучшие годы Империи Каасата и её падение. Увидев, кто вошёл в комнату, она спрятала лицо за книгой. Еви невольно улыбнулась детскому поведению принцессы.

– Прости меня.

Принцесса никак не отреагировала, послышался шелест переворачиваемой страницы.

– Я была не права.

Миррильна опустила книгу на колени и безмятежно уставилась на Еви.

– Может скажешь что-нибудь? Или так и будем играть в молчанку.

– Знаешь, как мне обидно было? – Миррильна надула губы и отвернула голову.

«А мне, блин, замечательно!» – подумала про себя Еви, но сказала совсем другое.

– Понимаю, потому и пришла извиниться. Вела себя как

полная дура.

– Слишком мягко сказано. – Мирри задрала подбородок. Локон чёрных волос упал на щёку, закрывая один глаз.

– Я сейчас уйду. – Еви развернулась и сделала один шаг в направлении выхода.

– Нет, подожди! Прости, немного увлеклась. Присаживайся. – Мирри постучала по соседнему стулу. – Хочешь попросу принести вина или поесть?

– Может, чуть позже. – Еви уселась рядом.

Миррильна закрыла книгу, оставив закладку на последней странице, и положила её на стол.

– Как ты?

– Дерьмово. – Еви съехала вниз по стулу. – Не припомню, когда было хуже. Скорее всего, никогда.

– Все ещё наладится.

– Правда? – саркастически заметила Еви. – И как скоро планируется восстановление моего королевства?

– Я не про это. – сохраняя энтузиазм в голосе, ответила Миррильна. – Тебе у нас понравится, обещаю.

– Твой брат точно захочет брать меня в жёны после произошедшего? Теперь мне он нужен больше, чем я ему. – Еви все ещё не хотела выходить за Варнальда, но путей отхода не осталось.

– Куда ему деваться? Увидит тебя, так сразу челюсть отвиснет, больше ни о чём думать не сможет. Особенно если...

– Никаких платьев. – отрезала Еви, зная, что хочет сказать

подруга.

– А как же свадьба?

– Пускай сошьют мне парадный мундир.

– По крайней мере, чувство юмора ты не растеряла. –

Миррильна хихикнула, прикрыв рот рукой.

– Пожалуй, это единственное, что удалось сохранить.

Мирри понимающе улыбнулась.

– Давно вы этот план придумали?

– В день, когда Ронгир решил устроить переворот, мы обсуждали детали как раз когда ты зашла в зал совета. На самом деле, всё придумал Дорузд, потому и попросил меня подождать до нападения, зная, что только так тебя можно безопасно вывезти из города. Он хотел, чтобы ты уехала со мной раньше, но ты ни под каким предлогом не желала покидать Эрдинсгард.

Конечно, за всем стоит Дорузд, кто же ещё? Старый дурак. Еви незаметно прикусила губу, в противном случае солёного потока из глаз было не избежать.

– Ладно, попозже ещё увидимся. – Еви встала и направилась к выходу.

– Конечно, увидимся, на корабле не так много места, чтобы затеряться.

Еви вышла из каюты. Идти было решительно некуда, только в свои новые покои. Ей хотелось лечь на кровать и быстро заснуть, а наутро проснуться в замке, в своей постели. Чтобы всё произошедшее оказалось дурным сном. Но так не бы-

вает. Еви легла. Вспомнила нежные, тёплые прикосновения Дитриха. Как они занимались любовью и засыпали в объятиях. А корабль всё плыл по волнам, унося Еви всё дальше и дальше от родных краёв.

Самые значимые исследования

Ночь уже успела войти в апогей, окрасив в чёрное бесконечный небосвод. Молочный диск во всей красе излучал холодный свет, взирая на мир. Нежно, совсем незаметно, дотрагивался до кожи, словно боялся потревожить, робко касался и обволакивал, не ища ответного тепла. Бессмертный путник с момента своего рождения усердно выполнял данную ему работу, не прося ничего взамен, лишь волки изредка отдавали ему дань уважения, протяжно выли, запрокидывая голову и прижимая мохнатые уши.

Тучные облака медленно плыли по чёрному океану. Изредка мигали звёзды, находя прореху в бестелесном туловище воздушных перин, и напоминали о своём существовании. Ветер поднимал пылинки с улиц, кружа их в хаотичном танце, и не отпускал до тех пор, пока объём его лёгких не иссякнет и не потребуется передышка, чтобы перевести дух.

В лесу заухала сова. Покрутила головой с горящими глазами в поисках добычи на обед. Бесшумно перелетала на соседнее дерево и приземлилась, вцепившись когтями в ветку, создавая едва видимое колебание. Мышь пробиралась сквозь травинки, замирая при каждом шорохе и поднимая крохотную голову. Усики тряслись от страха, а чёрные бусинки глаз всматривались в темноту изо всех сил. Откуда ей было знать, что через несколько мгновений на её маленьком

тельце сомкнутся острые когти, впиваясь глубоко в плоть, а клюв начнёт отковыривать кусочки ещё пульсирующей плоти.

Стол. Закрытые фолианты небрежной кучей растеклись по деревянному покрытию. Многие из них уже были прочитаны от корки до корки, но всё ещё не возвращались на законные места на полках. Исписанные страницы несли в себе множество информации, но ни одна строчка не относилась к делу. Списки имён и их деяний, исторических фактов с точными датами и событиями, на которые они повлияли. Прорывные и безумные эксперименты, полезные для существования человечества, но не способные его спасти.

Несколько свечей на подсвечнике источали слабый свет, но достаточный, чтобы разобрать слова на потрёпанных временах страницах. Скорчившийся старик сидел в полумраке, бубня себе под нос. Перелистнул на последний лист бумаги, заранее зная, что ничего не найдёт, но всё же прочитал буквы, написанные выцветшими чернилами. Очередной старинный фолиант захлопнулся, издавая резкий звук, пламя на свечах слегка колыхнулось. Столько времени потрачено, а до сих пор ничего. А непрочитанных книг все ещё было больше, чем прочитанных. Такими темпами старик и правда быстрее умрёт, чем дочитает до конца. Идея отдать концы выглядела всё заманчивее, но он уже взялся за работу, а значит идти придётся до победного конца, ну либо до могилы, тут уж как повезёт.

Креоспен отодвинул стул и встал. Размял старые кости, те в ответ заворчали, заполняя ночную тишину. Протёр уставшие глаза, как ни странно, спать от этого не перехотелось. Взял фолиант и опустил его на стопку уже прочитанных. Потянулся за новым и вернулся на своё место. Ещё одну он успеет прочитать перед тем, как упадёт лицом на открытую книгу и заснёт.

– В этой тоже не нашлось ничего полезного? – Игла не отрывала уставших карих глаз от чтения.

– А ты как думаешь? – огрызнулся в ответ Креоспен.

– Думаю, что тебе нужно отдохнуть. – вместо обычного хамского тона, в её голосе звучала тёплая забота. – Ты уже и так достаточно за сегодня прочитал.

– Ещё одну осилю. – без привычного ворчания ответил Креоспен, тронутый трепетным отношением ученицы. Она вела себя так только тогда, когда оставалась с учителем наедине, так что старик ценил столь малочисленные моменты.

– Может, разбудить его? – Игла покосилась на похрапывающего Грача. Лицом он уткнулся в раскрытую книгу.

– Бери его и идите спать, уже поздно. – Креоспен быстро прочитал очередной разворот.

– Уверен, что на сегодня не хватит?

– Не волнуйся, девочка, старикам для сна нужно не так уж и много времени.

Игла пнула Грача по ноге. Он вскочил и от неожиданности чуть не упал со стула.

– Давно я сплю? – Грач потёр ушибленную ногу.

– Лучше спроси, сколько страниц успел бы прочитать. – проворчал Креоспен.

– Пожалуй, не буду.

– Пойдём, старикашка сказал, что хочет умереть в одиночестве. – Игла закрыла книгу и широко зевнула. – Не спишь тут всё дотла без нас, следить за тобой будет некому? – она ехидно улыбнулась, глядя на Креоспена.

– Да я тебе щас причинное место подпалю, будет она мне тут выделываться! – закричал Креоспен, сотрясая стены библиотеки.

– Тшш. – Игла приложила палец к губам. – В читальном зале нужно соблюдать тишину.

– Завтра увидимся, не скучай. – Грач попрощался с Креоспеном и пошёл за Иглой.

Старый ткач закрыл на секунду глаза, чтобы дать им отдохнуть, но тут же понял: если продолжит в том же духе, то заснёт. Ну и работёнку ему подкинул Трайнер. Зато не нужно куда ходить дальше библиотеки, между прочим, любимого места Креоспена после собственной комнаты. В данный момент она возглавляла список самых ненавистных, стремительно поднявшись на почётный пьедестал. Всего лишь надо проводить по восемнадцать часов в сутки в одном и том же месте, и вот каков результат.

Цель стояла невыполнимее, чем прочитать все книги, хранящиеся в огромном архиве, но если решение и было, то точ-

но среди нескольких этажей этого здания, на каждом из которых высились книжные полки, лопавшиеся от фолиантов и манускриптов. У ткачей хранились все когда-либо существовавшие рукописи. Некоторые, написанные в единственном экземпляре, пылились в стенах Цитадели.

Дети Тьмы, как их обозвали жрецы Ралноса, представляли собой смертельную угрозу для человечества. Креоспен предпочитал их называть по-простому – уроды, звучит намного лаконичнее, учитывая далекую от прекрасного наружность. Откуда они взялись, и самое главное, как их остановить? Всё это предстояло выяснить Креоспену. Трайнер вежливо попросил, а если точнее – приказал. Никак по-другому эту просьбу и нельзя воспринять. Хороших слов от старика магистр не услышал, но прекрасно понимал, что тот может браниться сколько угодно, но дело сделает, если оно выполнимо.

Ответ на вопрос об устранении угрозы напрашивался сам на себя, что Креоспен в разговоре с Трайнером и озвучил.

«Перебить каждого урода», – цитата старика, точь-в-точь.

Звучит легко, а на деле сложно. Людей с каждым годом остаётся всё меньше, а твари как лезли, так и лезут. Из того, откуда они появились в мире, вытекает и то, как их из него прогнать.

Креоспен выделил для себя три возможных теории. По одной версии, Дети Тьмы уже давно жили на земле, скрываясь от человеческих глаз. Поверить в это можно только с боль-

шой натяжкой. Ни одного упоминания о их существовании за все времена. Ориентируясь на их жажду убийства, логично подумать, что прятаться, да ещё и столько столетий, было бы крайне тяжело. Конечно, они могли пробить в спячке, но Креоспен с трудом верил в эту версию, хотя и не исключал её.

Вторая теория объясняла их появление дырой в реальности, надо сказать, самая популярная догадка среди людей. Какая сила могла разорвать крепкие узлы, страшно представить. Всегда есть шанс, что нити порвались сами, по какой причине уже не столь важно. Если Дети Тьмы сами сделали прореху в реальности и пробрались в чуждый для них мир, то дело принимало более серьёзный оборот. Тогда рану на теле мироздания нужно заштопать. Сколько ткачей для этого потребуется – неизвестно. Возможно ли это вообще – предстоит выяснить. До этого некоторые пробовали разорвать нити реальности, но все эксперименты кончались смертью.

Последний вариант Креоспена радовал меньше всех. Твари могли появиться из ниоткуда. Объяснить и доказать это нельзя было. Дать точный ответ, как они материализовались из ничего, старик не мог. Наверняка не мог никто из ныне живущих, да и из давно умерших. Человек банально не может понять, как из ничего может получиться что-то, но это ещё не означает, что такое явление невозможно. Разорвать свою душу и соткать сплетение невероятной мощи тоже считается невыполнимым, и доселе нет сведений о том, что ко-

му-то это удалось. В любом случае, исходя из этой теории, единственное, что может человечество – убить каждого монстра и надеяться, что больше они не появятся.

Сказать легче, чем сделать. Никто не знал, сколько ещё отродий оскверняет землю. Умножаются они в своём числе или их изначально было безумно много? Людей точно всё меньше и меньше, а плодиться, как кролики, они не могут, время играло против них. Да и ребёнок, чтобы стать способным сражаться, должен сильно вырасти. Мир изрядно опустел меньше чем за десять лет, и Креоспен сомневался, что такими темпами у него есть ещё хотя бы пять в запасе.

Креоспен дочитал последнюю страницу. Опять ничего полезного. Хотелось спалить всё к чертям, но нельзя. Не потому, что его вину тут же признают, он последний, кто остался в библиотеке, и это могут подтвердить несколько людей, даже учитывая, что Игла и Грач не выдадут его. Не мог он бросить дело, если уж взялся за него. Да и приказ есть приказ.

Скоро начнёт светать, а старику нужно поспать хотя бы пару часов, иначе он окочурится быстрее, чем желает. Он положил книжку подмышку и пошёл в сторону закрытой секции, в ней хранились недоступные для каждого свитки и фолианты. Креоспен пошевелил пальцами, и на кончике указательного загорелся кровавый огонёк. Всё-таки удобно, когда ты можешь сплестать огонь, даже костёр разводить проще простого, да и воду вскипятить.

Дошёл до дубовой двери, преграждающей путь. На связке ключей выбрал нужный, понадобилось несколько попыток, каждая сопровождалась бранью. Наконец, внутри двери щёлкнуло, и она отворилась. Прошёл по рядам книжных полок, ища нужную. Добрёл до того места, где изначально лежала книга, и вернул её на место. Когда он поднимался на цыпочки, пытаясь засунуть фолиант на верхнюю полку, искать лестницу уж очень не хотелось, связка ключей с грохотом упала на пол. Последовало недолгое молчание, а позже сложное предложение, состоявшее из одних ругательств, пока Креоспен, кряхтя, ложился на пол.

Импровизированный факел из указательного пальца слегка колыхнулся, соприкоснувшись с прохладной каменной кладкой, но не потух. Креоспен закашлялся, потревожив толстый слой пыли. Старые лёгкие едва не дали дуба. Ключи закатились под нижнюю полку. Мастер осветил узкий проём и без труда нашёл звенящую связку.

Креоспен вернулся к своему ненавистному рабочему месту, с трудом сдерживаясь, чтобы не спалить его дотла. Опустился на стул. Решил ненадолго закрыть глаза, но быстро понял, что ещё пара мгновений, и он захрапит на весь читальный зал, нарушая ночную тишину. Встряхнул головой, яростно протирая глаза, будто хочет их выдавить. Прогнать сонливость не получилось, тогда он решил её игнорировать и взялся за очередной фолиант.

«Самые значимые исследования силы плетения»

– К тому же бесполезные. – проворчал Креоспен, уже читавший фолиант в молодости. Единственное, что он запомнил из всего прочитанного, так это то, что почти все опыты ткачей прошлого провалились.

Освежить память никогда не помешает, к тому же, может, в этот раз найдётся что полезное для дела, хотя вероятность положительного исхода приблизительно была равна тому, что, проснувшись утром, Креоспен избавится от скверного характера.

Пролистав несколько страниц с не очень интересующим его материалом, он открыл главу, посвящённую одному ткачу древности. Щариглак – так его звали, пытался доказать, что посредством манипуляции нитями можно превратить один объект в другой. Долгое время он пытался превратить камень в яблоко. После испробовал множество других живых и неживых объектов, пытаясь изменить структуру. Он посвятил всю свою долгую жизнь, чтобы доказать возможность своей теории, но по итогу умер, так ничего и не добившись. Больше никто не пытался пройти тот же путь, что и Щариглак.

Креоспен подумал про себя, что уж лет через десять точно можно было догадаться, что ничего не выйдет. Тем более долгие годы труда не принесли никакого результата. Скорее всего, Щариглак сошёл с ума, днями и ночами пытаясь воплотить в реальность цель всей своей жизни. Если бы эмпатия Креоспена была чуточку развита, он бы посочувствовал

незадавшемуся исследователю.

Дальше он прочёл про попытки разорвать нити реальности, чтобы быстро перемещаться из одного места в другое. Хорошая идея, жаль, что не удалось её исполнить. В молодости Креоспен хотел научиться перемещаться сквозь пространство, но быстро забросил идею. Нашлось много чего более интересного. По большей части выпивка и убийства.

Так вот, первым, по крайней мере так было написано, разорвать нити реальности попытался Гендрин. Долгие годы он пытался сделать прореху в пространстве. Поначалу у него ничего не выходило, но он чувствовал, что дёргает за нужные ниточки. Спустя много времени у него действительно получилось создать дыру в плетении мира. Сквозь открывшийся портал смутно виднелось место, в которое он вёл. Портал Гендрин открыл, вот только оказалось, что его ещё нужно удержать. Бедолага не справился, и его взорвало кровавыми ошмётками.

Несмотря на увиденное зрелище, его ученик – Торнек, решил продолжить дело своего учителя. Мучительная смерть, по всей видимости, не пугала его перед лицом великого открытия. Подготовка заняла у него много времени, но он смог повторить подвиг Гендрина. В отличие от учителя, ученик смог не только открыть портал, но и удержать его. Судя по записям, при разрыве нитей реальности у него хлынула кровь изо рта, а количество сломанных костей расплылось на несколько строчек. После полученных увечий вряд

ли он бы прожил долго. Впрочем, ткач и не прожил. Попытавшись пройти сквозь образовавшийся разлом, Торнек просунул лишь одну руку, когда портал закрылся. Рука осталась на другой стороне, а её обладатель свалился без сил и помер.

После повторного неудачного случая эксперименты прекратились, но ненадолго. Появилось новое лицо, решившее взять на себя бремя первопроходца. Энергии души у него было явно больше, чем у предшественников. Вполне возможно, провал Гендрина и Торнека был обусловлен тем, что у них не хватало силёнок. Зирцек смог не только открыть портал, но и удержать его, конечно, не без серьёзных увечий. Однако смог пройти в него под восторженные крики и взгляды его помощников. Войти-то он вошёл, но после этого его никто не видел. Что с ним случилось, так и не выяснили. Скорее всего, тело дезинтегрировало и распалось. Хотя трое ткачей и доказали, что пространственное путешествие возможно, больше желающих пройти по их стопам не нашлось. Достаточно мудрое решение, учитывая тот факт, что порталами всё равно не смогли бы пользоваться почти все остальные ткачи.

Несколько неудачных попыток летать. Все заканчивались кровавой лепёшкой на земле и новой записью в Книге Павших. Тщетные потуги ускорить рост растений и прочая ерунда, закончившаяся ничем. Креоспен захлопнул фолиант, не желая продолжать читать. Бессмыслицей он уже был сыт не по самое горло, а по глаза. Спать хотелось невероятно. Со-

противляться природным потребностям старик больше не мог, оставив дальнейшие дела на завтра, то есть на пять часов.

Сон не принёс нужного эффекта. Чувствовал себя Креоспен разбитым, будто и не ложился вовсе. Голова немного кружилась и болела, а глаза слипались, никак не желая смотреть на мир. Работы было много, а желание её выполнять полностью отсутствовало, уйдя в самоволку. С каждой секундой, проведённой в кровати, вставать с неё хотелось всё меньше. Креоспен принял волевое решение и скинул с себя одеяло, резко вскочив на ноги. Кости предательски затрещали, но вспышки боли не последовало. Старик бы не отказался, защеми у него спину, по крайней мере появился бы повод никуда не ходить.

Говорят, завтрак – самый главный приём пищи. Нужно плотно есть, чтобы набраться сил. Креоспен с лёгкостью послал бы сторонников данного высказывания куда подальше, попутно посылая огненные шары вслед. Он ненавидел завтраки. По утрам в рот совсем ничего не лезло. Обычно он пил чай и иногда заедал его чем-нибудь сладким, но не более. Потому Креоспен умылся и прополоскал рот специальным зубным порошком, который обеспечил ему здоровые зубы на всю жизнь. На удивление, из всех тридцати двух ни один не выпал, во всяком случае, Креоспен так считал, не решаясь

провести детальный осмотр.

В Великой Библиотеке Ордена Креоспен сразу отправился сдавать несколько книг, взятых из особой секции. Она находилась в непримечательном закутке на третьем этаже. Маленькая и скромная, но в идеальной чистоте и порядке. Во всём помещении не было ни пылинки, а книги и свитки выглядели так, словно вчера написанные.

За небольшим столом сидел старичок. Кустистые седые брови нависали над серыми глазами. Шевелюра белоснежных волос торчком стояла на голове. Борода и усы достигли неестественных размеров. Тело его ссохлось, превратив некогда высокого юношу в маленького старика. Про его истинный возраст никто не знал, одни говорили, что ему уже за сто лет, другие, что больше двухсот. У Креоспена было универсальное определение – стар, как мир.

– Мастер Хирштиль. – Креоспен поздоровался, входя внутрь.

Мастер Хирштиль подался вперёд, щуря глаза.

– А, это ты, старый пень. – он снова сел ровно. – Зачем пожаловал?

– На себя посмотри, труха подзаборная. – разозлился Креоспен.

– Чего, чего? – Хирштиль повернул левое ухо в сторону Креоспена. – Не слышу ни черта! Говори громче!

Действительно ли он не слышит или издевается, сказать было трудно. Креоспен склонялся к последнему. Потому, по-

няв, что игра в оскорбления может продлиться очень долго, перешёл сразу к делу.

– Пришёл книги сдать. И ещё мне нужен фолиант про великие деяния магистров и остальных ткачей.

– А зачем он тебе? Вот стал бы сам магистром, а не просрал шанс, не пришлось бы читать про достижения других и пускать слюни. – старичок издал кряхтение, напоминающее смех.

– Мнение древнего ископаемого не интересует.

– Опять ты тихо говоришь, знаешь же, что со слухом у меня проблемы.

Креоспен затрясся от злости, но быстро успокоился. Старших нужно уважать, даже если они настолько противные. Про то, что сам такой же, он даже не подумал.

– Может помочь в моих делах.

– Слышал я о твоём поручении, как по мне, напрасная трата времени.

– Хорошо, что тебя никто не спрашивал. – по правде говоря, Креоспен и сам считал приказ Трайнера бессмысленным. Разобраться с врагом можно только одним способом, чтение книг явно не тот метод.

– Ладно, пойдём.

Хирштиль медленно встал из-за стола и также медленно побрёл вдоль полок, шаркая ногами по полу, то и дело останавливаясь, высматривая нужную книгу. Креоспен был больше, чем уверен, что музейный экспонат над ним изде-

вается.

– Вот там она, на второй полке сверху. Сам достань, мне с моим ростом никак.

– А на кой хрен ты тогда клоунаду устроил?! Нельзя было сразу сказать, я бы сам и взял! – сорвался на крик Креоспен.

– Ишь ты, умный самый. В следующий раз сам искать будешь, никакого уважения. – старичок заковылял обратно за свой стол.

Креоспен промолчал, потратив на это почти все свои силы. Старый архивариус был известен тем, что любил бесить остальных членов Ордена. Потому с ним и не любили общаться. Большую часть времени он проводил в одиночестве. Те немногочисленные друзья, что у него были, уже давно умерли. Кто от старости, а кто во время выполнения задания. Один из них умер во время разговора с Хирштилем. Причиной смерти послужила остановка сердца, но ведь оно могло остановиться, не выдержав компании несносного старика. По крайней мере, Креоспен вполне мог поверить в такой исход.

– Куда это ты намылился, а на место всё положить? – Хирштиль подошёл к груде книг, которые Креоспен оставил на его столе.

– Смотри, не надорви спину, пока будешь их перетаскивать, старая развалина. – Креоспен покинул секцию под ругань Хирштиля.

Скромняга и Зябкий уже сидели и читали открытые кни-

ги. Игла с Грачом приходили им на смену ближе к вечеру. Креоспен считал, что его ученики вполне могли помогать ему сразу вчетвером, но терпеть его целый день никто не хотел.

– Здарова, мастер Креоспен. – Скромняга помахал рукой, увидев учителя.

– Поуважительнее нельзя? – Креоспен с хмурым видом вернулся за осточертевший ему стол.

– Ну, я же сказал, мастер. – Скромняга не понял, почему к нему докопались. Причины, кроме плохого настроения старика, не было.

– А ты чего не поздоровался, совсем одурел? – ткач решил переключиться на другого ученика.

– Ты звал меня, чтобы я читал, вот я и читаю. – Зябкий не стал даже поднимать взгляд.

У Креоспена не было сил, чтобы продолжать ворчать, поэтому приступил к чтению. Раньше он любил читать в своё удовольствие. Теперь же зарёкся больше не брать книгу в руки, когда выполнит своё поручение или умрёт. Последнее выглядело более реально.

Нет, нужно точно сказать Трайнеру, что так дальше нельзя. Ещё несколько дней Креоспен выдержит, а после повесится на ближайшем суку. Пусть лучше его отправят в очередное путешествие. По правде говоря, этому Креоспен тоже не обрадуется.

– Кстати, Грач сегодня не сможет прийти. Говорит, у него

дела. – сказал Скромняга.

– Это какие такие дела?! – взбесился Креоспен и стукнул по столу.

Несколько ткачей обернулись на него, но, увидев источник шума, поспешили отвернуться.

– Откуда я знаю? – Скромняга беззаботно пожал плечами. – Сам у него и спроси.

– Заняться мне больше нечем. И что мне теперь прикажете делать? Вдвоём с Иглой мы сделаем меньше.

– Мы вообще не обязаны тут с тобой сидеть. – Зябкий пробурчал себе под нос.

– Заткнись подобру-поздорову.

– Не бойсь, он нашёл себе замену. Не разочаруешься. – Скромняга громко заржал.

– Кого он там нашёл?

– Землежужа.

– Землежужа... – Креоспен заскрежетал зубами от гнева. – Если он здесь объявится, то я его убью. – убить не убьёт, но придётся ему несладко. Уж на нём Креоспен вдоволь отыграется.

– Передать ему, чтобы не приходил? – спросил Скромняга.

– Если не придёт, тоже убью.

После этих слов Креоспен вернулся к работе, попутно придумывая, как бы поиздеваться над Землежужем.

Счастье не длится вечно

Так тепло и уютно, идеальная среда обитания, наверное, именно так себя чувствует развивающийся плод в утробе матери. Ничего не нужно, всё и так прекрасно. Никаких забот, внешний мир неважен, тут тебя ничто не достанет. Никем не надо быть, стремиться достичь великой цели или упорно работать в поте лица, чтобы прокормить голодную семью. Всё плохое осталось где-то далеко за невидимой завесой. Можно наслаждаться одним своим существованием. Разве может человек просить чего-то большего?

Приятное покалывание прошло по всему телу. Пальцы задёргались от наслаждения, словно урчащий кот мнёт покрывало, прежде чем лечь на него и уснуть сладким сном. Вся боль и все переживания разом развеялись, будто прах по ветру. Какое же прекрасное ощущение, вот бы оно никогда не заканчивалось!

Новый поток обжигающей жидкости заливается в горло. Обволакивает его стенки, падая всё глубже и глубже. На руках выступили мурашки. Сердце быстро забило, чувствуя вкус жизни. Последняя капля осталась на языке. Нет, не нужно её тут же проглатывать. Она сама последует за своей судьбой. Не стоит торопиться, просто наслаждаться. Всё, что было до этого, неважно, всё, что будет после, тоже. Есть только одно мгновение и ничего больше. Один момент важнее всей

жизни.

Вот капля начала медленно съезжать вниз. Соскользнула с языка и ударилась о стенки глотки. Крепко ухватилась за них, не желая подчиниться уготованной ей участи. Пусть попытается, если так хочет, в конечном счёте, конец будет один. Силы начали покидать её. Медленно начала сползать вниз, крича и проклиная всех на свете, цепляясь скользкими пальцами за пологий склон, на нём нет выступов, чтобы ухватиться. Осталось подождать ещё чуть-чуть. Скоро всё закончится. И вот это случилось. Капля сорвалась и полетела вниз, закрыв глаза, не желая смотреть смерти в лицо.

Взрыв неподконтрольных эмоций. Непередаваемый экстаз расцвёл пышным букетом и заполнил собой нутро. Вырвался произвольный стон. Ноги заёрзали по земле. Боже, как же хорошо! Настолько хорошо, что кажется, будто это чувство сожрёт тебя со всеми потрохами, не выплюнув даже кости. Но разве это плохо? Если можно выбрать свою смерть, то никакой другой и не надо.

Счастье. Другого слова подобрать невозможно. Это именно оно, во всей своей красе. То, к чему стремится каждый человек. Кому-то для него нужно много всего: красивую жену с большой грудью и упругой задницей, роскошный дом, любящие дети, несметные богатства. Дирамон был безмерно рад, что своё он мог купить всего за пару медяков. Оно имело разный вкус. Терпкий, вяжущий язык, с кислинкой или наоборот – сладкий, горьковатый, солодовый или ядрёный,

бьющий по горлу. Вот только счастье, как и любые другие хорошие моменты в жизни, не длится вечно.

Дирамон сидел, прислонившись к стенке здания, в котором находился кабинет Шигорна. Навес защищал от солнечного света, не давая ему слепить глаза. Ноги широко расставлены. Голова запрокинута назад. Блаженная улыбка познавшего все сладости жизни приклеилась к лицу. С левого уголка рта стекала слюна, растянувшись до невероятных размеров, но все ещё не сорвавшись вниз.

Две кристально чистые бутылки закатились за ящик по правую сторону от Дирамона. Все капли до единой всосались в его организм. Пропустить хоть одну – проявить неприемлемое невежество.

Именно в таком виде его застал Шигорн, когда выходил на улицу, ища своего нового помощника. Попадаться ему на глаза в опьянённом состоянии лучше не надо. Дирамон это прекрасно знал. Вот только тяга к выпивке всегда перевешивала чашу весов.

– Вставай! – крикнул Шигорн.

Ответной реакции не последовало. Дирамон пребывал в божественном лимбе, меж двух миров. На искаженном улыбкой лице не дрогнул ни мускул. С поля своего зрения Шигорн не мог видеть бутылки, притаившиеся в укромном месте, что несомненно играло на руку Дирамону.

– Вставай, я сказал, грязное животное! – Шигорн с силой пнул лежащего по икроножной мышце.

Дирамона вырвало из блаженства. Он быстро замотал головой по сторонам, пока не заметил Шигорна, нависающего над ним со злобным лицом. Резко вскочил на ноги и отсалютовал.

– Здравия желаю, ваше превосходительство. – на его лице ещё держалась улыбка, но она медленно сползала.

– Напился и развалился тут. – Шигорн недовольно цокнул. – Что я говорил по этому поводу?

– Я трезв, как невинное дитя. – отчеканил Дирамон. – Готов пройти любую проверку.

– От тебя перегаром за версту разит.

– Так это ещё со вчера.

– Ладно, сейчас на это нет времени. – а вот потом точно найдётся. Шигорн не упустит возможности поиздеваться и выпустить пар. Другого отношения отребье не заслуживает. – Меня вызвали в замок. Ты пока сходи, забери мой меч из кузни, в квартале Рирольна. Если к тому времени, как вернусь, ты не будешь стоять у входа в мой кабинет с моим мечом, то я тебя лично высеку. Уяснил?

– Не волнуйтесь, ваше превосходительство, всё будет в порядке.

– Для тебя же лучше, чтобы так всё и оказалось. А теперь бегом.

– А где именно находится кузня?

– Найдёшь, придётся потратить немного времени. – Шигорн забрался на лошадь, привязанную к забору, и ускакал.

Дирамон мигом пошёл выполнять задание, но резко вспомнил, что понятия и не имеет, где находится квартал Рирольна. Знания о городе остались там же, где бывшие дни его величия. Хорошо, что всегда можно попросить помощи у Огбера, уж он точно не откажет.

Благодаря сержанту, Дирамон узнал точное место. Даже расположение самой кузницы. Она находилась рядом с рекой, пересекающей город. Идти пришлось на другой конец Исольтира. Дирамон бежал, зная, что времени у него в обрез, а перспективы наказания лишь придавала сил. Тем более, если он успеет вернуться раньше Шигорна, то сможет откупорить ещё бутылочку. Одна мысль об этом придавала сил, открыв второе дыхание.

Вывеска над кузницей гласила, что принадлежит она Альгернугу. Имя показалось Дирамону знакомым, но он так и не смог вспомнить, откуда знал его, немного покопавшись в закромах памяти.

На всех стенах внутри висели различные орудия убийства. Копья, мечи и топоры, двуручные и одноручные. Все как один выглядели роскошно, а стоили немерено, как раз подходит для Шигорна.

Несколько стоек с начищенным до блеска доспехами стояли в углу. Солнечные блики отражались от панцирей, проникая сквозь окно. Какими бы красивыми товары в кузне не были, Дирамона они не интересовали, в конце концов, вы-

пить их нельзя, а значит, ценности у них никакой.

К тому же, не все товары, представленные в лавке, были детищем Альгернута. Более мелкие кузнецы, неспособные держать собственный магазинчик, приносили ему доспехи и оружие на продажу. Сам же Альгернут специализировался на одноручных мечах.

– Чем могу помочь? – спросил человек за прилавком. Выглядел он за пятьдесят. Длинная чёрная борода с проседью посередине, голова коротко побрита. Одежда была неспособна скрыть его выдающуюся мускулатуру.

– Я пришёл за мечом его превосходительства Шигорна.

– Херосходительтсва. – хмыкнул Альгернут. – Пойдём за мной, сейчас отдам.

Они вышли во внутренний двор, где располагалась сама кузница, в специально отведённой постройке. Большой горн с массивными мехами. Рядом расположилась бочка с водой, в которой остужали металл после закалки. На громадной наковальне лежали потрёпанные перчатки, прямо на них навалился кузнечный молот. В общем и целом, кузня выглядела опрятно, никакого беспорядка, всё на своих специально отведённых местах.

Большой лохматый пёс поднял голову, но, увидев хозяина, опустил её обратно на лапы и продолжил спать. Альгернут, проходя мимо него, опустил на корточки и потрепал пса по голове. Дирамон попытался проделать тот же манёвр, но встретился с недружелюбным взглядом тёмных глаз. Нелов-

ко отдёргнул руку и скорчил улыбку. Собака высокомерно отвернула голову.

– Держи. – кузнец передал меч.

Богато украшенная рукоятка в золотых цветах переливалась на солнце. Золотая гарда чуть-чуть завивалась по краям. Рукоятка переходила в навершие в виде головы феникса. В его единственном глазу ярко горел рубин. На протяжении всей длинны дола была выгравирована надпись – «Длань правосудия». Дирамон несколько раз взмахнул, описывая в воздухе круги.

– Проверяй. – Альгернут вставил деревянный шест в землю и отошёл на несколько шагов, скрестив руки под грудью.

Дирамон нанёс несколько быстрых ударов, за каждый срежая по небольшому кусочку от палки. Нарботанная рука сразу заметила, что каким бы роскошным клинок ни был, сражаться им будет не очень удобно.

– Меч, конечно, красивый, но не хочу показаться грубым, не самый практичный.

– Да ты что? – издевательски спросил Альгернут. – А я думал, что он идеальный.

– Мне казалось, что такой мастер, как вы, всегда должен делать лучшее, на что способен.

– Такой мастер, как я, делает то, что от него хочет клиент. – он небрежно сунул Дирамону ножны от меча. – Даже если клиент полный идиот и ничего не знает о том, какой должен быть по-настоящему хороший клинок. Хочет полу-

читать бесполезный кусок металла, при этом платит кучу золота, право ваше. Для тех, кому нужно орудие убийства, я делаю орудие убийства. А эта штукovina годится разве что для парадов, да для хвастовства перед такими же придурками, не более.

– Что ж, звучит довольно-таки справедливо.

– Слушай, а мы случайно не знакомы? – Альгернут прищурился, всматриваясь в опухшее лицо запойного алкоголика с весомым стажем. – Ты мне точно кого-то напоминаешь. Назови-ка своё имя.

– Дирамон, прекрасный мужчина и верный друг, к вашим услугам. – он низко поклонился.

– Дирамон, Дирамон. – несколько раз повторил кузнец, пытаясь найти отголоски имени в своей памяти. – Погоди, кажется, припоминаю. Лет десять назад ты приходил в мою лавку, заказывал особый меч для своего друга. Он объявился после тебя и сделал такой же заказ.

– Точно, теперь и мне твоя лавка кажется знакомой. Значит, я здесь всё-таки бывал...

– Ну и дела. Ты же вроде не безызвестным бойцом был. На турнирах выступал. Твоё имя знал каждый мальчишка. А потом ты как сквозь землю провалился, я думал, ты умер.

– Ошибаешься. Вот он я, жив-здоров и в прекрасном состоянии как тела, так и духа.

– Оно и видно. – хмыкнул кузнец.

Перед ним стояло жалкое подобие некогда достойного че-

ловека. Перегаром разило за пару метров. Волосы, хоть и недавно подстриженные, выглядели неважно. Лицо начало зарастать, возможно, и к лучшему, по крайней мере не будет видно красных опухших щёк. Глаза жидкие, с кровавыми подтёками в уголках. Про зубы и говорить не стоит. Из не покрывшихся жёлтым налётом были только выпавшие, избежавшие несладкой участи. Зато лишним весом Дирамон не обзавёлся: все свободные деньги тратились на выпивку, пренебрегая едой. Сейчас его родная мать приняла бы за незнакомца, от которого лучше держаться подальше, а при возможности, обходить за километр.

– Допускаю, что мой внешний вид мог ухудшиться...

– Это ещё мало сказано. Чудо, что ещё ходишь на своих двоих. – бесцеремонно перебил его Альгернут.

– Но чувствую я себя более чем нормально. – закончил Дирамон, не обращая внимания на колкость кузнеца.

– Как знаешь. – слова Дирамона не смогли его переубедить. – А меч куда подевал?

– Какой меч? – не понял вопроса Дирамон. – В руке у меня.

– Тот, который твой друг заказывал для тебя.

– Тут такое я дело, я его это самое. – Дирамон не очень хотел говорить мастеру, что случилось с его творением. – Пропил.

– Неудивительно. – Альгернут покачал головой. – Одна из лучших моих работ, жаль, что такая вещь пропадает в недо-

стойных руках. Твой друг бы наверняка расстроился, узнав, что случилось с его подарком. Имени я его не помню, уж прости.

– Илирн. – поникнувшим голосом ответил Дирамон. Нет, Илирн бы не стал осуждать, в этом он был уверен на все сто. Он бы понял, только он один мог понять.

– С соболезнаваниями я уже опоздал, но всё же прими их. Жуткая история с ним приключилась. Никому не пожелаю такой смерти. Впрочем, с теми, кто его убил, поступили ещё хуже, если слухи верны. Тела же так и не нашли.

Дворяне не поделились с домочадцами планами на вечер. Ушли, а после пропали без вести. Поскольку денег на раскрытие преступления знатные рода не жалели, следствие чуточку продвинулось, прежде чем зайти в тупик. Молодые дворяне переоделись в одежду спящих под мостом пьяниц, зашли в Затхлый квартал и навсегда исчезли. Местные жители, все как один, утверждали, что никого, похожего под описание, не видели, а как только узнавали про происхождение пропавших, возносили благодарности Ралносу. След навсегда затерялся, а Затхлый квартал пополнился ещё одной нераскрытой тайной.

– Да, я тоже об этом слышал. Судьба расставила всё на свои места.

– Судьба ли? – многозначительно спросил Альгернут, не ожидая ответа. – Впрочем, мне плевать.

– Его меч всё ещё у меня. Точнее, не у меня, а у нашей

общей знакомой, там надёжное место.

– Уж точно надёжнее, чем в руках алкоголика. – без тени иронии заметил кузнец. Спрашивать, почему этот меч Дирамон не пропил, он не стал. Для себя он выбрал одно главное правило жизни – не лезть не в своё дело. – Заходи ещё, если вдруг захочешь, выкую для тебя новый меч. Только деньги не забудь.

– Буду иметь ввиду. – Дирамон попрощался. Больше он не вернётся в это место, ни за новым мечом, ни за чем другим. Деньги у него, может, и будут, но как бы жизнь не обернулась, он их пустит на более полезное дело. А что в жизни может быть важнее выпивки? Правильный ответ напрашивался сам на себя – ничего.

Подходя к родным баракам, Дирамон весело насвистывал, предвкушая вечернюю выпивку. Свист оборвался, когда он увидел белоснежного коня Шигорна, пьющего из поилки для лошадей. На обратном пути Дирамон напрочь забыл, что ему нужно успеть вернуться раньше своего начальника. Но запах выпивки из таверны так сильно манил к себе, нащёптывая на ушко ласковые слова, что сопротивляться ему было невозможно. Впрочем, Дирамон особо не пытался, разом сменив курс и зашагав к источнику запаха.

Рассчитывать на милость Шигорна не стоило. Скорее уже Дети Тьмы переведутся на земле. Путей отступления не было. Только идти навстречу судьбе с немного понурившейся головой. Можно попытаться соврать, что Дирамон покорно

ждал у дверей, но ему приспичило по нужде. Вряд ли Шигорн поверит. Даже если у Дирамона было бы железное алиби, командир добровольческого формирования не побрезгует выполнить обещанное наказание. Само наказание не сильно волновало его. Скорее вызывало грусть по напрасно потраченному времени, вместо которого он мог пить. Впрочем, Дирамон в любом случае не упустит возможности чрезмерно пригубить пива, но в таком случае меньше, чем рассчитывал.

Дирамон распахнул дверь и вошёл внутрь. За своим столом, как и всегда, сидел Тирогил – писарь. Корпел над бумажками, то и дело орудуя пером. Поднял на мгновение голову, услышав звук двери, но увидев Дирамона тут же вернулся к работе.

– Давно он вернулся? – с опаской спросил Дирамон.

– Минут пять назад, не больше. – не отрывая головы от письма, ответил Тирогил.

Всего пять минут. Внутренности Дирамона скрутились в узел. Оpozдал всего на пару минут. Может, Шигорн не будет свирепствовать и простит его? Такое вряд ли произойдёт, но всё же.

– Видел бы ты его, когда он вернулся. – продолжил писарь. – Лицо такое, будто за любую провинность зарубит на месте. На меня даже внимание не обратил, оно и к лучшему. Зашёл в кабинет вместе со своими голубками и захлопнул дверь. Я чуть не оглох. Так что удачи, только она и сможет помочь.

– А про меня не спрашивал? – впечатлившись рассказом Тирогила, спросил Дирамон.

– Я же говорю, слова не сказал.

– Может, мне лучше потом зайти, когда он успокоится? – с опаской спросил Дирамон.

– А ты сам как думаешь? – произнёс Тирогил, будто ответ лежал на поверхности. Для Дирамона всё не выглядело настолько очевидно.

Подумав, что всё-таки будет лучше отдать меч сейчас, чем через несколько часов, Дирамон аккуратно постучал в дверь, ведущую в кабинет, и открыл её.

– Говорю же вам, хорошего мало. Думаешь, с этим сбродом у нас есть хоть какой-то шанс? Да и какой смысл отправлять нас в Лунасгильн? Все основные силы собираются в Исольтире. Моему кузену просто нужно разведать обстановку, а рисковать своими людьми он не хочет. – на этом моменте Шигорн заметил нелепо улыбающегося Дирамона, держащего меч в руках. – Чего ты тут встал, как истукан? Говори за чем пришёл, нечего лишней раз глаза мне мозолить.

Шигорн будто забыл, зачем посылал Дирамона, что последнему играло на руку. А вот злым он точно не выглядел. Дирамон провёл рядом с ним достаточно времени, чтобы немного научиться различать его эмоции. Он был скорее раздражённым, но к этому чувству добавлялось и другое, новое. Шигорн боялся, хотя и хорошо скрывал свой страх.

– Принёс ваш меч, как вы и просили.

– Меч? – Шигорн будто забыл про своё поручение. Вся его голова была занята абсолютно другим. – Клади его сюда и проваливай. – он постучал указательным пальцем по столу.

Дирамон положил меч на стол и отсалютовал. Скорлик и Ниарон провожали его взглядами, пока он не покинул комнату. Обычно они пытались поддеть Дирамона, на этот раз беспокойство завладело ими, как и их главарём.

– Мне кажется, что не стоит переживать раньше времени. – заговорил Скорлик. – Вполне возможно, что никуда мы и не пойдём.

– Точно, не будет же Варнальд подвергать своего родственника опасности. – попытался разрядить обстановку Ниарон.

– Вы не понимаете... – начал Шигорн, но, увидев, что Дирамон ещё не покинул комнату, остановился. – Убирайся, кому сказал!

Дирамон поспешно ретировался, закрывая за собой дверь. До него донеслись последние слова Шигорна перед тем, как звуки столкнулись с дубовой дверью.

– Добровольцы всего лишь расходный материал, вот только командуем ими мы, а значит, и в самое пекло пойдём все вместе. Отвертеться не получится, но всегда можно придумать план отхода.

– Глазам не верю, жив-здоров. – Тирогил даже положил перо в чернильницу.

– Живее всех живых, глаза тебя не обманывают.

– Слышал, о чём они там говорили?

– О всякой ерунде. – отмахнулся Дирамон. – Ничего, что может заинтересовать порядочных людей.

Дирамон попрощался и с чистой совестью и лёгким сердцем отправился пить. Впереди ещё целый вечер, не стоит пропустить ни капли. Из разговора он понял только то, что им предстоит отправиться в Лунасгильн. До тех пор, пока там есть выпивка, переживать не стоит.

Так уж устроен мир

Путь. Через королевские тракты, давно соскучившиеся по людскому вниманию. Сделанные людьми, они в одиночестве тоскуют по своему создателю, с теплотой вспоминая, как по ним колесили повозки и топали сотни пар ног. Реки и озёра, полные расплотившейся рыбы. Вязкие трясины болот, выжидающие, когда одинокий путник зазеваётся и ступит не на твёрдую землю. Равнины и луга словно зелёные моря. Сквозь густые леса, полные животных и птиц, в коих ныне с трудом встретишь ходящего на двух ногах. Человек на протяжении всей своей истории истреблял другие живые организмы, став самым распространённым видом, но по иронии судьбы сам стал вымирающим.

Пустые города и деревни встречаются по дороге. Меньше десяти лет назад в них кипела жизнь. Люди влюблялись и расходились. Работали, не покладая рук или прятались в теньке, наслаждаясь жизнью. Теперь же поселения опустели. Только ветер завывает, бегая по улицам, и играючи теребит ставни. От людей остались лишь пустые дома, все ещё хранящие воспоминания о пропавших обитателях. Со временем и они исчезнут. Все следы человечества обратятся в пыль. Природа захватит обратно территории, отнятые у неё её же детьми. Кто-то умирает, чтобы жили другие. Таков расклад вещей, и ничто его не изменит.

Сколько ещё дней пройдёт в дороге? Каждодневные переходы на много километров. Повезёт, если удастся подстрелить оленя или хотя бы зайца, тогда на ужин будет горячее мясо. А можно было всего этого избежать. Цель была прямо перед носом, оставалось только схватить. Что может изменить одна ночь? По всей видимости, многое.

Прошло несколько недель, а Проклятый все ещё сокрушался, что решил подождать до утра, а не сразу пойти к Еви. Всё бы уже было кончено, но нет, он снова пробирается через лес, отодвигая желаящие со всей дури хлестануть по лицу ветки.

Якельн тащился позади. Вот его точно не волновало нынешнее положение. Для него всё хоть с гуся вода. Казалось, что он даже радовался тому, как всё обернулось. Абсурдного оптимизма Проклятый не разделял. Путь до Исольтира не близкий, и ещё не факт, что они его пройдут.

В самом конце плелась Аламния. Расстаться с компанией двух мужланов ей не удалось. Она даже спокойнее стала, свыклась с повадками компаньонов. Поначалу побаивалась, что к ней будут приставать, тем более наружность у неё более чем приятная. Но по итогу выяснилось, что попутчики интересуются её дыркой между ног в последнюю очередь, если вообще интересовались. Проклятый начинал подозревать, что даже если и у неё и предвидится шанс покинуть их, она им не воспользуется. С каждым днём ощущение усиливалось и пугало больше, чем голодная смерть.

Ветки хрустели под ногами, не выдерживая огромный вес человека. Вдалеке дятел приступил к обработке дерева в поисках личинок для плотного обеда. Проклятый бы не отказался перекусить, но до заката ещё далеко. Ели они только утром и вечером, стараясь экономить немногочисленную еду.

Пробраться в Эрдингард было нетрудно: Проклятый знал про старый лаз контрабандистов. А вот с Исольтиром дела обстояли куда хуже. Был он там всего один раз, да и то, по городу особо не ходил. Если к тому моменту, как они до него дойдут, внутрь не будут никого пускать, то проблем станет ещё больше. Стражники посмеются ему в лицо, когда он попросит передать сообщение королеве Эвисфальта, и пошлют куда подальше. Но, как говорится, будущие проблемы – это проблемы будущего тебя. Пока стоит сконцентрироваться на настоящем.

– Слушай, а почему именно Иммардун? – Аламния поравнялась с Проклятым и зашагала рядом.

– А почему нет? – ответил он вопросом на вопрос.

– Мы же до появления Детей Тьмы воевали.

– Давай ты закончишь со своими женскими штучками и сразу скажешь всё, как есть.

– Ладно. – недовольно фыркнула Аламния. – Недолюбливают нас иммардунцы, я к ним тоже симпатию не испытываю.

– Вообще-то я родился в Иммардуне. – сзади раздался го-

лос Якельна.

– Прости, не хотела тебя обидеть. – Аламния обернулась и неловко улыбнулась. – Ты хороший, и я тебя знаю. А вот тех, кого мы можем встретить, нет.

– Если уж на то пошло, то из нас троих только ты родилась и выросла в Эвисфальте. Так что это твои проблемы, не впутывай нас.

Аламния толкнула Проклятого плечом.

– Не думаю, что нам стоит об этом переживать. – сказал Якельн. – Вспомни своих соотечественников, и сколько раз они пытались нас убить. Люди есть люди. Неважно, на какой территории они проживают. Никто не упустит возможности вонзить нож в спину, если ему это будет выгодно.

– Ладно, я поняла, только перестаньте выставять меня дурой.

– Ты и сама отлично справляешься. – Проклятый получил ещё один толчок. – Ты вообще знаешь, что до этого почти сто лет Иммардун и Эвисфальт были союзниками?

– Конечно, знаю, а потом они решили на нас вероломно напасть.

– Якельн, как ты мог так поступить?

– Сам не знаю. – ткач понял посыл и усмехнулся. – Меня тогда ещё на свете не было, но родившись, я сразу произнёс – смерть всем эвисфальтцем.

– Я же попросила. – обиженно насупилась Аламния.

– Хорошо, тогда расскажу то, что услышал от деда. Был

он незадолго до той войны в столице Иммардуна. В Сиртагроке тогда праздник проводился. По какому поводу, уже не припомню, но помню, что на нём присутствовал тогдашний король Эвисфальта.

– А что там делал твой дедушка?

– Поторговать приехал, а с учётом того, что на праздники стекаются массы народа, шанс подзаработать всегда выше. Но вернёмся к сути нашего разговора. Так вот, пригласили его в замок как представителя народа с островов. Он, конечно, не отказался, пирушка предстояла знатная. Напились все в зюю. Уже самый разгар пиршества, как начинается драка, но не абы кого, а королей. – ухмылка на лице Проклятого стала чуть шире. – Катаются по полу, кроют друг друга благим матом. Разнимать их никто не спешит. Всё-таки короли, к таким персонам лишний раз прикоснуться себе дороже. Повозились они немного, а потом разошлись. Король Эвисфальта на следующий день уехал, а вскоре началась война.

– Ты хочешь сказать, что всё началось из-за пьяной драки?

– Не могу поверить, ты догадалась! – изобразил удивление Проклятый. – Не прошло и года.

– Но это же бред какой-то. – возмутилась девушка.

– Конечно, бред. Вокруг много чего бредового происходит. Так уж устроен мир. А ты думаешь, войны начинаются во имя благой цели? Королям нужны новые земли и деньги. Хочется потешить свое эго или отомстить за дерзкую обиду. А воевать и умирать вместо них будут обычные люди, бук-

важно вчера собирающие урожай. Нассут всем в уши про то, что их детей и жён хотят убить, дома отобрать, а самих обратить в рабство, и пошло-поехало.

– И что тогда делать? Свергнуть королевские династии и передать власть народу?

– Оглянись вокруг. – Проклятый развёл руками. – Короли уже давно потеряли власть. Миру это пошло на пользу? Не станет королей, появится кто-то другой, ничем не лучше. Впрочем, ты и сама была этому свидетелем.

– Звучит совсем не радужно. – Аламния задумалась после услышанного.

– На дворе конец света, а разве люди поменялись? Нет, наоборот, стали ещё хуже, освободившись от гнёта знати. Мир никогда не станет лучше, потому что сам по себе он не плохой и не хороший. Он просто существует таким, какой есть. Окраску ему придают сами люди, не понимая, что меняться нужно им самим.

Деревья впереди начали редеть. Сквозь просветы между стволами прорисовывались силуэты нескольких строений. Проклятый вышел на вырубленный участок леса и оказался в маленькой деревушке. Бревенчатых изб в ней было не больше десяти. У некоторых прохудилась крыша, оставленная без присмотра человеческих рук. В других избах верхние опоры подломились, и она совсем провалилась вниз, оставляя внутреннее помещение на милость дождю.

Из труб ещё пригодных для жилья домов не валил дым.

Люди давно покинули свои жилища. Понятно это было даже не по запустению поселения. Здесь царила особенная атмосфера, которую можно ощутить и в других заброшенных местах. Спокойное одиночество, не вызывающее беспокойство, а дающее ощутить лёгкую тоску. Проклятый невольно вспомнил свой дом. Сейчас там не осталось и следа от прежней жизни, огонь забрал своё, а то, что не смог, уничтожили люди.

Жильцы сами покидали дома, или твари приходили и всех убивали, пируя на останках. После нашествия Детей Тьмы по всему миру остались сотни таких же брошенных селений. Не первое и далеко не последнее, всего лишь одно из множества.

– Как думаете, почему люди покинули это место? – Аламния с печалью оглядела немногочисленные избы.

– Кто знает... – ответил Проклятый. – Одно могу сказать наверняка, не из-за хорошей жизни.

Вряд ли удастся найти что-то полезное, но Проклятый всё равно решил осмотреть дома. Якельн и Аламния последовали его примеру и разбрелись в разные уголки деревни. Проклятый подошёл к закрытому колодцу. Откинул крышку и заглянул в углубляющуюся тьму. Соткал огонёк и послал его вниз. Он упал, освещая стенки колодца, и уткнулся в дно, распавшись на искры. Колодец высох, как давно, трудно сказать. Наверняка прошёл уже не один год.

Проклятый подошёл к одному из уцелевших домов. Де-

ревянная дверь, вопреки ожиданиям, легко поддалась, громко выругавшись. Солнечный свет проникал сквозь отверстия, освещая клубы пыли, сплетённые в воздушном танце. Небольшая белая печь стояла с наглухо закрытым ртом. Кочерга, служившая для ковыряния в угольных внутренностях, облокотилась на пациента.

На деревянном столе лежали три миски с ложками внутри. Пыль и паутина покрыла их почти полностью. Цепочка муравьев бежала на маленьких ножках напрямик в общий дом, собранный из палочек, опавших листьев и еловых иголок. Прибитая к стене полка обвалилась, уткнувшись в пол. Домашняя утварь скатилась по наклонной вниз, разбившись вдребезги. Если здесь и была еда, то уже давно испортилась, либо пропала в желудках зверей и насекомых.

В соседней комнате стояла большая кровать. Так и недогоревшая свеча покоилась на тумбочке. В углу лежали три скелета. Плоть уже давно сползла, обнажив белизну костей, но одежда покрывала тела, как и при жизни её владельцев.

Один из скелетов, судя по платью, принадлежал женщине. Она костлявыми руками прижимала к груди маленькую голову ребёнка. Был ли он при жизни мальчиком или девочкой, не имело значения. Перед лицом смерти все равны. Щекой она лежала на макушке своего дитя. На их одежде ещё остались высохшие пятна крови и дырки аккурат возле сердца. Рядом с ними лежал скелет покрупнее – отец погибшего семейства. В его разжатой ладони лежал нож.

Они сами решили расстаться с жизнью. Может, у них закончилась еда, а добыть её в окрестностях леса не получилось, и они предпочли самоубийство долгой и мучительной смерти от голода. Вполне возможно, что их сразила болезнь, а лекарств от неё не было. Родители не могли вынести мучений ребёнка и подарили ему лёгкую смерть, и покинули мир вслед за ним, не оставив его одного даже после смерти.

Отец со слезами на глазах и дрожащей рукой сначала убил чадо. Мать плакала и успокаивала остывающее тело, говоря, что всё будет хорошо. После он оборвал жизнь жены. Дал волю горю и отправился за семьёй. Страшно представить, какие чувства он тогда испытывал. Проклятый его прекрасно понимал.

Он стоял всего несколько мгновений, глядя на скелеты, пока в его голове рисовалась картина произошедших событий. Проклятый покинул дом и аккуратно закрыл за собой дверь, оставив мёртвых навсегда покоиться в пыльном склепе.

– Нашёл что полезное? – спросил Якельн, завидев Проклятого.

– Ничего. – спокойным голосом ответил Проклятый. – Нет тут ничего. Деревня заброшена уже как пару лет.

– Тогда куда дальше? – Аламния вытаскивала паутину из чёрных волос.

– Пойдёмте поищем водоём. Он наверняка недалеко.

– Главное до ночи успеть. – Якельн покосился на красне-

ощее небо. – Час у нас точно есть.

После непродолжительных поисков, Проклятый вышел к круглому озеру, окружённому деревьями. Тихая гладь с кристально чистой водой, через которую виднелось песчаное дно, так и манила к себе. Окунуться в прохладную воду и смыть дорожную грязь было более чем приятно, тем более перспектива следующей помывки была весьма туманна. К тому же одежду можно постирать, а потом высушить возле костра.

Аламния вызвалась первой искупаться и постираться. Проклятый с Якельном тоже сразу собирались окунуться с головой, но девушка воспротивилась, аргументируя тем, что они пока могут собрать ветки для костра, а она к тому времени закончит водные процедуры. Аламния не хотела, чтобы двоица за ней подглядывала, хотя Проклятый даже не собирался, не находя в ней никакого интереса.

Предварительно оставив свой чёрный дорожный плащ, чтобы она могла в него завернуться после купания, Проклятый ушёл искать дрова. Собирая их, он нашёл куст с пухлыми ягодами ежевики, благополучно съев добрую половину, оставшиеся собрал с собой, чтобы разделить между остальными.

Когда он вернулся к берегу озера, день уже сменился ночью. Первые звёзды загорелись на небосводе. Полукруглый диск луны отражался в недвижимой воде. Аламния укуталась в плащ и сидела, вытянув ноги. Якельн уже сложил дро-

ва для костра. Проклятый положил добытое топливо рядом и поджёт древесину огоньком на кончике пальца.

Без церемоний сбросил с себя всю одежду и нагишом пошёл стирать её у кромки воды. Аламния, покраснев, отвернулась и ушла поближе к костру. Якельн запрыгнул в озеро в одежде и лежал на поверхности, торчала только часть его головы и мыски ног. Достигав вещи, насколько возможно, Проклятый разложил их около огня, к очередному смущению Аламнии, краем глаза увидевшей его мужское достоинство.

– Хоть бы прикрылся. – отворачивая голову, пробурчала девушка.

– Как будто ты членов в своей жизни не видела, не бойсь, он не кусается. – с застывшей на лице ухмылкой произнёс Проклятый.

Проклятый с разбега занырнул в воду. Весь пот и грязь разом смылись, падая под натиском воды. Он занырнул поглубже. Пролетавшая мимо птица могла разглядеть его голый зад, настолько чистая была вода. Всплыл посередине озера и тряхнул головой. Брызги с волос вызвали мелкую рябь на воде. Подержался немного на поверхности, задержал дыхание, сделав несколько подготовительных вдохов, и опустился на самое дно, едва не касаясь лицом песка. Перевернулся на спину и расслабил тело. Выпустил воздух из лёгких. Воздушные пузыри потянулись наверх, растворяясь по пути. Едва не коснулся спиной мягкой подводной перины и

завис в пространстве. Развёл руки и посмотрел на луну, возвышающуюся в небе. Кислород кончался, а он всё не всплывал. Только когда лёгкие начали сжиматься, тщетно пытаюсь найти воздух и в груди заболело, он резко всплыл и глубоко вдохнул.

Наступило приятное ощущение чистоты тела. Настроение портила только мысль о том, что продлится это недолго. Уже завтра полностью пропотеет. Наступала тёплая пора, которую он всем сердцем ненавидел, не зная, как спастись от жары.

Проклятый выбрался на берег. Вода стекала по голому телу. Так нагишом он и сел около костра, протянув к нему руки. Якельн сидел в одних трусах, таких же мокрых, как и он сам, и довольно улыбался, насадив на палку остатки вчерашнего мяса зайца. Аламния уплетала ежевику.

– Может, хотя бы что-то накинешь на себя? – несмотря на Проклятого спросила Аламния.

– Так уж и быть, раз моё голое тело тебя настолько смущает. – Проклятый взял все ещё мокрое нижнее бельё и нехотя натянул на себя.

Аламния заметила большой шрам круглой формы на его левом боку.

– Откуда этот шрам?

– Ты про какой именно? – у Проклятого их было достаточно. Рубленая полоса пересекала грудь. Несколько грубых шрамов на левой лопатке и на плече. Парочка отметин

на руках и ногах. Один пересекал правый край подбородка и добирался до края губ. Другой начинался под левым глазом и уходил к виску.

– Тот, что на боку. – Аламния указала пальцем.

– А, этот. – Проклятый потрогал левый бок, а потом дотронулся до другой части шрама внизу спины. – упал неудачно.

– Лучше бы просто промолчал.

– А какая тебе разница, откуда он?

– Просто пыталась завязать разговор. – недовольно буркнула Аламния. – Ты же сам никогда не начинаешь. Да и не говоришь почти ничего.

– Может, тогда не стоит даже пытаться меня расспрашивать?

– Я понять не могу, разве так сложно хоть что-то о себе рассказать? Мы уже столько времени вместе, а практически ничего о тебе не знаем. Чем ты занимался, какой жизнью жил?

– Поверь, ты не хочешь знать.

– Это уже мне решать. – возмутилась Аламния.

– Да ладно тебе, расскажи немного, она и отстанет. Ей богу, как дети малые. – Якельн приступил к скромной трапезе.

– Я думал, ты на моей стороне. – с досадой произнёс Проклятый.

– Даже не думай меня впутывать. – Якельн вгрызся в кусок мяса.

– Ладно, расспрашивай. – с неохотой ответил Проклятый. – Только не рассчитывай, что получишь много ответов.

– За время нашего путешествия я уже успела понять. Надеюсь, хоть один из них будет нормальным, а не очередной тупой шуткой.

– Вот тут ничего не могу обещать. – Проклятый откинулся на спину и занёс руки за голову.

Аламния начала перебирать в голове интересующие её вопросы. Набрался обоз и маленькая тележка. Наконец решила задать самый насущный.

– Кто твой таинственный друг?

– Просто друг. – не вдаваясь в подробности, ответил Проклятый. – Из старой жизни.

– Да что это за ответ такой? – Аламнию жутко бесили его увёртки. – Как вы познакомились, почему ты так хочешь с ним встретиться, он настолько важен для тебя? Как ты узнал, что он сейчас в Исольтире?

– Потихе. – Проклятый надеялся, что после этого поток вопросов прекратится, но он лавиной накрыл его. – Хорошо, хорошо. Расскажу я, только заткнись хоть на минуту.

– Сразу бы так! – с видом победителя Аламния приготовилась слушать.

– Познакомились мы давно. Достаточно долго путешествовали вместе, потом я и ещё несколько моих друзей помогли ему с одним делом. А хочу встретиться, потому что нужно кое-что ему передать и перекинуться парой слов. Про

Исольтир узнал от одного общего знакомого.

– И на этом спасибо. – поняв, что ответа подробнее не получит, Аламния решила, что сможет разговорить его в будущем. Сомнительная надежда, но на то она и надежда.

– Хорошо, теперь расскажи про свою первую любовь.

– Я её убил. – без тени иронии ответил Проклятый.

– В смысле, убил? – ответ обескуражил Аламнию.

– Любовь – смертельно опасная штука. – вставил своё слово Якельн.

– Если тебя это утешит, то на то была причина, причём очень веская.

– Поверю на слово. – ей тяжело было представить такое, но она понимала, что в данный момент он не врёт.

– А чем занимался в прошлом?

– Убивал, если коротко.

– Не удивлена. А если поподробнее?

– Путешествовал, посетил много мест. – Проклятый погрузился в воспоминания. – Можно сказать, исполнил мечту детства. Всегда хотел повидать весь мир и встретить интересных людей. Их я и правда повидал немало, правда, убивал до того, как успевал узнать имя.

– Значит, ты наёмник?

– По крайней мере был. – подтвердил Проклятый. – На сегодня достаточно.

– Вот это да! За столь короткий промежуток времени я о тебе узнала больше, чем за всё время, проведённое вместе.

Потом расскажешь ещё чего-нибудь.

– Может быть. – Проклятый повернулся на бок и притворился, что пытается заснуть.

Нет пути обратно

На стволе дерева висел прибитый труп. Нижняя часть туловища отсутствовала. Глаза выжжены, рот широко распахнут в предсмертном крике отчаяния. Пару дней назад Пран уже встречал его побратима. Тогда его можно было посчитать за случайность. Но картина повторилась, став уже закономерностью.

Пран стоял напротив мертвеца. Его взгляд не выражал абсолютно ничего. Если бы глаза покойника ещё оставались на своих местах, то ничем бы не отличались от пустых глаз настоятеля.

– Дело дрянь. – Ранст надеялся, что предыдущий труп окажется единственным. Встреча с новым разрушила его надежды на относительно безопасный переход через Кларнильсверф.

– Оставь надежду всяк сюда входящий, ибо впереди есть только смерть. – отчеканил Сарол.

– Ты откуда эту дрянь вычитал? – спросил Конс.

– Не знаю, может, слышал где краем уха. – рыжеволосый нервно поглаживал пышную бороду.

– Пусть Ралнос упокоит его душу. – заранее заготовленная фраза вылетела из уст Прана.

– Пускай лучше о нас подумает. – Рольфу было неposeбе. Обычные трупы одно дело, но изуродованные до такой сте-

пени...

– Начальник, может, развернёмся и уйдём отсюда или обогнём по касательной? Что-то мне не хочется и дальше наблюдать такие пейзажи. – предложил Криг.

– Нет у нас пути обратно. – Ранст бы с радостью повёл караван другой дорогой, но и она не обещала быть лучше.

Сошедшие с ума культисты, поклоняющиеся собственному богу, оказались не просто домyslom. Слухи не прибавляют трупы к деревьям, перед этим зверски пытая. Прана, в отличие от остальных, они не пугали. Его вообще не пугало ничего, что может убить.

Как и в прошлый раз, Ширит рассказал Прану и остальным о своей находке рано утром. Только в этот раз дело не ограничилось одним трупом. В округе он нашёл ещё нескольких, с теми же увечьями. По всей видимости, так они помечают свою территорию. Хотя кто знает, что творится у них в голове?

– Больше об этом нельзя умалчивать. – здраво рассудил Ранст. – Нужно рассказать остальным и морально подготовить их. Бьюсь об заклад, мы набредём на ещё парочку таких же.

Вряд ли к такому можно подготовиться, но всё же лучше знать, чем быть в неведении. Хотя и правда особо ничем не поможет. Страх никуда не денется. Люди всю свою жизнь много о чём даже не подозревают. Так что иногда лучше ничего им не рассказывать. Правда может многих свести с ума.

Дойдёт до паники, а она никогда ничем хорошим не кончается. Земля, усеянная трупами. Впрочем, новое открытие на Прана никак не повлияло, а своими мыслями на этот счёт он не спешил делиться. Раз его не спрашивают, значит, и ответа не ждут.

– Как успехи с обучением людей?

– Более-менее. – ответил Сарол.

– Так более или менее?

– Скорее менее. – после короткой паузы сказал Сарол, поняв, что по-другому и не скажешь. – Определённые успехи, конечно, есть, но эти люди не воины, понимаешь? Почти все здоровые мужчины и так занимаются охраной каравана. Остальные – женщины и дети вперемешку со стариками. Я могу научить их базовым вещам, но не могу обещать, что они не кинутся врассыпную при нападении.

– Значит, попытайся вдолбить им в голову, что нужно стоять строем, если жизни дороги. – Ранст и сам понимал, что проку от обучения мало, но бездействие ещё хуже. – Либо научи их стрелять, тогда и стоять плечом к плечу не придётся. С божьей помощью одной стрелой да попадут.

– Попробую. – Сарол кивнул головой. – Идея в принципе здравая.

С разумностью можно было поспорить. Стрелы, прилетающие в спину от своих же товарищей, точно не поднимут моральный дух. А вот проповеди...

Пран не проводил их с того момента, как убил Юринга.

Ранст и не просил его об этом. Собственно говоря, потому Пран и забросил дело. Особой тяги он к ним не испытывал, но что-то ему подсказывало, что скоро придётся вернуться к своей профессии.

– Пран... – Ранст обернулся к настоятелю.

– Ралнос даст надежду своим детям, так что не стоит беспокоиться.

– Значит, ты проведёшь сегодня молитву?

Каменное лицо Прана ничего не выражало. Ранст никогда не мог понять, о чём настоятель сейчас думает. Он даже не догадывался, что ни о чём. Наверное, потому, что сам никогда не переставал размышлять.

– Ралнос дарует свой свет всем жаждущим.

– Приму это за да. – другого выбора у него не было.

Ранст велел собрать всех людей в одном месте для важного объявления. Толпа перешёптывалась, гадая, что же он им расскажет. Но все, как один, считали, что новость будет не из приятных. После падения Эрдингарда многие перестали надеяться на хорошее. Но вера в лучшее все ещё теплилась в сердцах людей, хотя пламя и превратилось в маленькую искорку.

На глазах Прана Ранст пытался придумать речь, но как бы ни пыжился, ничего не выходило. Ораторским искусством он не обладал, наверное, это одна из самых слабых его черт. Бремя воодушевления людей легло на сильные плечи Прана.

Кто, как не проводник Господа, сможет воодушевить упавший дух?

План у Ранста, если его вообще можно назвать таковым, был донельзя прост: быть начеку, не спуская глаз с каждого куста, и не давать колонне каравана сильно растягиваться. По возможности добавить людей в авангард для разведки территории и укомплектовать защиту тыла. Обучить людей держать оружие в руках, насколько хватит возможностей и времени. Не факт, что они вообще встретятся с местным населением, но в таких вопросах всегда лучше рассчитывать на худший вариант событий.

Пран бегло осмотрел лица собравшихся. Исхудавшие, измученные долгой дорогой и бедствиями, приключившимися за последнее время. Напуганные тем, что принесёт следующий день. Движимые вперёд жаждой жить, несмотря на все опасности, свалившиеся на души и ожидавшие впереди. Воля к жизни или боязнь умереть, многие сказали бы, что это одно и то же. Пран знал наверняка, что между ними есть огромная пропасть, отделяющая одно от другого. Как мог оспорить и то, что умирают лишь однажды.

Нет ничего лучше жизни. Будучи самым прекрасным явлением, она может обернуться худшим кошмаром, от которого нельзя проснуться. Бессмысленные дни пролетают один за другим, словно падающие листья, пока от человека совсем ничего не останется. Пран не стремился к смерти, на то у него были свои причины, но и не испытывал перед ней стра-

ха. Для него она была ничем другим, как вечным упокоением. Пока ты жив, существует мир вокруг тебя. Когда умираешь, он исчезает, тогда исчезаешь и ты, вместе со своей памятью и эмоциями. Может из ничего и не может появиться что-то, но превратиться в ничто может всё что угодно.

– Я собрал вас для того, чтобы кое-чем поделиться. Скажу сразу, вести не из приятных, но я не могу их скрывать. Скорее всего, слухи о людях, населяющих Кларнильсверф последние несколько лет, оказались не просто пьяными байками. Мы нашли изуродованные тела. Их смерть, судя по всему, носила ритуальный характер.

По собравшимся прокатился встревоженный ропот. После всего пережитого только сбрендивших культистов им не хватало. Ещё по пути в Эрдинсгард многие потеряли родных и близких. Люди боялись за свои жизни не без оснований. Человек может выдержать много суровых испытаний, но рано или поздно наступит переломный момент, и психика пошатнётся. Ранст мог только надеяться, что этот час настанет ещё не скоро.

– И что нам теперь делать? – раздался одиночный выкрик из толпы, нашедший много волнительных откликов.

Ранст поднял руки, чтобы успокоить караван.

– Я понимаю, хорошего мало, но последнее, что сейчас нужно, так это поддаваться панике. Сейчас куда не пойдешь, кругом опасность. Пойдешь мы другим путём, наткнулись бы на другую, вполне возможно более смертоносную. – он никак

не преуменьшал нынешнюю опасность. – С этого момента я прошу всех соблюдать предельную осторожность. Никуда не ходить поодиночке. Во время дневных переходов не разбредаться, старайтесь идти в одном темпе.

Пран слушал слова, сказанные Ранстом. По большей части они не имели никакого смысла. Дисциплина будет держаться до первого нападения на караван. Люди и так почти на пределе, а при виде очередной опасности впадут в панику. А управлять обезумевшей толпой – дело пропащее.

– Вы все знаете Сарола. – рыжий вышел вперёд. – Каждый вечер он проводит занятия по боевой подготовке. В целях вашей же безопасности и безопасности всего каравана, я настоятельно рекомендую посещать их всем, кто ещё не посещал. Поверьте, навыки обращения с оружием вам помогут в будущем. Ни для кого не секрет, что у нас нехватка способных рук. Поэтому каждый член каравана должен уметь постоять за себя.

А вот это действительно действенное решение. Вряд ли получится всех обучить, но по крайней мере они смогут отличить острый конец меча от рукоятки.

Ещё с падения Паультрина Пран считал, что мало кто сможет добраться до Эрдингарда. Все его ожидания сбылись. До Исольтира доберётся ещё меньше, в этом он ни капли не сомневался, если у них вообще получится добраться.

– Настоятель Пран прочитает молитву, а после мы двинемся в путь. Впереди долгий день.

После этих слов Ранст уступил место Прану. На жреца Ралноса он больше не походил. Белое одеяние уже давно сменилось на обычную одежду с элементами доспехов, подобранных с трупов. Однако нести слово Божие он не разучился, никогда не разучится. Пран знал все молитвы, ему не нужно было их помнить. Они были столь же естественны, как умение ходить и дышать. Давно стали его неотъемлемой частью. Не взглядываясь в лица людей, он громко заговорил.

– Ралнос – наш Бог. Он никогда не отвернётся от нас...

Ночь опустилась на землю, накрывая её тёмным одеялом. На ночной стоянке загорались небольшие огоньки. Как бы повторяя за ними, на небосводе стали появляться свои очаги света. Люди сидели вокруг костров, доедая остатки пищи и разговаривая о том, что им принесёт следующий день. Далеко в будущее никто не заглядывал, проснуться на рассвете и лечь спать с приходом темноты уже считалось удачным.

Со смехом вспоминали проблемы прошлого, казавшиеся такими несущественными на фоне гибели всего мира. Бытовые ссоры, нехватка еды на столе или неудачный поход на рыбалку. Боязнь пригласить красивую девушку на танцы, робко стоя в стороне и смотря, как с ней уходит тот, у кого хватило смелости. Торговец так и не сбавил цену после долгих торгов, и пришлось заплатить по полной за товар. Разве из-за этого можно было переживать?

Пран сидел на холме в полном одиночестве, опершись

спиной о такое же одинокое дерево, чьё семечко далеко от родных лесов, полных собратьев, отнёс шаловливый ветер. Оно росло и наблюдало, как ему подобные весело проводят время, не слыша его зова. Со временем дерево смирилось, забросив попытки докричаться, и навсегда замолчало.

Как бы Пран не хотел убежать от своих мыслей, они всегда находили лазейку, забираясь через узкую щель закрытой ото всех комнаты. В такие моменты настоятель думал только об одном – своей семье.

С Ктисли он познакомился, приехав в её деревню, название которой начисто стёрлось из памяти, чтобы стать настоятелем храма. Дом божий помогали строить местные жители. Там, во время стройки, в один из жарких дней, Пран увидел её. Она принесла воду для уставших рабочих и подошла к своему будущему мужу, чтобы дать тому напиток. Едва взглянув на неё, он тут же утонул в её изумрудных глазах. Не в силах сказать ни слова, тупо стоял и смотрел. Ктисли улыбнулась ему и покраснела, унося его мысли всё дальше от постройки храма. Пран, потеряв дар речи, не смог спросить её имени, ещё долго смотря ей в след, пока чёрная коса не скрылась из виду. Он смотрел, надеясь, что она обернётся, и его надежды не оказались напрасными.

На следующий день он смог узнать её имя. Ничего другого спросить не получилось, но и этого было достаточно. Пран повторял про себя имя своей возлюбленной, каждый раз испытывая самые тёплые чувства. Оказавшись с ней на-

едине и не в силах больше скрывать чувства, он признался ей. Девушка ничего не ответила, и молчание начало пугать его. Что, если она не испытывает того же? Надежда покидала его так же быстро, как вспыхнуло его сердце при первой встрече, но в последний момент Ктисли положила руки ему на плечи, приподнялась на мыски и нежно поцеловала. Прану казалось, что поцелуй длился целую вечность, и он был бы безгранично рад, если бы так оно и оказалось. Это был лучший день в его жизни.

Когда храм наконец построили, они поженились. На свадьбу пришла вся деревня, успевшая полюбить настоятеля. Пир, хоть и не такой роскошный, как королевский, по своим масштабам полностью ему соответствовал. Гулянья продолжались всю ночь, даже когда новобрачные покинули праздник в их честь. Прану нужна была только Ктисли, а ей он. Не было ничего важнее.

Рядом с храмом построили небольшой дом. В нём Пран и жил со своей женой. Казалось, что лучше жизнь уже не будет, но в один из вечеров Ктисли сказала ему, что беременна. Через девять месяцев у них родился ребёнок – девочка. Держа новорождённую Лигису на руках, Пран ощущал себя самым счастливым человеком на всём свете. Такое же чувство он испытал позже, когда в его руках лежала только что родившаяся Зовиль.

Пран каждый день благодарил Ралноса за посланный им подарок. Молился за здоровье своих родных, просил уберечь

их от опасности. Он никогда не мог подумать, что у него будет своя семья. Но чем неожиданней подарок, тем приятнее.

Девочки росли. Пран наблюдал за их взрослением, не веря своему счастью. У него было всё, о чём он когда-либо мечтал. Свой храм с прихожанами, с которыми он делился милостью Господа. Красивая, любящая жена и чудесные дети, в которых души не чаял.

Почти десять лет он жил в любви и гармонии. Строил планы на будущее, с ужасом думал о женихах, которых приведут в его дом дочери. Но оказалось, что самое страшное, о чём он даже боялся думать, подкрадывалось незаметно. Так же внезапно, как и появилось, счастье без следа исчезло из его жизни. Оставило его доживать свои дни в мире, который больше не интересовал его. После уже ничего не было и ничего не могло быть.

– Так и думал, что найду тебя здесь. – снизу раздался голос Ранста. Он поднимался по холму, стараясь не оступиться и не скатиться кубарем вниз. – Весь лагерь обыскал, потом Гелор сказал, что видел, как ты уходишь в эту сторону. – он взобрался на вершину и, уперев руки в бока, осмотрел окрестности. – Красивый вид, даже без дневного света видно.

Прямо под холмом расположилась стоянка каравана. За ней начиналась линия деревьев, обозначающая лес. За зелёными пиками виднелось небольшое поле, через которое они проходили ранее днём. На нём удалось найти дикую зем-

лянику, чему очень порадовались детишки. Собирали дикие ягоды всем караваном. С другой стороны холма блестело небольшое озеро, окружённое камышами. Несколько рыбаков в сопровождении охраны возвращались с уловом. С первыми лучами солнца они снова отправятся удить рыбу. Еда ещё пригодится в пути.

– Здесь так тихо, даже не верится, что где-то в этих лесах могут скрываться люди, приносящие себе подобных в жертву.

– А вот я охотно верю, Ралнос мне свидетель. Как раз вдали от посторонних глаз прятаться лучше всего.

Да и жертвоприношения Прана не сильно удивляли. Проходя обучение на жреца, он вдоволь наслушался о старых временах, когда такие ритуалы были обычным делом. Ещё до того, как пришёл Ралнос. На Отколовшихся Островах и в Оазисных Городах до сих пор практикуются ритуальные жертвоприношения, правда, и намного реже, чем раньше.

– Всё-таки повезло нам, что не добрались до Эрдинсгарда раньше. Уже бы пошли на корм тварям. Осталось только не попасться в лапы культистам. – с юмором в голосе заметил Ранст и присел рядом с Праном.

– Ралнос отвёл от нас беду тогда, отведёт и сейчас. Он не бросит нас на произвол судьбы. – монотонным голосом заметил Пран.

– Об этом я и хотел поговорить. – Ранст достал из запазухи недопитую бутылку вина. – Почему мы?

– Что ты имеешь ввиду? – Пран, не задумываясь, откуда у Ранста сохранился алкоголь, сделал несколько глотков.

– Почему именно мы удостоились его милости? Почему нас он спас, а других обрёл на смерть? Разве они не заслуживали жить? Жрецы всегда говорят, что Ралнос милостив ко всем. Но в тот день у него явно выдался выходной.

– Не стоит раздумывать над действиями Господа нашего, он не подчиняется людским законам. У него свои планы.

– Разве в эти планы не входит спасение людей, или жрецы врут в своих словах?

Пран сделал ещё один глоток, передал бутылку обратно и только потом ответил.

– Да, те люди погибли в тот день. Но это не значит, что Ралнос бросил их. После смерти он забирает души в лучшее место. Так что можно сказать, что сейчас им не так худо, как нам.

– Но это не отвечает на мой вопрос.

– Ты пытаешься рационально мыслить, но религия не основывается на логике. В её основе лежит вера. Нужно просто верить, иначе никак.

– Знаешь, – Ранст звучал как глубоко разочаровавшийся в своих ценностях человек, будто весь мир разом рухнул для него, оставив мучиться под завалами, захлёбываясь кровью со сломанными под тяжестью камней костями, – после всего увиденного трудновато просто верить.

– Каждый верующий человек рано или поздно попадает в

ту же ловушку, что и ты. Задаётся тяжёлыми вопросами, на которые не может найти ответ. Тебе не стоит забывать, что Ралнос всегда рядом, даже если ты не ощущаешь его присутствие.

– Но ведь должен быть во всём этом смысл! – чуть ли не закричал Ранст. – Столько смертей! И что, всё за зря? Просто так вышло, случайное стечение обстоятельств? Я не хочу в это верить. – поверить в обратное ему было ещё сложнее.

Случайность. Просто так вышло. Пран бы мог так ответить Рансту. Рассказать, что всё об этом думает на самом деле. Но он не стал, вместо этого ответил так, как привык отвечать за долгие годы жизни.

– У Ралноса есть свой план. Может, ради спасения всего человечества не обойтись без всех этих жертв? Но разве будет лучше, если погибнут все?

– Лучше, не лучше, без понятия. Знаю только то, что всё происходящее хорошим я назвать не могу. – Ранст выбросил опустевшую бутылку. Внизу раздался треск разбившегося стекла. – Я-то думал, что Бог всемогущ. По мановению руки может сделать всё что угодно. Видимо, я во многом заблуждался.

– Людям свойственно заблуждаться. Не ты первый, не ты последний. Главное, как они с этим справляются.

– А может, это всё наказание? Ралнос решил проучить нас за грехи. За все те бессмысленные войны ради клочка территории. За убийства ради пары монет. Насилие над теми, кто

слабее. Если посмотреть с такой стороны, то мы даже заслужили беды, свалившиеся на наши плечи. Люди всегда убивали друг друга, да и сейчас продолжают, несмотря на то, что у них появился общий враг. Ралнос надеялся, что мы объединим усилия, встав плечом к плечу, а по итогу переоценил своих детей. Люди не заслуживают такого Бога.

– Ралнос любит своих детей, какими бы они ни были.

– Хорошо, если ты прав. – усталым голосом сказал Ранст. – Пойду-ка я лучше спать.

Ранст поднялся, отряхнув ноги. Начал спускаться вниз, но, сделав пару шагов, остановился и обернулся через плечо.

– Знаешь, хотел бы я поговорить с тобой настоящим, а не с настоятелем, которого вижу каждый день. Пран, ты хоть сам веришь в свои слова?

Не дожидаясь ответа, он продолжил спуск.

На безрыбье и рак рыба

Вперёдсмотрящий начал каждодневное восхождение на грот-мачту. Позёвывая, он карабкался по веревочной лестнице, жмурясь от лучей солнца. Подзорная труба болталась за поясом в такт его движениям. Забравшись наверх, в уютный клотик, он расправил плечи, подставляя лицо солёному бризу. Пролетающая мимо чайка сбросила на него снаряд. Белое пятно размазалось на правом плече рубашки. Он меланхолично посмотрел на новообретённые погоны. Орёл собственной вони немытого тела не давал проникнуть в нос потустороннему запаху. Слипшаяся борода, доросшая до значительных размеров, прятала в себе кусочки еды, запахая на чёрный день. Моряк достал подзорную трубу, приложил к правому глазу, попутно закрывая левый, и всмотрелся в горизонт. Там, вдалеке, он и увидел очертания города.

– ЗЕМЛЯ!

Последовал громкий, но в тоже время отрешённый крик, будто плевать ему на скорую высадку на сушу. Матросы на верхней палубе безучастно отреагировали на новость, даже не подняв головы. Какое им дело до земли, когда вся их жизнь кипит на морских просторах? Зато Еви, в этот момент поднимающуюся из трюма, весть о скором прибытии несказанно обрадовала.

Морское путешествие ей порядком надоело. Невозмож-

ность прогуляться и вечное нахождение в замкнутом пространстве стесняло её. Хотелось вновь пройтись по внутреннему замку или выехать на прогулку верхом на лошади. Если верить рассказам Миррильны, то ей должно понравиться в новом месте обитания. Вряд ли она полюбит свой новый дом так же сильно, как старый, но ничего другого не оставалось. Перспектива отстроить Эрдинсгард заново была такой же туманной, как и счастливое будущее в стенах незнакомого замка.

Еви подумала, что стоит начать готовиться к прибытию, но потом вспомнила, что вещей с собой не брала, кроме доспехов и меча, прикреплённому к поясу. И почему никто не позаботился о том, чтобы взять с собой несколько костюмов, если учесть тот факт, что только Еви не знала о предстоящем плане побега?

По крайней мере с Миррильной она помирилась, в противном случае всё было бы намного хуже. Принцесса часто рассказывала про свою семью и придворную жизнь, но Еви почти ничего не запомнила. Из всего услышанного она поняла только то, что мать Мирри и её будущего мужа интересная женщина, и что сам Варнальд ничего себе. Вполне возможно, что принцесса специально нахваливала родственников, но за неимением другого достоверного источника информации, Еви поверила словам подруги.

Очертания города становились всё чётче, превращаясь из маленькой точки в громадное пятно. Даже с такого расстоя-

ния Еви могла ощутить величие Исольтира. Она знала, что он крупнее её родного Эрдингарда, но даже представить не могла, насколько. Исольтир был в два раза больше, широко раскинувшись по побережью. Говоря, что замок Еви не настолько богат, как её, Миррильна сильно преуменьшала, стараясь не задеть гордость королевы. Сейчас Еви нечем было гордиться, любой, даже самый маленький замок, был богаче, чем руины её дома.

– Почти приплыли. – Миррильна подошла сзади и облокотилась о борт корабля. – Ну и как тебе?

– Теперь понимаю, что ощущали простолюдины, первый раз попадая ко мне на приём. – Еви прикусила губу, понимая, что сейчас мало чем отличается. От королевской жизни у неё остался только титул, который сам по себе ничего не стоил.

– Перестань унижать себя. – принцесса попыталась подбодрить её. – Всё не так плохо, как тебе кажется. По большей части ты просто себя накручиваешь. Просто держи в голове мысль, что в твоих жилах течёт королевская кровь. Так что единственные, кто могут говорить с тобой наравных, так это моя семья.

– Тяжело вести себя по-королевски в свете недавних событий. Прибудь я сюда на год раньше, всё было бы по-другому.

– Не бойся, скоро ты всё равно будешь королевой всего Ларнмаса, так что на крайний случай всего лишь придётся немного потерпеть.

– Это может оказаться сложнее, чем кажется. – потеряв королевство, вернее сказать, то, что от него осталось, Еви лишилась и уверенности.

Вскоре Еви смогла получше разглядеть столицу. Множество домов разбросали по всей территории. Замок небывалых размеров, выполненный в красных и золотых цветах, сильно выделялся на фоне голубого неба и тёмного утёса, на котором стоял. Он был воистину огромен. Недаром Ларнмас называли самым богатым королевством на континенте.

Как бы ни был велик и красив Исольтир, Еви невольно задумалась: выстоит ли он перед полчищем Детей Тьмы? Достаточно ли у Варнальда солдат, чтобы отбить нападение? Ему точно некуда бежать. Так что придётся сражаться до конца, даже если он не будет победным. Всё это предстояло ещё выяснить, но Еви заранее твёрдо для себя решила, что в следующий раз не даст себя утащить в очередное укромное место. Она залезет в седло и понесётся навстречу победе или смерти, смотря, что Ралнос уготовил ей.

– Кстати, – неловко начала Миррильна, – никто же не знает, что случилось в Эрдингарде. – она выжидающе смотрела на Еви.

– К чему ты клонишь?

– Подумала, что не стоит сразу всё рассказывать.

– Думаешь лучше, чтобы Варнальд всё узнал из городских слухов? Не уверена, что эти ребята будут держать язык за зубами. – она оглянулась на матросов, спящих по палубе.

– Да, ты права, этому он точно не обрадуется.

К компании присоединился Онграуд, подошедший к ним вальяжной походкой.

– Ваше величество, принцесса. – он по очереди им поклонился. – Предвкушаете скорое прибытие?

– Можно и так сказать. – ответила Еви.

– Не бойтесь, я вас ни за что не покину и тем более не дам никому в обиду. Пока я рядом, вы в полной безопасности.

Защитник Еви точно не помешает, даже такой, как Онграуд. Пусть мастер ей и не импонировал, его боевые навыки не вызывали сомнения. К тому же он ткач, а в открытую конфронтацию против Ордена никто не осмелится пойти. С другой стороны, вряд ли ей потребуется защита. Кому захочется убивать её, а самое главное, ради чего?

– Я думала, что по прибытии ты сразу уедешь обратно в Орден.

– И покину такую очаровательную компанию? – Онграуд выглядел как кот, старающийся подлизаться к хозяину, чтобы получить порцию еды. Впрочем, как и всегда. – Я бы не простил себе такую несравненную глупость.

– Даже не знаю, радоваться мне или плакать.

– Радоваться! – другого варианта он не рассматривал. – К тому же, я все ещё связан с вами контрактом и не могу его нарушить по своей воле.

Так всё-таки дело в обязательствах. Как Еви могла забыть? Орден есть Орден. Прикажи ему убить её на месте, а

вместе с ней сжечь весь корабль, он бы незамедлительно выполнил приказ. Хорошо, что ткач на её стороне, по крайней мере пока что.

– Однако, мне в любом случае придётся доложить о произошедшем в Орден. Таковы правила. Но я буду просить оставить меня при вас. – Онграуд наглаживал волосы.

Корабль подплывал к гавани Исольтира. Порт располагался внизу утёса, на котором стоял замок. Еви издалека заприметила несколько кораблей из Оазисных Городов. По всей видимости, с Ларнмасом они ещё поддерживали связь, чем не мог похвастаться Эвисфальт. Пусть на дворе и конец света, а торговцы не упустят выгоды, к тому же, цены наверняка возросли.

Пришвартовавшись к причалу, матросы начали перетаскивать груз на берег. Миррильна сразу отправила одного из слуг в замок, чтобы тот вызвал экипаж. Дожидаясь кортежа, Еви с Миррильной остались в каюте принцессы. То ли время пролетело незаметно, то ли из замка быстро приехали, в любом случае долго ждать не пришлось.

Карета в сопровождении конных всадников уже ожидала новоприбывших. Зеваки наблюдали за происходящим, с интересом разглядывая, что за важная особа прибыла в город. Около открытой двери кареты стоял статный юноша. На нём была повседневная одежда, но красивая золотая рукоятка меча поблёскивала на солнце. Высокий, с широкими плечами. Короткие чёрные волосы на голове и гладковыбри-

тое лицо с острыми чертами. Квадратная челюсть и точёный подбородок. Глаза такого же цвета, как и у Миррильны – серо-зелёные. Еви даже подумала, что сам Варнальд пришёл её поприветствовать, но быстро поняла, что вряд ли король лично бы вышел её встречать. У него и других дел по горло.

– Рад видеть тебя, сестрица. – заговорил юноша сладким, но тем не менее мужественным голосом героя сказаний. Однако слова выходили из него с трудом, будто приходилось сочинять на ходу. Он чувствовал себя неудобно. – Долго ты гостила.

– Я тоже рада тебя видеть, Громиндир. Пришлось ненадолго задержаться. – брат с сестрой крепко обнялись. – Позволь тебе представить, – высвободившись из объятий, сказала Миррильна, – королева Эвисфальта и будущая королева Ларнмаса – Евирилия из рода Эвисфлов.

В том, что она станет королевой Ларнмаса, да и во всём остальном, Еви не была уверена, но всё же вышла вперёд, стараясь держаться настолько властно, насколько могла.

– Премного рад знакомству. – Громиндир поклонился и поцеловал вытянутую руку Еви. От неё не укрылось его смущение.

Она заметила, что её внешний вид смутил Громиндира. Наверняка ожидал увидеть расфуфыренную даму в красивом платье, а не девушку, облачённую в одежду, больше подходящую для наёмника.

– Миррильна много о тебе рассказывала.

– Надеюсь, только хорошее? – он со смущённой улыбкой посмотрел на сестру.

– Всё самое интересное. – принцесса невинно захлопала глазами.

– Слухи о вашей красоте превзошли ожидания. – Громиндир скорее пытался перевести тему разговора подальше от собственной персоны.

– Её высочество самое прекрасное существо на всей земле, даже полный невежа не сможет не признать этого. – сзади Еви вырос силуэт Онграуда.

– Не могу не согласиться. – ответил Громиндир. – Боюсь, нас ещё не представили друг другу.

– Мастер Онграуд – верный друг и защитник королевы Евирилии.

«Про друга он явно загнул», – отметила про себя Еви.

– Рад знакомству, мастер ткач. – Громиндир протянул руку. Онграуд явно ему не приглянулся.

– Весьма о вас наслышан. Великий воин Ларнмаса. – Онграуд крепко пожал руку.

– Слухи часто преувеличивают заслуги. Простой люд любит добавлять свои детали. Но, в общем и целом, всё правда.

– Не хочу мешать вам любезничать, но, может, уже поедем в замок? Мы устали после долгой дороги. – Миррильна потянула брата за рукав. – Да и Варнальд наверняка очень хочет увидеть свою невесту.

– Ты права, не смею больше вас задерживать. Прошу. – он

придержал дверь кареты, приглашая девушек внутрь.

– Благодарю. – Еви забралась внутрь. Следом за ней Миррильна и Онграуд, только потом Громиндир.

Он постучал по стенке кареты, давая кучеру знак, что можно трогаться. Процессия двинулась по направлению к замку. Еви сидела на одном сиденье с Миррильной. Напротив них Громиндир и Онграуд. Последний подмигнул Еви и переместил свой взор в окно. Громиндир скрестил руки на груди, стараясь не обращать внимания на ткача.

Карета ехала по улицам Исольтира. Вереницы домов проносились за окном. Прохожие расступались, уступая дорогу высшему сословию. Еви не знала, куда деть свой взгляд, поэтому повернулась в сторону окна. Скоро ей предстоит встретиться с Варнальдом. Ещё пару месяцев назад она и в мыслях не могла себе это представить. Выходить замуж против воли сердца. Ей казалось, что, став королевой, она освободилась от этого бремени. Так бы всё и продолжалось, если бы не участь, постигшая её родной город.

– Как обстоят дела у вас на родине? – Громиндир решил завязать диалог, что требовало от него огромных усилий. – Наши границы пока что могут спать спокойно, но только до поры до времени.

Еви предпочла бы не отвечать, но ситуация не позволяла.

– Эрдинсгард пал. – быстро проговорила Еви, стараясь не выказывать никаких эмоций.

– Приношу мои глубокие соболезнования. – новость не

вызвала у него удивления или тревоги. Уж лучше так, подумала про себя Еви. – До нас дошли вести, что Дарансфар и Мерменгор тоже пали под натиском отродий.

От этой новости Еви не стало легче.

– По всей видимости, Ларнмас остался последним оплотом человечества на континенте. Про остальных мы практически ничего не знаем. Северяне на островах и до этого не поддерживали с нами контакт. К нынешнему моменту, если кто из кланов и выжил, то осталось их не так много. Оазисные Города ещё существуют, по крайней мере два из них. Пару дней назад оттуда приплыли торговцы, вы уже наверняка видели их корабли в порту. К тому моменту, как они вернутся, их родина тоже может исчезнуть. Васакор перестал выходить на связь после Битвы за Могилы. Вполне возможно, что они ещё живы, но узнать наверняка не получится. Суровые времена выпали на нашу долю. Позвольте спросить, какое по величине войско напало на вас? – тема его сильно заинтересовала, если верить словам Миррильны про то, что он не любит чесать языком.

– Целая тьма. – Еви содрогнулась от одного воспоминания, когда она вышла на балкон и увидела армию, выходящую из леса.

Громиндир задумался. Уверенности у него было хоть отбавляй, но даже он понимал, какая угроза надвигается.

– Исольтир сможет выстоять? – спросила Еви.

– А разве у нас есть выбор? – лицо Громиндира тронула

слабая улыбка, а потом он ушёл в себя, абстрагировавшись от окружения.

Выбора у них и правда не было. Бежать больше некуда. Остаткам человечества оставалось дать последний бой и умудриться выйти из него победителями. Немногие увидят возрождение мира, при том условии, что смогут одолеть Детей Тьмы.

Оставшаяся поездка прошла без интересных разговоров. Миррильна рассказала про запланированные дела. В какие места им стоит съездить и чем можно заняться в замке. Онграуд пару раз вставил свои излюбленные фразочки, но, оставшись без внимания, замолчал и всем своим видом показывал обиду. Громиндир же не проронил ни слова. Светские беседы давались ему тяжело, а исчерпав все силы, он был рад помолчать, и что никто не пытался его разговорить.

Высокая решётка ворот замка поднялась. Карета въехала во внутренний двор замка. Первым делом Еви увидела роскошный фонтан. По его окружности рыбы высывали головы из воды и плевались водой. В центре, на пьедестале, восседала русалка, перебирая струны на арфе. Вместо слов песни из её уст бил столб воды. Для Еви вся эта картина скорее выглядела комично, чем красиво.

За фонтаном широкая длинная дорожка уходила к входу в замок. По её бокам росли деревья с аккуратно подстриженными кронами в форме вытянутого яйца. Фигуры из кустарников, изображавшие различных зверей, населяли подобие

сада. Еви про себя отметила, что в первую очередь прогуляется именно по нему.

Кучер остановил лошадей. Громиндир, словно очнувшись ото сна, встрепенулся и сразу переменялся в лице, изображая радушие. Он поспешил открыть дверь дамам, но Онграуд успел его опередить. С видом победителя он помог каждой выйти наружу, нежно придерживая за руку Миррильну. Еви не удостоила его удовольствия и не подала свою.

– Ваше величество, мы рады приветствовать вас в нашем замке. – лысеющий тонкий мужчина в очках, без душки, поклонился вместе с прислугой. – Меня зовут Ернильс.

Миррильна шепнула на ухо, что это главный советник её брата.

– К сожалению, его милость не смог вас лично поприветствовать, но он просил передать, что с нетерпением ждёт вечера и присоединится к ужину в честь вашего приезда.

– Благодарю за радушный приём. – Еви потешила самолюбие при виде кланяющихся людей.

– Прислуга отведёт вас в личные покои, уверен, что горячая ванна после морского путешествия пойдёт вам на пользу. – Ернильс деликатно намекнул, что королеве стоит привести себя в порядок. – Также вашему вниманию будет представлено несколько нарядов на выбор. Король лично подбирал каждое.

Еви ненавидела платья. Один вечер она ещё сможет вытерпеть, потом нужно попросить портного сшить ей привыч-

ный мужской костюм.

– Как будете готовы, вас отведут к её превосходительству Аирольне. – Еви уже знала, что это мать Миррильны. Встреча с ней пугала её больше всего.

– Увидимся за ужином, ваше величество. – Громиндир поклонился и быстрым шагом направился в замок.

– Я тоже буду там присутствовать, – промурлыкал Онграуд, – меня всего будоражит от одной мысли, что увижу вас в дамском наряде.

Еви хорошенько съездила бы ему по роже, если бы не присутствие остальных.

– Увидимся у матушки, так что не прощаюсь. – Миррильна чмокнула Еви в щёку и лёгкой походкой забралась по ступенькам, преследуемая вечной стражей, ступающей по пятам.

– Проводите королеву Евирилию и проследите, чтобы её величество чувствовала себя комфортно. – Ернильс щёлкнул пальцами, и три служанки увлекли Еви за собой.

Покои, отведённые специально для Еви, если не выглядели лучше её собственных, то уж точно ничем не уступали. Богато отделанная кровать в цветах Ларнмаса и с балдахинном, поддерживаемым фениксами. Мебель, сделанная искусными мастерами из лучших материалов. Терраса из белого мрамора выходила на весь Исольтир и его окрестности. Бархатный диванчик расположился в углу как нельзя кстати, на нём в приятную погоду можно читать книги или налегать

на бутылку дорогого вина и наслаждаться жизнью.

Огромных размеров гардероб. Все вещи Еви не смогли бы заполнить его даже на треть. Несколько картин в золотых рамках, изображающие богатую природу Ларнмаса. Рядом с большим камином спали мёртвым сном львы, положив головы на лапы и закрыв каменные глаза. Всё помещение пылало предметами роскоши и говорило о несметном богатстве своих владельцев.

В соседней комнате её уже дожидалась бадья с горячей водой. Поднимающийся пар так и манил к себе. Напротив стояло зеркало во весь рост, украшенное золотыми цветами. Служанки покорно ждали, пока Еви закончит осмотр.

– Ваше величество, позвольте помочь вам раздеться. – сказала одна из служанок.

– С этим я и сама справлюсь. – Еви бесцеремонно сбросила одежду в кучу и пошла к бадье, сверкая упругими ягодицами.

– Прошу прощения, если обидели вас. Позвольте хотя бы помочь принять ванну. – робко попросила самая высокая служанка со скромным лицом и тёмными волосами.

– Как вас зовут?

– Ольенис, ваше величество.

Остальные последовали её примеру. Низенькая, с приятным пухлым лицом и с собранными сзади в пучок каштановыми волосами, назвалась Гирной. Последняя, с румянцем на щеках и толстой светлой косой Лисирой.

– Красивые имена, а теперь послушайте меня и запомните раз и навсегда. Я не привыкла, чтобы меня одевали и раздевали как ребёнка. Зад свой я тоже сама смогу потерять, уже не маленькая. Как правильно мыться, знаю. Так что забудьте про всякую ерунду, что вы делали для прежних господ. Если мне будет нужна помощь, то я об этом попрошу. Можете считать, что вам повезло. Всё поняли?

Растерявшиеся поведением королевы служанки закивали головами.

– Я понимаю, перед королевскими особами обычно испытывают трепет, но я не совсем обычная. Пока можете быть свободны, и самое главное, не бойтесь меня, я не кусаюсь.

Еви оставила их переваривать информацию, а сама залезла в бадью. Горячая вода смывала грязь, накопившуюся за время путешествия на корабле. Еви по шею окунулась в воду и какое-то время лежала, закрыв глаза от наслаждения. Тщательно промыла тело и голову. Убедившись, что стала полностью чистой, вылезла наружу. Ольенис поспешила к ней и укутала полотенцем. Еви не стала говорить ей, что в этом нет необходимости, со временем они привыкнут.

На столике для еды Еви заметила графин вина. Гирна поймала её взгляд и поспешила наполнить бокал. Еви сказала, чтобы она наполнила ещё три. Служанки поспешили отказать от щедрости, но Еви настояла. Они смущённо согласились.

Осушив бокал, она взяла зелёное яблоко и откусила от

него. Идеальное сочетание кислого и сладкого. Уселась на кровать, подобрав под себя ноги, и сказала, чтобы ей вынесли наряды.

– Варнальд, похоже, не скупился.

Для её обозрения выставили десять платьев различных цветов и форм. По всей видимости, сшиты заранее, потому и не совсем подходили размерами. Еви ни одно из них не нравилось, так что и выбрать она не могла. Решила попросить помощи у служанок.

– Вот это лучше всех подходит вашим серебристым волосам и голубым глазам. – Лисира поднесла платье цвета ясного июньского неба.

– Доверяю вашему выбору.

Платье плотно облегалo фигуру Еви, показывая все её достоинства. Тонкие плечи открыты всему миру напоказ. Небольшой вырез на груди не нравился ей больше всего. Да и само по себе платье немного жало. Она привыкла ходить в более комфортной одежде.

Её отвели к покоям матери Миррильны. Один из стражников у входа постучался, зашёл внутрь, чтобы объявить кто пришёл, а после открыл дверь, пропуская Еви внутрь.

Покои Аирольны выглядели ещё богаче. Впрочем, Еви не удивил данный факт. Сама Аирольна сидела в кресле рядом со своей дочерью. Красивая женщина в возрасте. Время не так сильно сказалось на её внешнем виде. В молодости она была писаной красавицей. Такие же чёрные волосы, как и

у Миррильны, но уже покрытые сединой. Светлые глаза с небольшими морщинками вокруг. Нос принцессы ей явно достался от матери.

– Да, на безрыбье и рак рыба. – разочарованно сказала Аирольна не поднимаясь со своего места.

– Мама... – сконфузилась Миррильна.

– Прошу прощения? – Еви не ожидала такого приёма.

– Не пойми неправильно, ты красивая девушка, просто возраст уже немаленький. В идеале тебе бы быть лет на десять моложе, но довольствуемся чем можем.

– Ну уж простите, что мой дядя устроил государственный переворот, а мне пришлось отвоёвывать королевство обратно. И платья, что мне предоставили, дерьмо собачье. – не выдержала нахальства Еви, хотя про наряды могла и умолчать.

– А ты с характером. Это хорошо. – Аирольна ничуть не смутилась. – Сможешь держать моего сына в железных тисках, за ним нужен глаз да глаз. Присаживайся. – она постучала по соседнему креслу.

Еви приняла предложение.

– Миррильна мне уже всё рассказала о твоём положении.

– Прекрасно. – Еви закатила глаза.

– Не переживай, мне до этого нет никакого дела. Моему сыну нужна жена, а никого лучше тебя не осталось.

– Может, вы плохо искали? – съязвила Еви.

– Скорее слишком долго ждала, когда Варнальд соизволит согласиться на брак.

– Как же мне повезло!

– Учитывая твоё положение, тебе и правда повезло, но давай переведём наш разговор в более дружелюбное русло. Нам – женщинам, нужно держаться вместе.

– Тогда зачем нужно было начинать с оскорблений?

– Я привыкла не скупиться на слова и говорить то, что думаю. Насколько мне известно, в этом мы похожи.

Еви покосилась на Миррильну. Та смущённо улыбнулась.

– Сыновья у меня вышли непутёвые, но чего ещё ожидать от мужчин? Зато Ралнос наградил прекрасной дочерью. Поэтому, если она так лестно о тебе отзывается, то и я буду о тебе того же мнения.

– Мне о вас тоже много рассказывали.

– Значит, мы считай, что знакомы. – Аирольна отпила чай из маленькой кружки, оттопырив мизинец.

– Вас совсем не волнует, что я потеряла королевство?

– Тебе это мешает родить наследника? К тому же, после победы, мой внук станет законным правителем сразу двух держав. Разве можно мечтать о чём-то большем?

– Ладно, вы меня успокоили. – Еви почувствовала облегчение.

– Лучше, пока у нас есть время до возвращения моего сына, давай поговорим о дальнейших планах.

Начался длинный разговор, который закончился только к вечеру, когда всех позвали на ужин.

Иногда больше не значит лучше

Тёплая погода и приятная компания, ничего другого для хорошей прогулки и не нужно. Впрочем, температура за окном Креоспена не устраивала, как и почти в любой другой день, даже если он не вылезал за пределы своей комнаты. Компанию ему составлял Трайнер – старый друг, если речь о тех, с кем можно поговорить. Остальные были по большей части прислугой. Общество давнего товарища могло вызывать тёплые чувства у старого ткача, но озеро под названием дружба давно застыло и обросло толстым слоем льда, оставив крохотную лунку, через которую ещё просачивались приятные воспоминания о былом. Прогулки под собой подразумевают ходьбу по густым лесам и созерцание богатой природы, или передвижение по оживлённым улицам города с толпами народа. Этого уже достаточно, чтобы Креоспен их ненавидел.

Гулять он не любил. Ведь при этом приходится передвигать ногами. К старости любви не прибавилось, а по факту, практически не осталось, да и ходить стало тяжелее. Боль в коленях никто не отменял. Сегодняшнее мероприятие являло собой нечто большее, чем обычная прогулка. Магистр Ордена Ткачей решил поохотиться в окрестностях Цитадели и любезно предложил Креоспену присоединиться.

Охоту Креоспен ненавидел ещё больше. Сама её концеп-

ция казалась ему бессмысленной. Поесть он может в общей столовой, чего не делал уже многие годы. На голодный желудок вид других людей пробуждал в нём не самые хорошие чувства. Чаще всего он ел у себя, где никто ему не мешал. Удовольствие от загона и убийства дичи он не получал от слова совсем. Куда интереснее обрывать человеческие жизни. В отличие от людей, у животных нет пороков, а самое главное, к ним старик относился снисходительно, как к обременённым интеллектом. Он даже частенько сравнивал себя с волками, мол выполняет ту же полезную функцию, что и они. Только они санитары леса, а старый мастер – общества. Очищает человечество от выроdkов и недостойных жизни, так он говорил про всех, кого убил.

По крайней мере, получилось выбраться из библиотеки хотя бы на денёк. Креоспен целыми днями читал книги, а уходя спать, видел сны, где также прочитывает слово за словом и переворачивает страницы. Так что отдыхать ему не приходилось. Он не отказался от возможности переговорить с Трайнером и высказать ему всё, что думает о своём поручении. Глядишь, магистр образумится и переменит взгляд.

Главное, чтобы другое поручение не оказалось хуже, чем прошлое. По правде говоря, для Креоспена каждое новое задание казалось худшим, но это не мешало сетовать на судьбу и компостировать мозги окружающим.

Креоспен ехал на лошади. Несмотря на седло, задница болела. Тут скорее сказались несколько недель, проведённых

на твёрдом стуле за кипой книг, но сути это не меняло. Зад кричал о помощи, но никто не спешил протянуть ему руку. Хотя бы осознание того, что прислуге предстоит проделать весь путь пешком, а после разгружать повозки с провизией и снаряжением, немного облегчало боль.

Трайнер ехал рядом на породистом высоком скакуне цвета вороного крыла, с такой же тёмной гривой и зелёными глазами под стать всаднику. О его стоимости Креоспен даже не спрашивал, и так понятно, что дешевле купить земельный участок и построить на нём добротный дом.

Старик за свою долгую жизнь не присутствовал на королевской охоте, но был уверен: эта ничем не уступала. Если Трайнер и любил что-то делать, так это сорить деньгами. А золота у него было не меньше, чем у старого доброго короля, а то и больше. Вопрос влияния отпадал сам по себе, услугами Ордена пользовались по всему миру, и никто не смел перейти ему дорогу. Люди боялись ткачей, а страх самый удобный инструмент в руках умелого правителя.

Позади тащилось несколько повозок, набитых посудой и прочей утварью. Роскошный шатёр, к которому прилагался широкий стол и удобная мебель. Сам Трайнер не будет загонять дичь, для этого есть охотники и гончие. Магистр будет проводить большую часть дня в тенишке, а в конце нанесёт смертельный удар выдохшейся и обессиленной жертве.

К его свите прилагался личный шеф-повар, который в Цитадели готовил только для его превосходительства и никого

больше. Охранников Трайнер с собой не брал, посчитав, что вдвоём с Креоспеном им ничего не угрожает. Да и кто в здравом уме нападёт на магистра Ордена? Владения вокруг Цитадели Ткачей разрастались на большое расстояние и являлись самой безопасной территорией на материке, защищая всех от разбойников и бандитов. От ткачей, правда, никто не спасал, но везде есть свои минусы.

Ехали они уже больше часа. Креоспен успел раз пять спросить, когда будет конечная остановка. Трайнер каждый раз говорил, что нужно немножко потерпеть. За долгие годы знакомства у него выработался иммунитет ко всему негативу, исходящему от Креоспена. Во всём Ордене только он один мог провести с ним целый день и не устать от общества сварливого старика.

Свежий воздух не приносил Креоспену никакой пользы. За здоровье он уже не переживал, в таком возрасте болячки появляются сами по себе, а лечить их тот ещё геморрой. На удивление, у него их практически не было. По крайней мере, ничего не мешало жить нормальной жизнью, кроме собственного несносного характера.

– Долго нам ещё ехать? Я уже задолбался. – проворчал Креоспен, почёсывая за ухом.

– Дружище, просто наслаждайся процессом. Дыши ароматом леса. – Трайнер демонстративно глубоко вздохнул. – Понаблюдай за природой. Мы с тобой не так часто выбираемся куда-то вместе.

– А в Цитадели мы не могли собраться?

– Ты бы и там нашёл, до чего докопаться, будто я тебя не знаю.

На этот аргумент Креоспен не нашёл ответа. Попытался воспользоваться советом и вкусить момент. Попытки увенчались полным провалом.

– Да как тут наслаждаться? – Креоспен натянул поводья так, что лошадь чуть не встала на дыбы. – Я что, деревьев в своей жизни не видел и в лес по грибы не ходил? – по грибы он ни разу не ходил.

– В этом твоя проблема. – Трайнер покачал головой. – Ты везде видишь только плохое. Из-за этого в твоей жизни много стресса, а он на пользу никому не идёт. Глядишь, щас бы выглядел на пару годков моложе.

– Стресс, хересс. Посмотрел бы я на тебя, если бы ты не пил каждый день свои эликсиры. Ты хотя бы знаешь, из чего их делают?

– Конечно, знаю. – ещё бы он не знал, отваливая такие деньги. – И мне это никак не мешает.

Креоспен смутно представлял, какие ингредиенты нужно для приготовления омолаживающего настоя. Судя по запаху, те, какие бы он ни за какую сумму в рот не брал. Когда его откупоривали, то воняло на добрый километр. Разило почти как от трупов, но, понюхав пару раз мёртвые тела, их запах уже не так сильно бьёт по носу. Так что человек ко всему может привыкнуть.

– Почему именно охота? – Креоспен не мог успокоиться. – Ты же прекрасно знаешь, как меня она бесит.

– Много чего у тебя вызывает ярость, друг мой. – Трайнер, словно непреступная крепость, не обращал внимания на жалкие потуги достать его.

– Тут ты прав, но некоторые вещи меня бесят меньше других. У охоты я не вижу никаких положительных сторон, только отрицательные. Может, тебе перечислить?

– Пожалуй, откажусь. Боюсь, список настолько огромный, что ты не умолкнешь до глубокой ночи. К тому же мы уже почти приехали. Надеюсь, хотя бы вкусная еда и выпивка согреют твою душу.

– А я как надеюсь. – пробурчал себе под нос Креоспен.

Процессия выехала на широкую поляну. Магистр распорядился, чтобы здесь обустроили стоянку. Пока прислуга вытаскивала шатёр и мебель, Трайнер с Креоспеном прошлись по округе. Старого мастера опечалило то, что при этом пришлось слезть с лошади.

Повар подгонял слуг, мотивируя их тем, что магистр очень голоден. Принадлежности для полевой кухни расставили в первую очередь, чтобы к тому моменту, как воздвигнут шатёр и поставят стол, на нём уже красовались первые блюда.

Охотники вместе с гончими ушли на поиски дичи. Собаки, громко гавкая, пронеслись мимо Креоспена. Трайнер вышагивал, закрыв руки в замок за спиной. Разговор он прибе-

рѣг на потом. В том, что Трайнер хотел с ним о чём-то поговорить, Креоспен не сомневался. Последний раз, когда они собирались вместе, как простые друзья, был лет тридцать назад, если не больше. Трайнеру всегда что-то требовалось от старика.

Осмотр пейзажей природы не вызывал ничего, кроме скуки. Тут растёт зелёная трава. Кругом сплошные деревья, все выглядят на одно лицо, при том не шибко красивое. Вот ямка, в которой копошатся муравьи. Песни птиц скорее нервирующие, чем успокаивающие. И целая орава мошек и комаров. Креоспен только и успевал отмахиваться, пока тонкие носики протыкали его сухую старческую кожу и высасывали не первой свежести кровь. Укусы не чувствовались, зато их зудящие последствия повлияют на здоровый сон.

Шатѣр успели обустроить. Поставили несколько стульев с мягкой подстилкой вокруг стола. Несколько горячих блюд дымились, источая манящий аромат. Пахло жареной олениной. Свежие нарезанные фрукты и овощи сочились соком. Не обошлось и без бутылочки прохладного вина.

По команде Трайнера слуга откупорил её и разлил по кубкам. После удалился, не мешая ткачам обедать. Еда была вкусная, впрочем, как и всегда, когда Креоспен сидел за столом с Трайнером. Мясо таяло во рту, а картофельное пюре подходило идеально.

– Приятного аппетита. – Трайнер немного припоздал с пожеланием. Креоспен уже приступил к поглощению пищи.

– Тебе того же. – проговорил он с набитым ртом.

Кубки быстро опустели. Слуга тут же вернулся, чтобы их вновь наполнить. Вино было приятным. Всея его красоты Креоспен не смог оценить в силу своей некомпетентности. С таким же успехом он мог выпить всё что угодно. Трайнер наоборот предпочитал смаковать. Сначала поболтал вино, вдыхая аромат. Пригубил немного, пропитывая полость рта, давая возможность вкусовым сосочкам языка прочувствовать все оттенки вкуса. Только после всех этих действий позволил себе сделать хороший глоток.

– Ладно, зачем ты меня позвал? – Креоспен вытер рот рукавом.

– Разве я не могу просто повидаться со старым другом?

– Старый друг тебя слишком хорошо знает. Так что обмануть меня не получится.

Каждый раз одна и та же песня. Креоспену начинало надо-есть. Трайнер никогда не зовёт его просто так.

– Хорошо. – Трайнер улыбнулся. – Как продвигается твоя работа?

– Задолбала меня твоя работа. – Креоспен зажал ноздрию и высморкался. – Книги, кругом долбанные книги. Библиотека уже во снах снится. Я уже не могу там сидеть целыми днями. Или ты хочешь, чтобы я сошёл с ума? Я вот не особо.

– Неужто не вычитал ничего полезного?

– Да ты издеваешься! – Креоспен прочитал Трайнера как открытую книгу, а в чтении он поднаторел в последнее вре-

мя. – Я тебе повторял раньше и повторю ещё раз. Единственный способ покончить с Детьми Тьмы – убить каждого урда. Отрывать конечность за конечностью, стереть их в порошок и развеять по ветру.

– Тут ты прав на все сто процентов, мой друг.

– Ты и до этого так же считал?

В ответ он получил только ухмылку.

– Дать бы тебе по роже, но на магистра нельзя поднимать руку, только если вызвать тебя на поединок.

– Как мне повезло. – Трайнер осушил кубок и поставил на стол. Позвал слугу, чтобы открыли следующую бутылку.

– Повезло-повезло. Ты лучше скажи, зачем давал мне такое тупое поручение?

– Хотел тебя чем-то занять, пока готовится кое-что покрупнее. Нужно было собрать точную информацию. На это ушло некоторое время.

«Только не тащиться на край света. Только на тащиться на край света. Ралнос, я у тебя ничего и никогда не просил...»

– Выкладывай.

– Я хочу, чтобы ты вышел на контакт с дикими ткачами.

– Разве Орден не завязал с охотой за всеми неугодными?

– Завязал, по крайней мере, пока на дворе конец света.

– Тогда я не понимаю, зачем мне их искать.

– Чтобы попросить о помощи.

– Ты с дуба рухнул? – Креоспена словно копытом по лбу ударило. – Или крыша уже того, поехала?

– Я в здравом уме и полон сил, но спасибо за беспокойство.

– Тогда зачем мне с ними связываться?

– Если дашь договорить до конца, то узнаешь.

Креоспен побурчал и замолк.

– Их нужно найти и завербовать до следующего масштабного сражения. Они очень пригодятся, тем более, хоть и не члены Ордена, но они всё-таки ткачи. Сейчас нам нужна любая помощь, которую мы можем получить.

– Знаешь, – с серьёзным видом заговорил Креоспен, – иногда больше не значит лучше. Особенно когда речь идёт про мертвецов. Пусть лучше нас будет меньше, зато все живы-здоровы. А ты предлагаешь мне засунуть голову в пасть голодному льву и надеяться на лучшее.

– Не драматизируй, или ты думаешь, что шайка ткачей недоносков тебя одолеет?

Тут и сгущать краски не нужно. Креоспен прекрасно знал, что сила ткачей не определяется тем, состоит он в Ордене или нет. Он сам на своём веку повидал многих, чьи силы были более чем велики. Об этом может свидетельствовать Книга Павших. Там записано немало имён тех, кого отправляли разобратся с опасными для репутации Ордена лицами.

– Пытаюсь называть вещи своими именами. Ты хотя бы знаешь, сколько их там? Даже если не больше десяти, то расклад сил всё равно не на нашей стороне. Ты вряд ли будешь готов рискнуть таким же количеством.

– Мне это и не нужно, я отправлю лучших и проверенных временем.

– Как будто от твоих слов хоть что-то поменялось.

– Я уверен, что ты точно сможешь найти с ними общий язык.

Скорее вырвать его. Креоспен не славился навыками переговоров, а дипломатию считал уделом идиотов.

– Где их искать хотя бы?

– Они поселились в одной заброшенной крепости, спрятанной в песках, на просторах Арканора.

– Да это же на другом конце света! – закричал Креоспен. – Нет, я туда не поеду! Лучше сразу убей меня на этом месте!

Сначала нужно добраться до ближайшего порта и сесть на корабль. Переплыть океан Мольбы и высадиться в одном из Оазисных Городов. Путь уже не близкий. К тому же, Креоспен ненавидел плавать больше, чем ездить в седле. Ещё и дрянной климат. Вечная жара и палящее солнце. В городах торговцев ещё можно укрыться в теньке, а вот на просторах Арканора спрятаться негде. Сплошные пески и дюны на многие километры. Удивительно, как в таком пустынном месте могла существовать одна из величайших империй за всё время.

Арканор так выглядел не всегда. Когда-то там росли пышные тропические леса и джунгли, где жило множество разнообразных животных. Почти все виды навсегда исчезли. В огромную пустыню Арканор превратился после нескольких

неудачных экспериментов, если верить записям тех времён. Что конкретно пытались добиться арканорцы, доселе неизвестно. Не обошлось и без вмешательства ткачей. Был ли в этом замешан Орден или дикие – история умалчивает. Как результат, всего за год великий Арканор перестал существовать. Теперь его населяли только беглые преступники и те, кому нужно было залечь на дно.

– Ты вправе отказаться. – Трайнера совсем не удивил ответ старого друга, но он всем своим видом показывал, что всё будет так, как он хочет.

– Тогда я отказываюсь. – Креоспен сложил руки на груди. – И от работы в библиотеке тоже. Найди другого дурака и желательнее помоложе. Дай мне спокойно дожить свои дни.

– Хорошо, тогда твоим ученикам придётся подобрать другого лидера.

– При чём тут мои ученики? – Креоспену не понравилось то, что он услышал.

– Они уже согласились на задание. Так что в любом случае отправятся его выполнять. Вопрос лишь в том, пойдёшь ли ты с ними?

– Ну ты и мудак.

Креоспен закурил губу от злости. Не мог он просто бросить своих учеников на произвол судьбы. Мало ли что с ними случится. Да, они уже выросли и сами могут за себя постоять, но в его глазах они такие же дети, которых учил. Многих он уже потерял. Оставшихся поклялся оберегать, пока

ещё дышит. Даже в его ожесточённом чёрном сердце нашёл-ся тёплый уголок любви.

Трайнер прекрасно понимал, на что стоит надавить, чтобы Креоспен подчинился. Раньше он бранился, но всё равно соглашался, так что туз в рукаве ждал своего часа. Подлый поступок. Совсем не дружеский. Сегодня Креоспен окончательно убедился, что их дружба давно затерялась в закутках прошлого. Трайнеру было всё равно на его чувства. Главное, чтобы он выполнил приказ.

– Это моя работа. – Трайнер уже знал, что Креоспен не сможет отказаться. Он медленно осушил кубок и поставил его на стол. От исходившей от него ауры величия Креоспену хотелось блевануть. – У тебя есть три дня на подготовку, после вы отправляетесь. В Исольтире вас будет ожидать корабль. Его величество Варнальд любезно предоставил один из своих самых быстрых.

– Откуда ты вообще узнал про диких?

– У Ордена везде есть глаза и уши, ты это и сам прекрасно знаешь.

– Я думал, что после всего случившегося мы потеряли связь с нашими информаторами.

– Мы и правда лишились многих хороших людей, но тех, что остались, вполне хватает.

– И как мы найдём среди песков нужное место? Там потеряться, как два пальца обоссать.

– В Аушикрине дожидается проводник. Он доведёт вас до

нужного места, так что не беспокойся.

– Угу, я само спокойствие. Всего лишь придётся вести переговоры с нашими главными врагами, если до переговоров вообще дойдёт.

– Наши главные враги – Дети Тьмы. Вот тебе один аргумент, не забудь им воспользоваться, когда придёт время.

– Не забуду, можешь не сомневаться. – Креоспен скорчил одну из своих недовольных мин. В запасе был ещё добрый десяток. – А что дикие получают взамен помощи? За просто так они точно никуда не пойдут.

– Можешь пообещать им, что после за ними никто не будет охотиться. Смогут жить спокойной жизнью.

– Что-то я сомневаюсь, что ты вот так просто их отпустишь. – Креоспен не сомневался. Он был уверен на все сто.

– Это не имеет значения. Главное, приведи их с собой, а что делать с ними после, решим, когда всё устанутся.

– Начинать знакомство с вранья не самая лучшая идея. – с точки зрения Креоспена искать новые знакомства сама по себе дерьмовая затея.

– Так ты никому и не будешь врать. Я же сказал, что их ждёт помилование. Ты просто передашь мои слова.

Говоря простыми словами, Креоспен наплетёт с три короба.

– Ну и закинул ты мне дерьма за шиворот. Я ещё от прошлого отмыться не успел.

– С тебя всё как с гуся вода. Ты как никто другой спра-

вишься с этим мелким поручением. Кстати, могу тебя обрадовать, тебе не придётся возвращаться в Цитадель. К тому времени, как ты вернёшься, буду ждать в Исольтире, как и остальные наши братья и сёстры.

– Я прям в штаны от счастья нассал.

Прощай, любимая комната! По ней Креоспен будет скучать больше всего. Каждый раз, отправляясь в очередное путешествие, он только и думал, как вернётся обратно в свою мягкую кровать. Видел её во снах. Укутывался в тёплое одеяло. Голова покоилась на нежнейшей подушке. Теперь его и этого лишат. Вполне возможно, это последние три дня, когда он ещё может насладиться своим уютным уголком. Кто знает, как жизнь обернётся в следующие несколько месяцев.

Над деревьями пролетел звук рога. Охотники загнали дичь и приглашали Трайнера нанести последний удар, тем самым объявить охоту удачной и завершить её. Магистр поднялся со своего места и зашагал в сторону лошади. Креоспену ничего не оставалось, кроме как пойти за ним.

Благо ехать пришлось недолго. Видимо, охотникам было сказано, чтобы дичь загнали поближе к поляне, где расположился магистр. По пути рог затрубил ещё три раза. Креоспен при каждом повторении ёжился от неприятного звука.

Олень лежал на земле и тяжело дышал. В его окровавленном боку торчало оперение стрелы. Кровь стекала по его брюху и смешивалась с землёй в грязный оттенок. Ноги покосаны собаками. Бедняга немало настрадался. Большие ро-

га при жизни служили символом силы, сейчас же они только мешали животному.

– Отлично поработали. – Трайнер похлопал по плечу одного из охотников.

Он поёжился от прикосновения магистра. Ткачей должны бояться, а того, кто стоит во главе, ещё больше. Трайнеру передали копьё, чтобы он смог окончить страдания раненного зверя. Взяв его в руки, он обернулся к Креоспену.

– Не хочешь нанести последний удар? Копьё и так у тебя в руках.

Креоспен сильнее опёрся на древко. Лишний раз марасть оружие не хотелось. Его ещё и чистить придётся.

– Не буду забирать у тебя всю славу.

– Как пожелаешь. – Трайнер широко улыбнулся и медленным шагом направился к оленю, словно нарочно растягивая страдания умирающего животного.

Олень издал последний крик, когда копьё пронзило сердце. Голова приподнялась и безвольно рухнула на землю. Все вокруг заплодировали. Трайнер купался в лучах мнимой славы.

Креоспен не присоединился к торжеству. На месте убитого зверя он видел себя. Трайнер стоял над ним, занося руку для удара. Сможет ли он убить его, если поймёт от этого выгоду? Ответ напрашивался сам на себя, заставив Креоспена нахмуриться.

Не о чем беспокоиться

День выдался пасмурным. Суровые тучки заволокли небо, но, кроме угрожающего вида, они не представляли угрозы. Помочиться на жалких людишек явно не спешили, лишь издеваясь с высоты своего полёта. Мучили и измывались над не ведающими. Выжидали подходящего момента, когда бдительность даст слабину, чтобы окатить ливнем зазевавшегося прохожего.

Сегодня у добровольческого формирования Исольтира выдался свободный день. На самом деле, по большей части каждый день для них являлся свободным, но официальный выходной был только раз в неделю. Добровольцы почти всё время занимались своими делами. Периодически сержанты нагружали их мелкой работой, но она не занимала целый день. От высшего командования не исходило никаких приказов. Шигорн все время проводил в замке, лишь изредка заезжая и браня всех, кто попадётся под руку. Так что у Дирамона свободного времени было ещё больше, чем у остальных.

Потому Дирамон пил. Пил постоянно. Пил беспробудно. Не просыхая ни на час. События вчерашнего дня моментально выветривались, но алкоголь продолжал циркулировать в организме. Дирамон не помнил абсолютно ничего, что происходило с ним, но был уверен только в одном, самом глав-

ном в его жизни – он напивался вусмерть.

Дирамон практически ничего не ел. Необходимые калории, потребляемые из пищи, заменялись выпивкой. Он не испытывал голода, только непреодолимую жажду. Каждый раз ему нужно было всё больше и больше. Умению находить способы напиться при отсутствии денег можно было только позавидовать. Порой казалось, что он, словно фокусник с ярмарки, только достаёт из-за уха не монетку, а целую бутылку кислого вина. В общем и целом, без контроля со стороны Шигорна – его непосредственного начальника, Дирамон пустился во все тяжкие.

Доползти до своей комнаты в казарме у него не получалось. Он просыпался в подворотнях, по соседству с крысами и мусором. Открывал глаза под мостом через реку, в окружении пустых бутылок. Искренне радовался, как ребёнок, когда находил в одной из них последние три капли и жадно всасывал остатки, не забыв промочить губы, чтобы они впитали аромат. Вылазил поутру из-под стола в таверне, ударившись головой. Боль сразу уходила, когда он замечал свежую лужицу разлитой терпкой жижи. Слизывал её всю, без остатка, проводя несколько раз языком по деревянной поверхности, чтобы впитавшаяся влага перешла ему. Один раз даже оказался в лесу, не помня, как он сюда попал, а главное зачем. Короче говоря, наслаждался жизнью как мог.

Алкоголь – самое лучшее изобретение человечества. В этом Дирамон был твёрдо убеждён. Он боготворил тех, кто

привнёс его в мир. Имён, конечно, не знал, но они и не были нужны. Дирамон слышал легенды о некоем волшебном камне, превращающем всё, к чему прикоснётся, в золото. Ему он был не нужен, но не отказался бы, если бы где-нибудь существовал его брат-близнец, способный своим прикосновением превращать вещи в выпивку.

Освежающий хмельной вкус пива с горчинкой. Самое то, чтобы выпить в жаркий день, да и в любой другой. Вяжущее язык вино, без разницы, кислое или сладкое, сухое или полусухое, лишь бы давало нужный эффект. Чудесный крепкий самогон, после которого тело пробирала дрожь от экстаза. Ром, который так излюблен моряками, тоже не обошёл стороной Дирамона. Плавать по морям он не любил, но вот выпить кружку другую был всегда за. Сладкая пряная медовуха была для него лучше любого десерта.

Дирамон был алкоголиком, но пил он не из-за жестокой судьбы, как могло показаться. Не из-за всех лишений, что претерпел за свою жизнь. Потерянная слава и состояние не играли для него огромной роли. Он просто безумно любил пить. Нет в этом мире ничего другого, к чему бы относился трепетнее, чем к выпивке. Он обожал крепкие напитки всеми фибрами своей души.

Случись так, что в один ужасный день из мира исчезнет всё связанное с выпивкой, Дирамон без всяких раздумий повесится на ближайшем суку. Пить – единственная цель в его жизни. Этому он и посвятил время, отведённое ему на брен-

ной земле.

На этот раз Дирамон проснулся в заброшенном здании. Именно в том, в котором со своими товарищами оборвал жизнь нескольких бродяг. Он еле-еле открыл глаза. Про странство плавало словно в водовороте. Первый признак того, что организм требует спиртного.

Он слабо двинул головой, но она чем-то прилипла к полу. Дирамон приложил все усилия, чтобы подняться. Щека с болью отодралась от пола. Приклеена она была блевотиной, но без остатков еды. Из него вышло то, что он и потреблял – жидкость.

Посидел немного на полу, держась за голову. Качка перешла со шторма на лёгкие волны. Теперь можно попытаться встать на ноги. При первой попытке голову пронзила острая боль. Тысячи игл воткнулись в пропитый мозг. Но Дирамона ничто не могло остановить перед жаждой выпивки. Сидя тут на прохладном полу, он ничего не добьётся. Поднялся, собрав волю и остатки сил в кулак. В глазах резко потемнело. Дирамон было подумал, что лишился глаз или потерял сознание. Зрение понемногу начало возвращаться. Мутная Пелена протиснулась сквозь темноту, а после появилось расплывчатое изображение голый обшарпанной стены.

Луч света проникал сквозь окно, освещая пыльный пол. Дирамон при одном только мимолётном взгляде на него закрыл глаза. Пощупал внутренний карман куртки. Нашёл то, что искал – твёрдую выпуклость. Дрожащими руками достал

фляжку. Судорожно проглотил ком в горле и встряхнул её. Услышал столь желанный звук биения жидкости о внутренние стенки. Удача. Еле-еле открутил крышку и жадно присосался. Выпивки оказалось меньше, чем он рассчитывал, всего на два обычных глотка. Убрал спасителя обратно во внутренний карман и похлопал по нему, будто потрепал голову любимому псу. Посмотрел на руку, тряска сменилась на лёгкую дрожь. Вчерашних остатков не хватило, нужно найти ещё. Впрочем, Дирамону всегда требовалось догнаться. В этом заключалась его жизнедеятельность.

Начал спуск по лестнице, опираясь на твёрдые перила, чтобы сохранить равновесие. С горем пополам спустился на первый этаж. Добрёл до входной двери и открыл её. Яркий свет больно ударил по глазам. Дирамон закрылся руками и попятился, пытаясь проморгаться от белой пелены. Придя в норму, насколько позволяло его состояние, ступил на улицу.

Жизнь уже кипела во всю. Целый поток звуков накрыл его волной. Стук шагов по мощённой улице, какофония голосов, смешивающихся в несвязный бред. Отдалённые крики детей, играющих в догонялки. Лай собак и удары по твёрдой поверхности чем-то вроде молотка.

Дирамон неровно стоял, словно пришелец, попавший в чуждый ему мир. Его грязная, неухоженная фигура сильно контрастировала с окружающей средой. Люди то и дело обращивались на него, чувствуя вонь немытого тела вперемешку с перегаром до того, как замечали его. Компания женщин

скорчила физиономии отвращения и прикрыла нос, стараясь пройти мимо него как можно дальше.

– Прошу прощения, дамы. – Дирамон заметил, что штаны развязаны и немного приспущены. С нелепой жёлтой улыбкой он подтянул их и посильнее завязал.

Он шёл по улицам Исольтира, по направлению к месту обитания добровольцев. Люди обходили его по большой дуге, насколько позволяла ширина улиц. Дирамон чувствовал себя королем, перед которым уступают дорогу. Отвешивал улыбки и приветливо махал рукой. Об истинной причине такого отношения он даже не догадывался.

Добравшись до расположения, Дирамон искал взглядом знакомые лица. В тени одной казармы увидел друзей. Норл о чём-то оживлённо рассказывал, обильно жестикулируя. Ларик его внимательно слушал, вид у него был уставший, как и всегда. Но его взгляд остановился на Коронде, точнее на том, что было у него в руках. Дирамон протянул руки вперёд, словно оживший мертвец, и попятился в их сторону, произнося нечленораздельные звуки.

– Здравствуй, Дир, давно не виделись. – Норл заметил его первым. Остальные были повернуты спиной.

– Мы уж думали, ты помер. – могло показаться, что Ларик не рад его видеть, но недовольный тон у него присутствовал всегда.

– Как поживаешь? – Коронд не успел получить ответ. Дирамон выхватил бутылку из его рук с глазами дикого зверя

и начал жадно пить. – Да, угощайся. – ему не понравилось, что с ним даже не поздоровались, но было уже поздно.

– Теперь отлично. – Дирамон причмокнул, облизывая губы, и с наслаждением выдохнул. – Лучше не бывает.

– Где ты пропадал столько времени? Повезло, что Шигорн тебя не искал. – Норл настороженно осмотрел Дирамона. Вид у него был неважный.

– Успел побывать во многих удивительных местах. – где именно, Дирамон не помнил, но знал: где бы ни был, время провёл замечательно.

– Мог хотя бы немного оставить. – Коронд раздосадовано перевернул бутылку и попытался вытрясти из неё хоть что-то. Ни одна капля не упала на землю.

– Прости, не смог остановиться. – виновато произнёс Дирамон.

– Чего уж тут. Присаживайся что-ли.

Дирамон принял приглашение и плюхнулся рядом. Головокружение и боль прошли. Руки тоже перестали трястись. Глаза просветлели, разум прояснился. Вот теперь он стал нормальным человеком. Всего лишь понадобилась пара хороших глотков, и он свеж как огурчик.

– Так вот, на чём я остановился? – Норл почесал репу.

– На кульминации полового акта. – напомнил Ларик.

– Точно. Чувствую я, что уже вот-вот и больше не выдержу, бабёнка орёт, что есть мочи. Как вдруг слышится звук открывающейся двери. Она резко сталкивает меня с себя и

указывает на окно в спальне, а сама как заорёт. ВОР! ВОР!

– Во даёт! – рассмеялся Коронд.

– Так а я про что? Ни черта не понимаю, а она вопит про своего вора. Выкидывает мои вещи в окно и опять тычет в него. Тут кровь снова прилила к голове, и я понял, что пора сматывать. Сигаю значит в это окно и понимаю, что застрял.

– Ситуация патовая. – Ларик усмехнулся.

– Во-во! – согласился Норл. – Хочу заметить, что худым никогда не был, так что мой большой друг не смог пролезть. Болтаюсь я, значит, в оконном проёме, ногами дрыгаю. Думаю, ну всё, сейчас мне её муженёк в задницу нож всадит. Потом чувствую сильный толчок и вываливаюсь наружу. Бабёнка с разбегу врезалась плечом прям в мою пятую точку, я и вылетел как пробка. Собрал свои монатки и побежал, сверкая задом по улице, благо стражников по дороге не повстречал. Забежал в ближайшую подворотню, там и оделся.

– За такую историю не грех выпить. – радостно сказал Дирамон. – У вас, кстати, есть что?

– Как раз собирались сходить за новой партией, как ты объявился. – сказал Коронд.

– А что её муженёк потом с ней сделал? – спросил Ларик.

– Да вроде ничего, она наплела ему с три короба, он и поверил.

– Я только одного не могу понять: зачем ты вообще полез к ней, свободных не нашлось что-ли?

– Так я и не знал, что она замужня. Мне сказала, что

вдова, одиноко ей и все дела. А получилось, как получилось. Я, конечно, не святой, но у меня есть правило – не лезть к занятым женщинам.

– Все бы были такие, как ты. Глядишь, и мир изменится в лучшую сторону. – Коронда порадовало последнее уточнение Норла.

– Как говорил мой отец, всегда нужно думать головой, а не головкой. – бывший мясник расхохотался.

– Кстати, Дир. – обратился к нему Ларик. – Ты случайно ничего интересного от Шигорна не слышал? У нас тут слухи разные ходят. Огбер говорит, что сам ещё до конца не знает, но, по всей видимости, мы вскоре куда-то отправимся.

Дирамон попытался напрячь память. В голове было пусто, ни единого воспоминания. Выпивка вымыла всё, что смогла. Он и так не особо вникал в то, что говорит ему Шигорн. Больше половины слов пролетали мимо уха.

– Боюсь, ничего такого не припомню.

– Засада. – Коронд расстроено покачал головой. – Ладно, рано или поздно всё равно узнаем.

– Ну что, может, уже пойдём за выпивкой? – голосом, полным надежды, спросил Дирамон.

– Пойдём-пойдём. – Коронд поднялся с земли и отряхнулся.

– Только есть одна проблема. – Дирамон пожевал губу. – У меня совсем не осталось денег.

– Проставим тебе кружку другую, друзья мы или кто? –

Ларик положил ему руку на плечо. Дирамон был бесконечно благодарен за эти слова.

Дирамон с остальными добрался до ближайшей таверны. Ему показалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле путь занял не больше двадцати минут. Желание выпить растягивало время, и казалось, что, дойдя до заветного заведения, он постарел лет на пять.

Мимо проехала королевская гвардия. Пришлось уступить дорогу и прижаться ближе к зданиям. Посередине ехали две девушки. Одна – неземной красоты, с серебристыми волосами. Другая не уступала ей, но волосы были чернее ночи.

Дирамон не обратил на них внимания, пробираясь к двери таверны, сквозь которую уже улавливал знакомый запах. Приходилось протискиваться между людьми и потереться животом о фасады зданий. Его друзья, наоборот, остановились, открыв рты, и провожали взглядом красавиц.

– Ну и ну. – присвистнул Коронд. – Что за чудо пожаловало к нам в город?

– Одна из них точно принцесса Миррильна, я её уже видел несколько раз. – с умным видом заметил Ларик, поспешно прикрыв отвисшую челюсть. – Вторую в первый раз вижу, но сразу видно, гостья из знати.

– Это и ежу понятно, она же рядом с принцессой ехала.

– Я хоть и люблю полненьких, но её чары овладели и мной. – блаженным голосом проговорил Норл. – Я бы отдал что угодно, лишь бы поговорить с ней.

– Тебе отдавать нечего, кроме одежды. – съехидничал Коронд. – Да и о чём ты собрался с ней толковать? О разделке мяса? Она же из знатных родов, у них интересы сильно разнятся с нашим.

– Почему бы и нет? – Норл не видел проблем. – Кушать любят все.

– Не хочу вас прерывать. – Дирамон окликнул друзей. – Но мы уже на месте, осталось только войти.

– Кто про что, а ты о выпивке. – Ларик покачал головой и зашагал к Дирамону.

Дирамон, позёвывая, стоял в одном из задних рядов. Утро не успело начаться, как всех добровольцев собрали на плацу для важного объявления. Даже на завтрак не пустили, чем подорвали моральный дух личного состава. У Дирамона завтрак всегда был припасён под кроватью, так что он успел получить желаемый заряд энергии, но ещё одна бутылочка точно не помешает.

Стояли уже около часа. Мужики переминались с ноги на ногу, пытаясь расслабить уставшие ступни. Ещё и солнце, как назло, выглянуло и беспощадно пекло репу. Фляжка Дирамона почти опустела, и он начал понемногу волноваться. Долго он терпеть не собирается, можно попробовать незаметно улизнуть. Оглянулся по сторонам, вроде никто не смотрит. Потом вспомнил, что денег у него не осталось, и поник.

– Ты чего, Дир? – заспанным голосом спросил Коронд. Глаза только начали просыпаться.

– Да так, неважно. – ушёл от ответа Дирамон.

На самом деле, очень важно. Нет ничего важнее. Он до чёртиков хотел выпить. Всерьёз задумался, что можно обзавестись ещё парочкой фляжек. Чёрный день в последнее время наступал уж слишком часто.

Норл стоя захрапел. Как у него получалось не свалиться навзничь, Дирамон не мог представить. Ларик сел на корточки, всё равно спереди его никто не увидит. Дирамон недолго думая последовал его примеру.

Прогремела команда – равнясь. Все встали по правильной стойке. Дирамон с Лариком резко вскочили. Смирно. Теперь можно немного расслабиться. Шигорн въехал во двор на белом коне. Быстро с него слез, отдав поводья одному из солдат, и забрался на трибуну.

После проведения турнира она продолжала выполнять свои функции. Теперь с неё вещались важные объявления, а также производился утренний развод. С высоты удобнее осматривать строй, чем стоять прямо перед ним.

Вид у Шигорна был угрюмый. Скорее даже раздражённый. Дирамон понадеялся, что начальник не выместит на нём свою злость. Впрочем, надежда на то и надежда, что ничем, кроме веры, не подкреплена. Золотой плащ за спиной Шигорна развевался по ветру. Блестящий доспех переливался на солнце. Дирамон заметил рукоятку меча на поясе, ко-

торый он не так давно забирал от кузнеца. С таким видом Шигорну бы командовать настоящей армией, а не кучкой отбросов. На красивой наружности всё и заканчивалось. Навыков полководца у него не было, либо он их намеренно скрывал, желая всех удивить в подходящий момент. Шигорн и добровольцами неумело командовал, компенсируя недостатки мастерства жестокостью.

– Слушайте меня внимательно и обрабатывайте информацию, насколько ваши мозги вам позволят. – заговорил Шигорн. – Послезавтра мы отправляемся в Лунасгильн.

Толпа начала перешёптываться. Никто и подумать не мог, что их куда-то отправят. Изначально говорилось, что добровольческое формирование будет помогать при защите города. О том, что придётся покидать высокие стены, и речи не было. Естественно, что такая новость не вызвала одобрения.

– Вот дерьмо. Я же говорил, что нас на убой отправят. – занервничал Коронд. – Надо делать ноги.

– И так было понятно, что нас кормят не из доброты душевной. – Ларик не удивился словам Шигорна. – Лучше уж помереть с полным брюхом, чем с голодухи.

– Ага, а потом заполнятся штаны. – Коронд нервно хихикнул.

– А НУ ЗАТКНУЛИСЬ, ОТРЕБЬЕ! – заорал во всю глотку Шигорн. Пара ворон, громко каркая, захлопали крыльями. – Я знаю, что у вас, трусов, на уме. Поджать хвост и убежать куда глаза глядят. Даже не думайте. Тех, кто посмеет дезер-

тировать, я лично отловлю, и тогда смерть для вас покажется детским праздником. – Шигорн не врал, и все это прекрасно понимали. – Его величество король поручил нам одно важное дело. Поможем жителям Лунасгильна с обороной. От вас требуется выполнять мои приказы. Если собака это может, то и вы справитесь. Когда прибудем на место, будете вести себя как настоящие солдаты. В противном случае вы опозорите короля, а значит, я вправе объявить вас изменниками и казнить на месте. У вас есть два дня, чтобы смириться с этой мыслью. Все несогласные будут считаться предателями. Посыл уловили? Я не слышу. – все собравшиеся хором дали положительный ответ. – Какие все понятливые, даже жалко. Новый меч ещё не успел опробовать.

На этих словах Шигорн закончил свою речь и удалился, оставив всех осмысливать новое положение. Поднялся гогот. Добровольцы ринулись обсуждать услышанное. Сложилось единое мнение – им жопа. Разыгралась бурная фантазия, где все лежат мёртвыми на границах королевства. Умирать никому не хотелось, но как Шигорн дал ясно понять, в противном случае смерти точно не избежать. Выбор между говном и мочой вонял одинаково противно.

– Надо найти Огбера. – здраво рассудил Норл. – Может, он расскажет что-нибудь позитивное.

– Что-то я не уверен. – Коронд нервно прикусил губу. Долго искать Огбера не пришлось. Он стоял неподалёку, в окружении других сержантов. Судя по их виду, новость

им не понравилась так же сильно, как добровольцам. Увидев Дирамона и компанию, он отделился от своей группы и пошёл к ним.

– Здорова, мужики. – обычная весёлость Огбера куда-то делась. Он выглядел непривычно смурным. Сильный контраст с пузатым весельчаком. – Как настрой?

– Паршиво. – ответил Коронд.

– Я так и думал. Мне вот тоже плясать не хочется. Скорее напиться.

– Это дело хорошее. – оживился Дирамон.

– Можешь сказать, что это означает? – спросил Норл.

– То, что лафа закончилась. Для меня сегодняшнее объявление тоже стало шоком. Шигорн про это особо не рассказывал. Мы все знали, что-то намечается, но что именно не имели ни малейшего понятия. Ещё и топать в Лунасгильн. Он на самой границе королевства, когда оно ещё было целым. Я думал, что связи оборваны, а видите, как всё оказалось. Сам король распорядился нас туда отправить. Готов поспорить, он это так, для приличия. Хотел бы по-настоящему помочь, отправил бы реальную армию.

– Всё настолько плохо? – Коронд нервно чесал бороду.

– Скорее да, чем нет. – с неохотой ответил Огбер. – Защищать город будем понятно от кого, уж точно не от шайки бандитов. А вот сможем ли удержать его, это уже совсем другой вопрос. Одно могу сказать наверняка, если дело запахнет жареным, то Шигорн в первых рядах даст драпу. Будем

надеяться, что сможем последовать за своим командиром.

Огбер поделился своими мыслями. Радужными они не оказались, впрочем, другого никто и не ожидал. Ситуация хоть немного, но прояснилась. Дирамон с остальными решили вернуться в кубрик. Благо там было припрятано несколько бутылок, так что время можно было провести хорошо. Да и как позже выяснилось, Шигорн забыл упомянуть, что покидать территорию запретили, чтобы никто даже не подумал улизнуть, пока есть возможность.

– Вы когда-нибудь были в Лунасгильне? – спросил Коронд.

Все отрицательно покачали головой.

– Да чего вы такие хмурые, я уверен, там будет ничем не хуже, чем здесь. – Дирамон не разделял беспокойства товарищей. Коронд заметил, что Дирамон в приподнятом настроении.

– Тебя совсем не волнует, что там может произойти?

– А чего переживать почём зря? Поживём увидим.

– Ну не знаю...

– Ты лучше ответь мне на один вопрос. Там есть выпивка? – лицо Дирамона приобрело серьёзное выражение.

– Э-э-э. Есть, отчего ей там не быть? – смутившись, ответил Коронд.

– Значит, беспокоиться не о чем. – Дирамон улыбнулся и разбавил кровь мутной жижей из бутылки.

Сильно припоздать

Солнце светило высоко на небе, осматривая зорким глазом свои бескрайние владения. Каждый новый день становился всё теплее предыдущего. Через месяц от жары уже не будет спасения. Даже сейчас, если лучи золотого шара попадут на кожу, можно ощутить его пылкость. Проклятый не переносил жару и любые её проявления, потому решил свернуть с нормальной дороги и укрыться среди зелёных крон деревьев. Они служили надёжными защитниками от обжигающего тепла. Стойко принимали удары погоды на себя, для них они были всего лишь приятными угощениями.

Пробираться через лес не так удобно, как по расчищенному королевскому тракту, к тому же велика вероятность заблудиться. Об этом поспешила напомнить Аламния. Проклятый отмахнулся от неё и сказал, что и так найдёт нужную дорогу, чтобы она от него побыстрее отвязалась. Ориентироваться для него не составляло проблем, а снижение скорости передвижения – небольшое неудобство по сравнению с обильным потоотделением. Кожа становилась липкой и неприятной. Одежда приклеивалась к телу и натирала в самых нежных местах. Всё это ожидало впереди, когда наступят летние месяцы, что уже не за горами. Пока есть возможность этого избежать, Проклятый предпочитал ею пользоваться.

В лесу, в отличие от нормальной дороги, было проще найти съестное. Достаточно посматривать по сторонам и под ноги. Так, Якельн заметил куст дикой малины, к великой радости своих спутников. Под их напором розовые плоды исчезли, а куст остался голым, стесняясь под насмешками соседей.

Крупную дичь они не встречали уже давно. Время от времени пробегал заяц другой, но на обед к голодным путникам не спешил. Аламния всякий раз промахивалась, а второго шанса зверь ей не оставлял. Резко пускался в бег и исчезал среди деревьев.

Благо в водоёмах у Иммардуна не было равных. То тут, то там пролегла маленькая речушка или пряталось озерцо. А где есть вода, там и рыба. Якельн соорудил себе самодельную леску из верёвки. Поплавком послужила найденная под ногами шишка. Рыболовный крючок смастерил из нескольких колец кольчуги Проклятого. После долгих уговоров последний поддался и отодрал небольшой виток снизу. Кольчуга и так выглядела неважно, хотя и продолжала выполнять свою функцию, так что потеря пары колец не сыграла роли. Палка, к которой привязывалась верёвка с остальными снастями, каждый раз менялась. При длительных переходах намного удобнее прятать всё по карманам, чем тащить большой агрегат на плече.

Проклятый тоже ловил рыбу, только своим способом. Снимал сапоги, задирали штаны выше колен и заходил в воду, а потом голыми руками хватал проплывающую мимо неза-

дачливую рыбёшку. Такой вариант рыбалки не часто приносил результат, зато мороки меньше. Якельн, в свою очередь, тоже не всегда возвращался с уловом. Проклятый подумывал, что ему нравится сам процесс или то, что при этом он сидел в одиночестве и тишине, запрещая всем к нему приближаться, чтобы не распугать рыбу. Последнее было наиболее вероятно. Он и сам как можно чаще удалялся, чтобы побыть с самим собой. Аламния, напротив, всегда норовила составить компанию. Кому что, а ей оставаться одной совсем не хотелось. События в Норстоне оставили неизгладимый след.

Если рыбалка не всегда приносила плоды, то поимка лягушек возле болот оканчивалась сытной трапезой. За прыгающим земноводным угнаться проще простого. Тут участвовала даже Аламния на время забывая про брезгливость. На голодный желудок съешь всё, что угодно. Правильно говорят, голод не тётка. А как оказалось, вкус у лягушек очень даже ничего. Их она ела с большей охотой, чем рыбу.

С расспросами о прошлом Аламния пока что прекратила. Хотя Проклятый и жил им, рассказывать о нём не любил или не хотел. Тут уж невелика разница. Воспоминаний у него была уйма, но помимо них ничего не осталось. Они стали тем, чем он не хотел делиться, оставив целиком и полностью себе. Поджигая трубку с гаинией и выдувая густые клубы дыма, он погружался в свои мысли. Серые нитки вытанцовывали, складываясь в картины минувших дней.

Якельн шёл немного поодаль. Аламния семенила рядом с ним. Дистанция не позволяла понять, о чём именно они говорят, но судя по периодическим смешкам, им было весело. Хотя бы Проклятого не затягивают в свой разговор, и на этом спасибо.

Островитянин заметил движение впереди. Остановился. Подал сигнал. Аламния и Якельн замолчали. Медленно подошли к нему. Проклятый вглядывался вдаль, различил несколько силуэтов, мелькающих среди деревьев. Судя по очертаниям – люди, но это ещё не значило, что опасность миновала, скорее наоборот.

– Что ты там увидел? – шёпотом спросил Якельн.

– Вроде люди. – таким же шёпотом ответил Проклятый.

Якельн положил руку на рукоять бывшего меча Кориля.

– Сколько? – деловито спросила Аламния.

– А ты до скольких считать умеешь? – на лице Проклятого стояла ухмылка.

– Ага, все посмеялись, а теперь заканчивай ребячиться.

– Вроде двое.

– Нас трое. – серьёзно сказала Аламния, будто это не очевидно.

– Значит, до трёх...

Аламния стукнула его между лопаток.

– Каков план? – Якельн достал меч. Вторую руку оставил свободной на случай, если понадобится плести.

– Пойдём поздороваемся, а там видно будет.

Троица выдвинулась аккуратными шагами. Высматривали, куда поставить ногу, чтобы не послышался предательский хруст. По мере приближения Проклятый смог лучше разглядеть людей. Оказалось, это мужчина и женщина. Они сидели на корточках и что-то собирали, не видя, что со спины к ним подкрадываются. Проклятый взглядом показал, чтобы Якельн убрал меч в ножны. При тех двоих даже оружия не было.

Мужчина распрямылся и обернулся. Увидев Проклятого и остальных, застыл, как столб. Одежда на нём висела, он явно сбросил пару кило, не сказать, что лишних. Множество заплаток говорило о том, что заработанные деньги тратились только на еду. На осунувшемся лице росла грязная коричневая борода. Патлы такого же цвета волос свисали до щёк. Тёмные глаза перескакивали с Проклятого на остальных. Но в них не было страха, только усталость от свалившегося на плечи.

– Здравствуйте. – поздоровался мужчина.

– И тебе привет. – ответил Проклятый.

– Если хотите нас ограбить, то у нас ничего нет, кроме ягод. – он показал лукошко, наполовину заполненное красной земляникой.

Его жена, по крайней мере так её окрестил Проклятый, никак не отреагировала на появившихся из ниоткуда вооружённых людей. Она продолжала отодвигать кусты, ища новые плоды, и что-то бормотала себе под нос. Голова её была

покрыта чёрными слипшимися прядями. Глаза ещё темнее, чем у мужа, но, в отличие от супруга, в них читалось зарождение безумия. Мужчина перехватил взгляд Проклятого.

– Не обращайтесь на неё внимание. Ей сейчас немного нездоровится. – его голос дрогнул на середине предложения. На глазах бы выступили слёзы, но их запас иссяк. – Вы издалека?

– Из Эвисфальта.

Аламния, всё ещё волнуемая по поводу отношения местного населения к её родине, метнула на Проклятого гневный взгляд.

– Далеко вы забрались. – ответил мужчина и замолчал. Повисло неловкое молчание. Женщина на корточках перебралась в другое место и уже там начала искать землянику. – В Эвисфальте ещё хуже, чем у нас?

– Эрдинсгарда больше нет. – сказал Проклятый.

– Вот, значит, как. – новость никак не удивила мужчину. Казалось, ему абсолютно всё равно. – Рано или поздно это случится с каждым. Меня, кстати, Тикрол зовут. А это моя жена. – он повернулся к женщине, ползающей на корячках. – Её звать Илотра. – она не отвлекалась от своего занятия и не замечала ничего, что происходит вокруг.

Проклятый и остальные по очереди представились.

– Мы далеко от города, в котором вы живёте? – спросил Якельн.

– От Ниуртонша? Около часа ходьбы по тракту. Можем

вас проводить, всё равно уже пора обратно. Илотра хотела собрать земляники, чтобы, когда дети вернулись, их ждало любимое угощение. – упоминая детей, Тикрол совсем поник. Слова с трудом выходили из его рта.

– Дети? – Илотра подскочила и начала судорожно осматриваться по сторонам. – Где они? Ты их видел?

– Успокойся, дорогая. – Тикрол обнял жену. – Их здесь нет, пойдём домой, нечего нам тут больше делать. – он поглаживал жену по голове. Вскоре она успокоилась и приобрела тот же отрешённый вид, что и раньше. – Пойдёмте, приглашаю вас на ужин. Сможем поговорить побольше, может, у вас получится нам помочь.

Проклятый догадывался, с чем необходимо помочь. Аламния и Якельн тоже поняли. Дети, по всей видимости, пропали, как давно, предстояло выяснить. Проклятый решил, что выслушает историю новых знакомых, говорить, скорее всего, будет только Тикрол. Услуга за услугу. Они их накормят, за что Проклятый с остальными попробует им помочь. Вот только помощь могла сильно припоздать...

Ниуртонш оказался небольшим городком, укрытым среди деревьев. Стражники на входе только поприветствовали новоприбывших. Никаких плат за вход, никаких нравоучений. Может, помогло присутствие знакомых в лице Тикрола и Илотры, но Проклятый в этом сильно сомневался. Город, несмотря на произошедшее за последние несколько лет, не

изменился.

Входя в него, Проклятый ощутил запах прежних времён. Ниуртонш жил той же размеренной жизнью, что и до прихода Детей Тьмы. Здания выглядели ухоженными, что сильно контрастировало с тем, что он видел в других поселениях. Не было толп нищих и бездомных. Люди сновали по своим делам. Выглядели так, словно всё это время жили в вакууме, и события после конца света их совсем не затронули.

Проходя мимо рынка, Проклятый услышал громкие голоса. Покупатели оживлённо торговались с продавцами, не желая платить лишнего. Торговцы стремились содрать как можно больше, сражаясь за каждую монету, как за свою жизнь. Якельн и Аламния с интересом осматривались, впечатлённые увиденным.

– Хорошо тут у вас. – заметил Якельн. – Будто ничего и не поменялось. Прямо в прошлое попал.

– Да, вам повезло, – Аламния восторженно смотрела на оживлённые улицы, – аж глазам приятно. Жаль, что так не везде.

Увиденное выглядело донельзя хорошо. Проклятого это сильно напрягало. Не может всё быть так просто. Есть какой-то подвох. Чем красивее наружность, тем сильнее смердит внутри. Это заявление далеко не всегда работало, но по мнению Проклятого, в данной ситуации подходило как нельзя кстати. Пропавшие дети были тому доказательством.

– Думаю, вы правы. – без особой радости согласился Ти-

крюк. – После того, как местный дворянин ушёл на «Битву за Могилы» и не вернулся, мы поняли, что там он и нашёл свою яму в земле. Город у нас всегда был тихий, порядочный. Жители собрались и вместе решили учредить совет, где будут восседать по одному человеку с каждой прослойки населения. Они и решают основные вопросы, но при этом постоянно советуются с жителями. При каждом нововведении или спорном вопросе устраивают голосование, где принимает участие каждый совершеннолетний. – на лице Тикрола промелькнула совсем незаметная улыбка. Могло показаться, что у него просто дёрнулся рот. Впрочем, может именно это и случилось. – Забавно, да? Я и представить не мог, что такое вообще возможно. Весь народ участвует в управлении городом. Раньше же, как было, король и местная знать решают какой закон ввести, за что ещё можно содрать денег. Всех просто ставили перед фактом. Сейчас всё по-другому. Даже такой обычный крестьянин, как я, может внести свою лепту. Власть в руках народа. Об этом мечтали поколениями, у нас по итогу получилось.

– Короли, наверное, в гробах переворачиваются от того, что у вас происходит. – посмеялся Якельн.

– Пусть себе ворочаются. Мы живём, и нам хорошо.

– Ты ещё скажи, что ваш так называемый совет ничем не грешит. Или они святые?

– Конечно, грешат, это и ежу понятно. Живётся нам всё равно хорошо, насколько это возможно. Разве можно про-

силь о большем?

Судя по виду Тикрола и его жены, так сразу и не скажешь. Проклятый не видел их до этого, скорее всего сказала про-пажа детей. Да, для родителя хуже всего потерять ребёнка.

Дом Тикрола находился на другом конце города, в самом бедном районе. Какой бы хорошей ни была жизнь, в ней всегда найдётся место для обездоленных. Так и новый режим не помог выбраться из нищеты.

На вид обычная халупа, каких во всех королевствах не считать. Фасад видал и лучшие дни, последний раз его краси-ли очень давно. На крыше много следов от заделывания дырок, словно прыщей на лице подростка. Забор с одной сто-роны покосился, наклонившись ближе к земле, как пьяница после долгой попойки.

Внутри было всего две комнаты, не считая кухни и кладо-вой. Мебель Тикрол сколотил своими руками, покупка ма-териалов выходила дешевле, чем сразу брать готовые кроват-и и стулья. Вокруг камина росли деревянные полки, сезон цветения ещё не настал, потому плодов на них не нашлось, кроме банки с солью.

Проклятый сел на скамью, она запротестовала, но нена-долго. После того, как присели Аламния и Якельн, из неё вырвался только протяжный стон. Илотра, взяв лукошко из рук мужа, унесла его в детскую комнату. Тикрол проводил её печальным взглядом.

– Еды у нас немного, остался вчерашний суп. – виновато

сказал Тикрол.

– Плохой еды не бывает, особенно на голодный желудок. – живот Якельна заурчал, подтверждая слова хозяина.

Тикрол развёл огонь и начал подогрывать котёл с супом. От вкусного запаха у Проклятого выступили слюнки. Он смог уловить аромат лука и картошки. Илотра вернулась на кухню и расставила миски с ложками перед каждым гостем. Делала она это машинально, не отдавая отчёта. Напротив Проклятого поставили ещё две. Бедная женщина надеялась, что дети вернуться к обеду.

Тикрол разлил всем суп. Увидев, что детские миски не наполнены, Илотра сама взяла котелок и заполнила их до краёв. Её муж ничего не сказал, спорить с горящей матерью было бессмысленно.

Проклятый быстро умял свою порцию и только потом съел оставшийся кусок хлеба, тщательно прожёвывая, создавая иллюзию того, что еды больше, чем на самом деле. Обмануть организм не получилось, есть всё равно хотелось, но голод уже не так сильно мешал, как раньше. Илотра, ничего не сказав и не попрощавшись, вышла за дверь.

– Ушла в храм. Просить Ралноса вернуть наших деток домой. – посчитал нужным пояснить ситуацию Тикрол. – Молится по три раза в день.

– Её молитвы будут услышаны. – Аламния взяла Тикрола за руку.

– Очень на это надеюсь. Очень надеюсь...

– Как давно дети пропали? – задал вопрос Проклятый.

– Две недели назад.

Большой срок. Проклятый начал продумывать варианты. Если бы они были живы, их бы, скорее всего, уже нашли. Да и трупы тоже, только если их не унесли в лес и не оставили на съедение диким зверям. В таком небольшом городке трудно затеряться. В этом явно кто-то замешан, причём не обычный человек. Тот, у кого в руках власть. Вот тебе и добрый совет. Но пока что это всего лишь догадки.

– Пришли с женой домой, а их как след простыл. Ни слуху, ни духу. Я сразу побежал спрашивать соседей, но никто ничего не видел. Они как сквозь землю провалились. Будто их призраки похитили.

«Люди, это сделали люди», – подумал про себя Проклятый.

Истории про привидения и оборотней меркнут на фоне такого чудовища, как человек. Самое злобное и жесткое животное из когда-либо рождавшихся. Сорняк, отравляющий посевы, не более.

– Без каких-либо улик найти их практически невозможно. Ты же понимаешь?

Тикрол слабо кивнул. Он прекрасно понимал, но понимание не могло вернуть его детей.

– Кто-нибудь ещё исчезал, помимо твоих детей?

– Время от времени люди пропадали без вести.

– Много? Как давно это началось?

– Может год назад, может больше, не знаю. – Тикрол сидел, уставившись в пол. Нервно перебирал пальцами. – Трудно сказать, сколько всего пропало. Может сказаться, что много. Когда тебя это не касается, особого внимания не придаёшь, ну пропал человек и пропал, понимаешь?

Проклятый прекрасно понимал. Людям свойственно не замечать пожара у соседа, пока он не перекинется на его дом. Тогда и начинается беготня и мольба о помощи, хотя до этого он сам не спешил помочь оказавшимся в беде. Тикрола Проклятый ни в чём не винил, так уж получается, как бы грустно ни звучало.

– А что говорит стража? Целый год прошёл, а люди продолжают пропадать.

– Умывают руки. Говорят, что ничего не могут поделать. Бездействуют. Раньше терялись только взрослые, мы потому за детей особо не беспокоились. А вот теперь... – Тикрол закусил губу.

Бездействием это не назовёшь. Стражники кого-то покрывают, либо получают приказы ничего не делать, суть не меняет. В городе орудует убийца или целая банда, и не боится правосудия. Оно у них в руках.

– Я лично обращался к совету, но по итогу ничего не вышло. Детей они так и не нашли.

– Ты же понимаешь, что я не могу пообещать тебе, что найду их? Мы втроём спрашиваем людей, может, у нас получится лучше. Но долго мы этим не будем заниматься,

один, максимум два дня. Потом мы продолжим наш путь.

– О большем я и просить не могу.

– Хорошо, тогда опиши своих детей, какие-нибудь примечательные черты. Может, родинки или шрамы. Что угодно.

– Роста они примерно одинакового. Мирскрок, он постарше, чуть-чуть выше. Ему двенадцать, а сестре одиннадцать. Волосы у него, как и у меня, только немного темнее и коротко подстрижены. На левой щеке небольшой шрам. Упал на камень, когда играл с детьми. У Дилонты волосы, как у матери, да и глаза такие же, почти точная копия. Над губой большая родинка, она всегда стеснялась её, а мне нравилось. – Тикрол замолчал.

– Этого достаточно. – сказал Проклятый. Лучше оставить его в покое и не трогать. Всё равно больше ничего полезного не выведать, а того, что он узнал, должно хватить.

Проклятый вышел на улицу. Аламния и Якельн последовали за ним. Тикрол так и остался сидеть, не двинувшись с места. Если детей не найдут, он покончит с собой, долго ему не протянуть, а Илотра станет городской сумасшедшей. Завернёт в пелёнки куклу и будет лелеять, как собственное дитя.

Солнце высоко стояло. До вечера ещё далеко. Проклятый оценил свои шансы. Их почти не было. Лучше было покинуть Ниуртонш и отправиться дальше в путь. Но он уже пообещал Тикролу поискать детей, так что деваться некуда.

– Что думаешь? – спросила Аламния.

– Жалею, что на месте детей не оказалась ты. – лицо Проклятого искажала бешеная ухмылка.

– Даже не пытайся, у меня выработался иммунитет. – невозмутимо ответила Аламния.

– Может, нам лучше и не начинать поиски? – Якельн озвучил то, что было бы наилучшим вариантом.

– Так было бы проще, но самый простой путь далеко не всегда правильный.

По правде говоря, Проклятый понятия не имел, с чего начать. Всё равно что искать иголку в стоге сена. У него были некоторые предположения, но без каких-либо доказательств. Интуиция подсказывала ему, что он прав, а она его почти никогда не подводила, даже против его воли. Он бы очень хотел во многом ошибаться.

– Предлагаю разделиться.

– Я одна никуда не пойду. – запротестовала Аламния.

– Со мной тоже. Хотя бы на какое-то время смогу от вас отделаться. Проведу время в приятной компании. – Проклятый подмигнул Якельну.

– Да, я уже понял. – Якельн смирился с судьбой, хотя и сам был не прочь провести время в одиночестве.

– Дети, они же... – Аламния побоялась произносить конец фразы.

– Да, скорее всего, мертвы. – Проклятый закончил за неё.

Аламния молча кивнула. Начала привыкать к реалиям жизни, хоть какое-то хорошее изменение. Глядишь, со вре-

менем совсем человеком станет.

– Тогда расходимся. Опросите ещё раз соседей, может чего-нибудь вспомнят. – в этом Проклятый очень сомневался, но лучше так, чем никак. – Потом думайте сами. Я пока прогуляюсь по городу, может, смогу чего-нибудь высмотреть. Встречаемся здесь же на закате.

Проклятый покинул своих спутников и направился ближе к центру города, по пути думая о сложившейся ситуации. Надо было придумать, куда лучше пойти. Можно попробовать пообщаться с членами совета, но вряд ли они пропустят к себе чужака, да и расколоть их, если они всё-таки замешаны, будет нелегко.

Местные тоже наверняка ничего не знают и не хотят знать. Болтать со стражниками бесполезно, скорее всего обычный разговор обернётся резнёй. Кровопролития Проклятый не боялся, но лишний раз напрягаться не хотел.

Зачем он вообще связался в эту тёмную историю? Мог же просто пройти мимо, но нет, его снова потянуло в дебри. Грёбаная услуга за услугу. Надо будет поработать над собой и убрать эту установку из головы. Сплошная морока.

Проклятый сам не заметил, как дошёл почти до центра города. Упёрся взглядом в строение с вывеской. На цепи болтался поросёнок, обхвативший конечностями бочку с пивом. «Пьяная Свинья» – так гласило название. Проклятый был не против пропустить кружку другую, в закромах ещё сохранилась пара монет. К тому же, если хочешь послушать мест-

ные слухи или выведать полезную информацию, нет места лучше, чем таверна. Проклятый откинул капюшон и зашёл внутрь.

Нет смерти достойнее

Последняя неделя прошла без происшествий. Караван двигался своим ходом, держа уши востро. Густые леса Кларнильсверфа таили в себе множество опасностей, но у них было одно лицо – человеческое. Сектанты, культисты и ещё много других, в том числе нецензурных названий, обозначающих одно и то же, стали самой главной темой для обсуждения.

На каждом ночном привале, сгрудившись вокруг очагов огня, шли разговоры и строились теории. Пран успел послушаться немало. После вечерних молитв к нему подходили и делились страхами, ему же приходилось обещать, что Ралнос защитит души своих верных детей.

Местных не особо приветливых обитателей, любезно предоставляющих гостям почётное место на ближайшем дереве с последующей ампутацией ненужных конечностей, окрестили поклонниками ложного Бога. Имя его, естественно, никто не знал. О том, что таким образом они могли почитать и Ралноса, даже не думали. Пран же, напротив, не удивился бы, обнаружив коллег по цеху.

Присутствовала версия, предполагающая, что тронувшиеся умом садисты поклонялись Детям Тьмы. Эта гипотеза приобрела наибольшую популярность среди народа. Кому ещё, как не им, приносить в жертву людей, при этом подвер-

гая жестоким пытками?

Уже давно известно, что Дети Тьмы разумны, что не скажешь по их виду. Вполне возможно, у них возникла такая же мысль, когда они впервые вошли в контакт с человеком. Потому некоторые решили, что нет никаких сумасшедших фанатиков. Всему виной чудовища, известные пылкой любовью к жестокости. Этим они мало чем отличались от людей, разве что не вдали в своих намерениях.

Пран знал, что они переняли некоторые человеческие черты, как например тактика ведения боя. Их нападения с каждым разом становились продуманнее и хитрее. Они научились пользоваться ландшафтом и погодными условиями. Атака на Паультрин прямое тому подтверждение. Под покровом сильного ливня они без труда скрытно подобрались к стенам города и неожиданно напали, застав неподготовленных стражников врасплох.

Человек возомнил себя царём природы, властвующим над всем живым, за что горько поплатился. Нельзя недооценивать противника, каким бы слабым и глупым он ни выглядел. Гордыня слепит взор и мешает здраво мыслить. История вычеркнула из жизни многих самодовольных болванов, тем не менее, это не мешало рождаться новым. Пран для себя выделял главное отличие между Детями Тьмы и людьми. Человек никогда не учился на чужих ошибках.

– О чём задумался? – Ранст, ссутулившись, ехал в седле. Видок у него измученный. В последнее время плохо спал,

если вообще спал. Причиной бессонницы поделиться он не стремился. Пран не собирался силком из него вытаскивать слова. Молчание его вполне устраивало.

– Обращался к Богу. – машинально ответил Пран, вырванный из бездны небытия. Такой прекрасной и манящей, со сладким запахом, словно свежее испечённый пирог на витрине пекарни.

Ранст решил не продолжать диалог. Сильно потёр глаза, чуть не выдавив. Широко зевнул на всю округу и снова сгорбился. Груз ответственности за жизни многих людей сильно давил на него. Так и должно быть, когда тебе не всё равно.

Деревья трещали, переговариваясь между собой. Всяко лучше гнетущей, давящей на уши тишины, когда каждый шорох заставляет вздрагивать. Лошадь Прана недовольно фыркнула и дёрнула головой. Наездник не заметил раздражения животного. Нести тушу Прана было той ещё работёнкой, так что кобыла ждала ночного привала больше остальных караванщиков.

На шее у Прана висел амулет Ралноса, какие носят его жрецы. Обычно говорят, что от него исходит тепло, греющее как тело, так и душу. Настоятель не чувствовал ничего, кроме тяжести и холода металла. В юности его ощущения могли отличаться, но время стёрло воспоминания, оставив только смутное представление. По сему, Пран сделал вывод, что амулет и раньше был ничем иным, как украшением. И почему он его ещё не выкинул?

– Видишь что-нибудь? – Ранст вытянулся вперёд и сощурил глаза.

– Нет. – до этого вопроса Пран ничего не видел. Только темноту.

– Вон там, впереди, кажется, люди, те самые, про которых докладывал Ширит.

Пран напряг зрение. И правда, несколько человекоподобных силуэтов.

– Думаешь, враги?

– Не знаю. – честно ответил Ранст. – Вряд ли они бы сидели вот так просто на дороге. Хотя и странно, что не двинулись с места.

– Ралнос даст нам знак, если впереди опасность.

– Понять бы его. – безрадостно ответил Ранст. – Давай-ка съездим вперёд, разведаем обстановку.

Караван прекратил движение и остановился. Пран с Ранстом поскакали навстречу к незнакомцам. К ним присоединились Конс и Сарол. Другие боеспособные остались на охране каравана. Ранст не исключал возможность западни, а группа людей, остановившихся у дороги, могла оказаться отвлекающим манёвром. Нельзя было снижать бдительность.

Пран остановил лошадь. Не увидел ничего, кроме напуганных женщин и детей. Вид у них был уставший, словно всю ночь бежали, а лица и одежда вымазаны в чём-то грязном. Ребятишки при виде вооружённых всадников попрятались за юбки. Одна женщина с русыми волосами и глазами цвета

камыша выступила вперёд.

– Кто вы такие? – она старалась достойно держаться, но голос у неё дрожал. – Нам не нужны неприятности.

– Как и нам. – Конс пожирал её глазами. С женщиной он не был уже очень давно.

Пран не заметил у них оружия, но это ещё ничего не означало. Убить можно и голыми руками. На вид они не представляли никакой угрозы, а вот исходящий страх хоть руками щупай. Вот только чего они боялись больше, того, что будет или того, что было?

– С вами что-то приключилось? – спросил Ранст. – Беда?

– Да. – женщина прикусила губу.

– Культисты?

Она кивнула. Недоверчиво посмотрела на Прана и остальных. Отступила на шаг, когда лошадь Ранста дёрнулась.

– Почему ты так нас боишься?

– Потому что вы можете быть одними из них.

– А я думал, что выгляжу как обычный человек. – усмехнулся Конс. – Даже обидно стало.

– Внешне они ничем не отличаются от нас. – женщина обхватила себя руками. – Такие же, как все. Одеваются нормально, даже разговаривают о простых вещах. С первого взгляда абсолютно непримечательные, что и вводит в заблуждение. Они очень умело скрывают свои наклонности.

– Тогда и вы можете оказаться одними из них. – справедливо заметил Пран. – От лика Ралноса ничего не скроется.

– Мы всего лишь очередные жертвы безумцев, не более.

– Это всего лишь слова.

Ранст покосился на Прана, но ничего не сказал.

– У моей сестры вчера была свадьба в деревне неподалёку.

Мы с мужем и детьми поехали на празднование. – при упоминании отпрысков она крепче прижала к себе двух мальчиков. – Праздники у нас нечасто проходят, так что многие из нашего поселения тоже приехали. Все так или иначе друга знают. Поначалу всё было хорошо. Церемония прошла, началась ночная гулянка. Народ пил и веселился. Танцевали и пели песни, а потом пришли они... – ей явно было нелегко переживать события прошлой ночи, воспоминания ещё были свежими, а раны, оставленные ими, кровоточили. – Никто на них не обратил внимание, даже не заметили, что народу стало больше. Они также ели и пили, как и остальные.

Женщина остановилась, собираясь с силами. Прикусила губу, алая струйка скатилась по подбородку.

– Тех, кто сопротивлялся, они зарубили на месте. Мой муж... – на глазах выступили слёзы. Пран не видел других мужчин, и так было понятно, что с ним стало. – Потом они собрали оставшихся и выборочно выводили из строя. При этом напевали жуткую считалку. Раз-два – будет больно, три-четыре – ты терпи. – заканчивать она не стала. – Связали некоторых и прибили стальными кольями к земле, чтобы не смогли вырваться. Обложили хворостом и подожгли. Они

так кричали...

– Можешь не продолжать. – Ранст попытался её остановить, слова сами сыпались из женщины.

– Раскалили железные прутья на огне, где корчились тела, и выбрали ещё парочку. Выжгли им глаза. До сих пор в ушах звенит их вопль. Долго слушать его не пришлось. Эти животные отрезали им языки. После слышалось только приглушённое мычание.

– Убивали, а потом прибывали трупы к деревьям, отрезая нижнюю часть тела. – перед Ранстом стояла картина, увиденная не так давно.

– Почти. Сначала привязывали, а уже потом отрезали. Они хотели насладиться страданием.

– Как вам удалось сбежать? – даже Конс отбросил шуточки. Про такое шутить совсем не хотелось.

– С помощью Ралноса. – мёртвым голосом произнёс Пран.

– Без него точно не обошлось. – женщина изобразила жест молитвы. – Оставшихся согноли в амбар и подожгли. Огонь быстро распространялся, но некоторым из нас повезло выбраться через крышу. Кто-то сломал ноги при неудачном падении, мы их бросили. Никак не могли помочь.

– Почему они не стали за вами гнаться? – спросил Ранст.

– Не знаю, мало ли чего им взбрело в голову. Может, не заметили нас, а может, в этом не было нужды. Они уже утолили свою жажду.

– Далеко отсюда ваш дом?

– По этой дороге около двух дней пути. Селение у нас небольшое, но если вы проводите нас, то мы найдём чем отблагодарить.

– Желательно едой, ничего другого не нужно. У нас целый караван и много голодных ртов.

– Еды у нас достаточно, сможем поделиться. – женщина чуть-чуть расслабилась.

– Тогда договорились, заодно поподробнее расскажешь про культистов. В случае чего ты сможешь их опознать?

– Я запомнила несколько лиц. – подтвердила женщина.

– Вот и хорошо, тогда мы будем рады вашей компании.

Ранст принял решение помочь пострадавшим. Пран не стал никак комментировать, всё-таки не он лидер. К тому же, Ранст не просил совета. Доверять незнакомцам опасно, но раз главный им поверил, значит, ему не остаётся ничего другого.

Жертвы фанатиков очень обрадовались свалившейся на их головы удаче. Детей и тех, кому было тяжело идти, посадили на повозки. Женщина представилась как Уинтира. Она в красках описала, как они ночью пробирались через лес. Ветки хлестали по лицу, а под ногами подворачивались камни, сбивающие с ног. Погоревала по мужу и попросила Прана помолиться за его душу.

Деревня, в которой проходила свадьба сестры Уинтиры, находилась в паре километров. Ранст принял решение уско-

ритель ход, чтобы как можно быстрее убраться отсюда. Культисты могли быть неподалёку. Вперёд выслали разведчиков во главе с Ширитом, чтобы они прочёсывали местность на наличие опасности.

Из рассказа Уинтиры Пран так и не понял, кому именно поклонялись местные головорезы. По всей видимости, она и сама не до конца понимала, но точно знала, что их стоит опасаться. Никому не было известно их точное местоположение. Говорят, что они никогда не сидят на месте и постоянно перемещаются, чтобы искать новые жертвы. Когда связь между поселениями была лучше налажена, их видели в разных уголках королевства. Порой доходили слухи, что в одно и то же время осуществлялись нападения в разных местах. Пран сделал вывод, что, скорее всего, шаек было несколько.

Ночь опустилась на землю, знаменуя тем конец дня. Караван остановился на очередную ночную стоянку. За ужином Уинтира и другие избежавшие гибели сидели поодаль, обосновавшись отрешённой группкой. Разгорячённые после тренировок по стрельбе из лука и по обращению с оружием, караванщики с аппетитом уплетали мясное рагу, в котором от мяса было только название. В основном в нём плавали кости, приправленные остатками овощей. На этот раз охота не принесла сытных плодов.

Пран, как это часто бывает, сидел у костра и смотрел на пляску пламени. Не моргал, когда слышался треск и искры

летели во все стороны. Огонь, как источник света, тоже являлся символом Ралноса. Чем дальше от него, тем он безопаснее. Даёт тепло и готовит пищу. Но если приблизиться к нему в плотную, тогда обожжёт плоть и оставит волдыри на коже. Прямо как с верой. Прану довелось прочувствовать это на своей шкуре.

Ранст о чём-то оживленно рассказывал. Пран не слышал его слов. Находился очень далеко от этого мира. Перестал быть его частью. Конс, как обычно, отмачивал шуточки, Гелор делал вид, что понимает о чём речь, но в действительности улавливал смысл половины из них. Сарол делился успехами при подготовке новых бойцов. Ширит тоже, но, в отличие от тирады рыжего товарища, ограничился парой слов. Криг и Рольф радовались успеху своего нововведения. Носилки пользовались популярностью, а тот факт, что им самим не удалось ими воспользоваться, не удручал. Оказалось, что помогать людям очень приятно.

Потихоньку компания таяла, пока около костра не остался один Пран. Настоятель всё так же бездвижно сидел на земле, даже у слепца взгляд осознаннее, чем у него. Порой незрячие могут видеть вспышки света или неясные очертания предметов. Перед взором Прана была только непроглядная тьма.

Он не заметил, как к нему подседа Уинтира. Она не решилась заговорить с ним, стесняясь, положила руки на колени и ждала, когда настоятель сам заговорит с ней. Откуда ей было знать, что Пран не ведаёт о её существовании? Она терпели-

во ожидала. Подкинула дрова в костёр. Снова села и расправила платье. Посмотрела на лицо Прана, только тогда поняла, что его здесь нет. Его вид напряг её, но не испугал. Она обратилась к нему, но не получила ответа. После недолгой паузы, легко дотронулась до его плеча и повторила попытку. Пран шевельнулся, но его глаза по-прежнему остались где-то далеко.

– Вы же настоятель, верно?

– Ралнос тому свидетель. – губы Прана сами произносили слова.

– Обычно жрецы выглядят по-другому. Белые одеяния и всё такое. И уж точно не носят молот за спиной.

Сейчас он лежал около Прана. Рукоятка облокотилась о ногу. Орудие убийства грелось у костра, как и его хозяин.

– Тем не менее, это не мешает нести слова Господа. Наружность не играет роли, важна лишь вера. – Пран коснулся груди, где билось его сердце.

– Я хотела попросить вас помолиться за упокой души моего супруга. Похоронить его со всеми почестями у меня уже не получится. Его тело так и будет гнить под ликом солнца.

– Ралнос забрал его к себе, будь в этом уверена. Он погиб, защищая свою семью. Нет смерти достойнее. – Пран бы с радостью отдал жизнь за жену и дочерей, но они мертвы, а он все ещё дышит и топчет землю. Порой, ему кажется, что видит их смутные очертания, но когда поворачивается, то они развеваются по ветру.

Пран потерял их. Потерял, потому что сделал так, как велел господь. Всю свою жизнь он посвятил вере в бога. Каждый день молился, проводил службы, соблюдал догматы и наставлял других на праведный путь. Под угрозой смерти не отвернулся от веры и выбрал Ралноса, но в конечном итоге жестоко поплатился. За верную службу лишился тех, кто был ему дороже всего на свете.

Пран и Уинтира вместе помолились. Она за почившего мужа, а настоятель к ней присоединился как духовный наставник. Ей стало немного легче, молитва сделала своё дело, успокоила горюющую женщину.

– Вы издалека держите путь?

– Из Эвисфальта. Ралнос проложил нам путь из одного конца королевства в другое. По дороге защищал от опасностей и уберёг от самой главной. Без его помощи мы бы сейчас не разговаривали. Теперь он указывает нам новый маршрут.

– Бежите от опасности? – робко спросила Уинтира. Не было понятно, обращается она лично к Прану или ко всем сразу. Настоятель ответил за всех.

– Пытаемся спасти наши жизни, чтобы увидеть следующий день. Ралнос обязательно всех спасёт, нужно лишь верить. Господь не посылает трудностей, которые человек не может преодолеть.

– И где вы ищете своё спасение?

– Ранст ведёт нас в Ларнмас. Если где и есть укрытие, то точно там.

– Думаете, там вы будете в безопасности?

Пран не думал. Он на регулярной основе не обременял себя ненужными мыслями. Ранст верил в это. Остальные, похоже, тоже. Пран и сам говорил, что людям всегда нужно во что-то верить.

– Известно одному лишь Ралносу. Остальным приходится только надеяться, но за каждой тёмной ночью приходит рассвет. – кровавый рассвет, освещающий поле, усеянное трупами. Вороны клюют останки, а рой мух летит на сладкий запах гниющей плоти.

– Когда беда дойдёт до нас, – Уинтира не сказала «если», что очень важно. Женщина не верила, что сможет жить спокойно до скончания своих дней. Вчерашнее нападение могло тому послужить. – я не покину дом. Лучше умереть на родной земле, чем в неизвестном месте, дрожа от холода и страха. Дети Тьмы доберутся до всех.

А если не смогут, то люди доделают за них работу. Убивать себе подобных их любимая забава с незапамятных времён. Нет ничего приятнее, чем страдания другого человека. Пусть сам будешь умирать от голода, зато радоваться тому, что кто-то другой испытывает ещё и жажду.

– Спасибо, что помогли мне. Пойду уложу детей спать, час поздний. Им через многое пришлось пройти в столь юном возрасте. В прежние времена такого бы не случилось.

Случилось бы. Из трубы валит дым. Над очагом кипит котёл. Вариво выливается через край. На столе разложены та-

релки для четверых персон. Дверь выбита из петель. Пасть пса покрыта кровью. Он защищал свою семью как мог, доблестно сражаясь. Верил, что хозяин придёт на помощь. Из его распоротого живота на землю вывалились кишки. Пран проводит рукой по его гладкой шерсти. Закрывает ему глаза.

Заходит внутрь дома. Проверяет комнаты, но никого не находит. Тяжело дышит. Сердце так сильно колотится, бьёт по грудной клетке, словно узник проводит жестяной кружкой по стальным прутьям решётки. Мысли мечутся в голове, мешая думать. Взгляд падает на кухонное окно, через которое он наблюдал за играми своих девочек. Огромный ком застревает в горле, Пран с трудом его проглатывает.

Все посторонние звуки пропадают. Тук, тук. Только бешеный ритм бьющегося сердца звенит в ушах. Пран медленно выходит наружу. Не хочет видеть то, что его ждёт, но всё равно идёт за дом. Нет, ноги сами его несут, он не может сопротивляться. Голова закружилась, ему нехорошо. Воздаёт молитвы Господу, просит, чтобы то, о чём он думает, не произошло.

Не переставая, молится с закрытыми глазами. Если не видишь чего-то, то этого на самом деле не существует. Не замечает борозду на земле. Не так давно тут кого-то насильно тащили за волосы. Неуслышанные крики о помощи. Никто не придёт. Заворачивает за угол. Впереди растёт большое дерево. Девочки часто весело носились вокруг него, отдыхали в его тени, играли с собакой. Просили отца построить дом

на дереве. Он начал, но не успел закончить.

Пран останавливается. Говорит себе не открывать глаза. Голос дрожит. Долго он не выдержит. Ктисли высовывается из окна. Зовёт девочек на обед. Улыбается, глядя на них. Убирает волосы, упавшие на глаза, заправляет за ухо. Так она выглядит ещё прекраснее. Лигиса и Зовиль, смеясь, бегут в дом. Пёс идёт за ними, радостно виляет хвостом. Ему обломится лакомство со стола, и он это знает.

Нельзя открывать глаза, не перестаёт говорить себе Пран, но всё равно раскрывает веки. Теперь пропали все звуки. Сердце остановилось. Несколько секунд оно точно не билось. Постепенно звуки начинают возвращаться. Реальный мир снова прорисовывается. Слышен шелест листьев и дуновение ветра. В доме что-то грохнуло. Крышка котелка упала на пол и закатилась под стол.

Просто дерево, такое же, как и всегда. Листья зелёные, до сезона сбора урожая, когда они пожелтеют и опадут, ещё несколько месяцев. Пара босых ног болтается в воздухе. Пран не может поднять взгляд, не хочет на это смотреть. Усилием воли заставляет тело подчиниться себе. Ещё выше видны две пары маленьких ножек.

Нет, этого не может быть. Ралнос не мог так поступить с ним. Конечно, не мог, ведь это сделал не он, но и не остановил виновников. Платье Ктисли разорвано ниже пояса. Девочек тоже не пожалели. Первые месячные прошли, но они так и не успели вырасти в красивых девушек. Пран не при-

знавался, но очень хотел внуков.

Он всегда думал, случись что ужасное, из глаз брызнут слёзы. Два пустых шарика суше, чем пустыни Каасата. Нет чувства горя, скорби от потери. Он совсем ничего не чувствует. Внутри пусто, как в высохшем колодце. Стоит не в силах шевельнуться. Смотрит на немую картину, как три тела покачиваются в петле. Не знал, сколько там простоял, но показалось, что мир успел разрушиться, и родился новый. Время перестало существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.